

PRELUDE

ПРЕЛЮДИЯ

История о том, как всё начиналось!

Доктор Сэм Беккет не всегда был путешественником во времени, а Адмирал Эл Калавичи не всегда был голограммой. В 1993 году, в пещере Сталлионз-Гейт, штат Нью-Мексико, Сэм и Эл были обычными людьми с необычайными амбициями...
А Проект "Квантовый Скачок" был всего лишь мечтой.
Что же это за секрет, который делает Зигги больше, чем просто компьютер?
Почему Сэм действительно хотел путешествовать во времени?
Где же был Эл в ту роковую зимнюю ночь?
И кто едва не разрушил эту мечту, прежде чем она осуществилась?
Ответы находятся всего в одном скачке...

От Автора

Я хочу поблагодарить Лизу Уинтерс за предоставленное название для этой книги и другие незначительные детали, Линду Янг за то, что она напомнила мне о значении Мемориала ветеранов Вьетнама для главного героя книги, который потерял своего брата на этой войне, а также Эду Патману и Клэр из "Genie's Medical Rt" за предоставление подробной информации о клеточных культурах. Особая благодарность также Клаудии ДеГайлер за бесценное и объёмное исследование церемонии отставки Военно-Морского Флота, Джинджер Бьюкенен за отличные предложения и правку мелких деталей, а также Чарли Гранту, который всегда спускал меня с небес на землю. Любые ошибки, которые допущены в этой книге, являются на моей, а не на их совести. Случаются и совпадения: в августовском номере журнала "Discover" за 1992 год была опубликована статья о работе Масуо Айзавы в Токийском Технологическом Институте по объединению нервных клеток с электроникой. Моя концепция Зигги как нейронного "гибридного компьютера" предшествовала этой статье более чем на год, и Зигги, конечно, на несколько поколений старше работ Айзавы, но это забавно - и немного смущает - обнаружить, что ты пишешь научную фантастику, когда раньше думала, что пишешь фэнтези. Несколько поклонников отметили несоответствие между книгами о "Квантовом Скачке" в том виде, в каком их пишу я, и сериалом в том виде, в каком он представлен по телевидению, а именно: в сериале Сэм перемещался полностью со своим телом и разумом, также как человек, которого он заменил, появлялся со своим телом и разумом в Зале Ожидания. А в книгах перемещается только разум Сэма, а его тело остаётся дома, в будущем, и его занимает разум человека, которого он заменил. Всё, что я могу сказать в защиту этого, это то, что в течении первого сезона сериала было не до конца понятно, каким образом осуществляется квантовый скачок и я решила сделать описание процесса по своему усмотрению, основываясь на присущих этому сериалу драматических особенностях. Это может помочь убеждённому пуристу рассматривать книги как версию сериала "Квантовый Скачок" из альтернативной вселенной. Следовательно, в этом духе, можно было бы считать, что "Прелюдия" - это история не о том, "как всё произошло", а одна из версий того, как всё могло бы быть..

Лето, 1990

Разработав теорию о том, что человек может путешествовать во времени в пределах своей собственной жизни...

"Он читает много
И любит наблюдать,
насквозь он видит
Дела людские" - Уильям Шекспир, Юлий Цезарь, I, ii, 200

[ГЛАВА 1]

В утренней газете сообщалось, что Иран обвинил Соединённые Штаты в недавнем землетрясении. Студент из Навахо, посещающий Университет в Нью-Мексико, обнаружил "новый разрыв, который нужно преодолеть", который, по сути, был таким же старым, как столкновение двух культур. Житель Нью-Мексико был избран президентом Лиги объединённых граждан Латинской Америки. А в Альбукерке обещал быть ещё один жаркий, сухой, солнечный день. Лицо Адмирала Элберта Калавичи было почти такого же цвета, как простыни, на которых он лежал, его глаза были закрыты, а левая рука свисала с тягового крюка, чтобы держать её приподнятой. "Знаешь, твоя вчерашняя выходка действительно выбила тебя из колеи," - продолжал его посетитель. "Тебе понадобится некоторое время для того, чтобы встать на ноги." Сказанное было слишком очевидным. Глаза Эла, которые ещё минуту назад были закрыты, теперь возмущённо распахнулись. "Я что, по-твоему, какой-то старик?" Молодой человек, чью правоту с неохотой признавал Эл, поднял руки в знак протеста. "Нет, нет, нет, ничего подобного. Просто, знаешь, сейчас в твоей жизни многое меняется, и у тебя сломана рука. Отличная возможность для того, чтобы немного

расслабиться и потратить некоторое время на то, чтобы всё обдумать. Ты должен ей воспользоваться."

"Что ты можешь знать о том, что меняется в моей жизни?" - прищурился Эл.

Да, этот парень был напористым. Заглядывал прямо в душу. Вмешивался. Конечно, если бы этого парня там не было, чтобы оказывать давление на врачей и всё такое прочее,

Эл мог бы быть сейчас мёртв, а не лежать в больнице со сломанной рукой, из которой торчало множество проводков и шкивов. Но с другой стороны, если бы не этот парень,

Росс Мэлаки, в него бы вообще не стреляли. Это было расплатой Элу за то, что он ворвался в разгар ограбления.

Эта ситуация привлекла его внимание, в первую очередь потому, что он узнал Росса. Не то чтобы Росс Мэлаки был его другом: он просто был парнем, который работал на

Стивена Уэйлса, а Стивен Уэйлс был тем парнем, который возглавлял группу встреч, в которую входил Эл. Но когда Эл увидел Росса в галантерейном магазине, то сразу его

узнал, как сразу и увидел, что Росс пытался сделать, а именно - остановить другого парня, у которого был пистолет. Элу не нужно было слишком хорошо знать Росса: при

тех же обстоятельствах, он бы вмешался в любом случае.

И, конечно же, Элу "повезло", и он словил пулю. Если бы он не был так накачан обезболивающими, то мог бы себе сделать отметку на этот счёт.

"Я и не знаю," - пожал плечами Росс. "Я просто где-то слышал, что ты уходишь из армии, и...ну...что ты уходишь в отставку. Я когда-то тоже знал человека, который

покидал армию. Это было нелегко - внезапно оказаться гражданским лицом."

Эл внимательно изучал его. Росс как-то странно улыбался и вообще вёл себя так, как будто у него был какой-то секрет, какая-то тайна, которую он держал при себе. Но

помимо этого, он был первым человеком, который, казалось, действительно понимал, что чувствует Эл. Получить ранение, по сути, мог каждый. Но расставаться с той

жизнью, которую он знал, и которой он жил, на протяжении тридцати лет - это значило нечто большее. Эл немного смягчился, а его подозрения рассеивались.

"Я не хочу оставаться здесь," - Эл с отвращением посмотрел на свою руку. "Тут по-настоящему дерьмово."

"Знаешь, что по моему мнению, ты должен сделать." - с невинным выражением лица спросил Росс. "Перестать напрягаться. Я имею ввиду, прямо сейчас," - поспешно добавил

он. "Из-за пулевого ранения должно пройти какое-то время. Это достаточно серьезно!"

"И как ты думаешь, малыш, что же мне делать со всем этим временем, которое, по-твоему, у меня есть?" - слова Эла прозвучали с сильным сарказмом, но не настолько,

чтобы не было ясно, что Элу любопытен ответ. Он наклонил голову, наблюдая, как Росс обошёл кровать и поправил провода, крючки и другие приспособления, чтобы рука Эла

висела удобнее. Парень действовал ловко и профессионально, и изменения значительно помогли.

"Я думаю, что если у тебя есть друзья в этой части страны, то ты должен им позвонить," - сказал Росс. "Готов спорить, что они были бы рады и захотели тебя видеть."

Эл собирался было возразить, но вдруг передумал. Да, был один человек, которому это было нужно, и этот человек был почти рядом.

"Да, я думаю, что, наверное, могу это сделать."

"Конечно, можешь. Он действительно хочет услышать тебя. Как будто от этого зависит его жизнь," - с улыбкой сказал Росс. "Ты же не хочешь разочаровать старого друга, не так ли?"

"Нет, я думаю, что нет..." - смущённо, но по-прежнему настороженно ответил Эл, наблюдая за Россом.

"Да, и кстати у меня есть для тебя подарок. Считай это благодарностью за спасение моей жизни, ну или, как пожелание скорейшего выздоровления и хорошей предстоящей отставки."

"Да ну?" - подарки всегда радовали и создавали нужную атмосферу хорошего настроения. Подозрения рассеялись. Эл улыбнулся и снова попытался сесть.

"Мне придётся открыть его для тебя," - предупредил Росс. Он достал плоскую коробочку. "Вот, видишь карточку?"

На обложке карточки-открытки была грубо нарисованная карикатура на изрядно мумифицированного мужчину в бинтах. Эл открыл её свободной рукой, чтобы показать, что он не беспомощен и прочитал вслух надпись на карточке:

"Когда прыгаешь в неизвестность, убедись, что у тебя за спиной парашют! Скорее выздоравливай!"

"Ты не подписал её" - заметил Эл. Но тут его взгляд упал на коробку, которую ему протягивал Росс и он отложил в сторону карточку-открытку, взял коробку у Росса и сняв с неё обёртку, открыл её.

"Что за...?"

В коробке был галстук. Эл взял его в руки - тонкий шёлковый галстук, тяжёлый, дорогой, красивый, флуоресцентно-фиолетовый с крошечными ярко-розовыми квадратиками и кружочками.

"О, Боже," - сказал Эл, испытывая благоговейный трепет и ужас в равной мере. "Эй, я же служу в армии. Я не ношу ничего подобного."

"Ты сделаешь это." - заверил его Росс.

Три недели спустя, закончив курс внутривенной терапии для предотвращения возможной инфекции костей и попытавшись (неудачно) назначить свидания каждой медсестре в своём отделении, Эл был выписан из больницы с перевязкой, рекомендацией о физиотерапии и стойким отвращением к гражданским больницам. По всем правилам его должны были перевести в базовый госпиталь Киртланда, но из-за неразберихи с документами он остался там же где и был, пока хирурги устраняли повреждения, вызванные пулей в предплечье, - ничего серьёзного, но из-за того, что это было слишком близко к плечу, то вызывало некоторый дискомфорт. Если бы пуля попала на долю дюйма ближе, то это разорвало бы артерию, и он бы истёк кровью до смерти. Позже врачи сказали, что Росс Мэлаки продемонстрировал сверхъестественное знание процедур неотложной медицинской помощи. Это предотвратило необратимые последствия. В принципе, Эл мог бы уже свободно работать второй рукой, если бы делал в точности то, что ему говорили врачи.

Если подумать, врачи в военных госпиталях говорили такие же глупости. Когда Эл выписался из больницы после возвращения из Вьетнама, ему дали список лекарств и тоже отпустили. Врачи везде были одинаковыми. Сейчас всё было так же, как и более двадцати лет назад - путь из тусклого затенённого вестибюля и запаха антисептиков на яркий солнечный свет и с ощущением пустоты, и полным непониманием того, что делать дальше. Эл прищурился и огляделся в поисках такси, которое должно было его ждать.

Но такси не было.

Герои на телевизионных шоу могли получить пулевое ранение в руку и жить дальше, как ни в чём не бывало. Эл настаивал на выписке из больницы с тех пор, как очнулся от наркоза. Но Эл также был чертовски уверен в том, что не собирался стоять под стоградусным июльским солнцем в Нью-Мексико, пока не появится такси.

К сожалению, присесть было негде, и он не мог дойти пешком до Центрального Авеню, чтобы поймать такси там. Во-первых, его рука, которой он голосовал, временно вышла из строя, а во-вторых, такси в Альбукерке было не так уж и часто. Если подумать, то единственным местом, которое мог вспомнить Эл, где можно было поймать машину, находилось в аэропорту. Он размышлял о том, чтобы вернуться в тень и немного посидеть, когда увидел как Росс Мэлаки вышел из входа в больницу позади него. Эл вспомнил, что парень навещал жену Уэйлса.

"Адмирал?"

Росс был каким-то другим. Тогда, в больнице, спустя мгновение после того, как он отдал Элу галстук, то внезапно вдруг в удивлении заморгал, отступил назад, и попятился из комнаты, в которой находился Эл, как будто был чем-то сбитый с толку. Эл решил, что парень немного стесняется из-за своего подарка. Но всё-таки Росс выглядел как-то моложе, менее самоуверенно. Как будто, когда подарок покинул его руки, то вместе с ним ушло и что-то ещё. Подарок, кстати, был довольно странным, но чем больше Эл смотрел на этот галстук - ужасное розово-фиолетовое творение, - тем больше он ему нравился. Видимо сказывалось несколько извращённое чувство юмора, от которого военным так и не удалось полностью избавиться. Эл кивнул и улыбнулся, отвечая на приветствие.

"Вас уже выписали, сэр? С вашей рукой всё в порядке?"

Эл посмотрел на свою белую перевязку и усилием воли заставил себя не пожимать плечами.

"Да, всё в порядке. Они просто позволили мне уйти. Теперь бы ещё поймать такси..."

"Так вас нужно подвезти обратно в ваш отель? Я могу это сделать."

Предложение было искренним, мгновенным и без всяких условий - это была импульсивная щедрость, которую Эл встречал лишь у немногих людей. Будучи сам менее щедрым человеком, Эл был склонен воспользоваться этим предложением.

"Конечно," - быстро сказал он. "Бог знает, когда появится такси. Думаю, у меня по-прежнему есть комната."

"Даже если и нет, то ваши вещи всё равно останутся в отеле," - заверил его парень. "Я уверен, что копы или ещё кто-нибудь, сообщили им о том, что произошло."

"Кстати, о копах. Ты-то в порядке?"

Выражение лица Росса и его голубых глаз было таким, как будто у него были проблемы с памятью.

"О, конечно," - неуверенно сказал он. "Они сказали, что мне придётся давать показания, но потом Стенно признал себя виновным, так что, думаю, что на этом всё. А Лизе даже не предъявили обвинения."

"Должно быть, Лиза, это та девушка из магазина," - подумал Эл. Когда Эл проходил мимо того магазина и увидел парня, который направлял пистолет на Росса и хозяйку

магазина, то у Лизы, дочери Стивена Уэйлса, на лице было выражение откровенного ужаса и какого-то просветления. Эл был готов поспорить, что она на самом деле не знала во что ввязывается. Было приятно знать, что ей не придётся расплачиваться за это.

Росс подвёл Эла к красному "Блейзеру", и Эл со вздохом облегчения откинулся на спинку сиденья. Рука болела сильнее, чем он хотел признать, а внутри машины было жарко

как в духовке. И это тепло было замечательным.

Они были уже больше чем на полпути к отелю, когда в машине заработал кондиционер. К тому времени прохладный воздух тоже казался замечательным. Над горами Сандия собирались грозовые тучи, но дождь должен был начаться позже. От асфальта всё ещё поднимался пар, окутывая машины перед ними.

Росс оставил Эла в машине с включённым кондиционером, а сам отправился к стойке администрации, предполагая, что Эл выглядел не совсем готовым пройти дюжину ярдов до вестибюля. Когда он вернулся, у него был ключ и потрёпанный кожаный чемодан Эла.

"Они дали вам новую комнату на первом этаже," - сказал Росс. "На стойке регистрации была дама по связям с общественностью. Она действительно была милой". Его тёмные брови нахмурились, как будто он снова пытался что-то вспомнить. "Я провожу вас."

И он не только проводил Эла до комнаты, но и открыл ему дверь и сам отнёс в комнату маленький чёрный чемоданчик Эла. Эл подумал о том, чтобы дать Россу немного денег. Но Росс только неловко улыбнулся, помахал рукой, а затем снова сел в свой красный "Блейзер" и уехал, оставив Эла гадать, что заставило его измениться.

Номер в отеле был идентичен тому, в котором Эл жил раньше, был оформлен в стиле Пуэбло-деко, с имитацией гравюры Р.К.Гормана рядом с ванной и стенами, выкрашенными в коричневый и оранжевый цвета, предположительно, чтобы вызвать мысли о закате в пустыне. Покрывало на кровати было серого, чёрного, коричневого и кремового цвета, напоминающее ковёр племени Навахо; ковёр был стандартного горчично-жёлтого цвета, как и сам номер в отеле. От многолетней пыли и износа всё выцвело.

Эл осторожно лёг на кровать, уставился в потолок и задался вопросом о том, чем ему заняться прямо сейчас. Ему хотелось выкурить сигару. Врачи не разрешали Элу курить в больнице.

Эл уже успел позвонить в Вашингтон. Окончательные документы об отставке были поданы, пока он находился в больнице, а его офис пока отклонил его последние запросы. Эл попросил ещё две недели отпуска и он их получил. Но он не знал, что собирается с ними делать. В данный момент Элу требовалось закончить последние бумажные работы и подготовить передать своё "командование" текущими проектами. Его жизнь подходила к концу. Он не был уверен в том, что его ждёт после выхода в отставку: армия была его единственным домом слишком много лет. Даже когда Эл был военнопленным, он был членом Вооружённых Сил Соединённых Штатов Америки, и он точно знал, кто он такой. Ему не всегда это нравилось, но это знал. А сейчас через несколько месяцев, он не был уверен, кем он станет. Эл выдохнул струю едкого

дыма в потолок.

Он больше не хотел ходить ни в какие группы встреч.

Он очень, очень устал от переездов с места на место и от того, что у него не было дома, кроме военного жилья.

Возможно, это было лучше, чем вообще не иметь дома.

А, возможно, и нет.

Предложение Росса было по-прежнему актуальным.

Ну, почему бы, чёрт возьми, и нет.

Но он не собирался рассказывать Сэму о том, как разгуливал без рубашки, участвуя в мужской группе встреч. Если повезёт, Сэм об этом никогда не узнает. Просто это было

слишком неловко.

Эл приподнялся с кровати, морщась от боли в травмированной руки, подошёл к телефону и взял в руки телефонную трубку.

[ГЛАВА 2]

"А теперь, доктор Беккет," - сказал сенатор, подняв глаза из под нахмуренных бровей, - "Расскажите нам ещё раз о том, как эта ваша идея принесёт пользу для нашей

страны". Он откинулся на спинку своего кожаного административного кресла, отчего оно откатилось от стола цвета вишнёвого дерева. Стул заскрипел по коврику на полу, и

сенатор покрутился ещё раз назад и вперёд, повторяя этот звук и улыбаясь себе.

Сэм Беккет вздохнул и сел, готовясь снова вступить в бой. Другой сенатор, женщина материнского типа, сидевшая не совсем за столом, но определённо по другую сторону от

своего коллеги, улыбнулась совсем не по-матерински. Сэм этого не заметил. В отличие от сенаторов, он сидел в прямом, неудобном кресле для просителей, и когда он уже

собирался ответить, то его взгляд упал на застеклённые книжные шкафы, которые располагались сзади от его аудитории. Стёкла блестели чистотой, свидетельствуя о

недавнем вытирании пыли. Сэм с грустью подумал о том, а не скрывает ли пыль тот факт, что на самом деле никто в этом кабинете на самом деле не читал книг за этими

стёклами.

"Прежде всего, это важное исследование, сенатор Бантам," - Сэм повторял свои же слова, и как любой другой человек, он понимал, что невозможно заставить кого-то понять

объяснения, просто повторяя одни и те же слова, снова и снова, как будто повторение сделает их волшебным образом понятными.

Но он так усердно работал над этой презентацией, что образ слов на бумаге не выходил у него из головы. Он надеялся, что ему удастся потрясти комитет. Но Сэм не ожидал, что ему придётся столкнуться со "змеями" и...он не совсем понимал, что думать о сенаторе Джудит Дризни. Не было ни комитета, ни слушаний. Всего два сенатора и их помощники.

Сэм даже не был уверен в том, законно это или нет. Заседания комитета обычно не проводились в частных кабинетах с каучуковыми деревьями - причём искусственными - в углах.

В остальном, Сэм признал, что это был очень приятный офис. Полы из массивного дерева, тяжёлые ковры и очень дорогой письменный стол, который, должно быть, был приобретён на средства рядовых налогоплательщиков. В воздухе висел довольно свежий запах дыма от сигар, и Сэм задался вопросом, соблюдает ли Бантам правила о запрете на курение в правительственных учреждениях. Возможно, Бантам не думал об этом месте как о правительственном учреждении. Может быть, он думал, что это его личный офис.

Также не было никаких компьютеров. Сэм не понимал, каким образом Сенат вообще справлялся с какой-либо работой без компьютеров.

"Да, доктор Беккет?" - вывел его из задумчивости Бантам. "Вы что-то сказали?"

Сэм устало вернулся к своим аргументам:

"Для того, чтобы проводить прикладные исследования, сенатор, такие, какие мы пытались провести на Проекте "Звёздный Свет", нужно сначала выполнить основную работу. Человеку со стороны может показаться, что эта работа не имеет отношения к делу; она может даже показаться несерьёзной; но невозможно получить конечный продукт, не имея фундамента, от которого можно отталкиваться."

"О да, я вижу. Фундамент. Фундамент для империи доктора Беккета, не так ли?" - Бантам бросил косой взгляд на Дризни, приглашая её разделить шутку. Дризни, явно не любительница научной фантастики, непонимающе посмотрела в ответ. Бантам фыркнул и повернулся обратно к Сэму, позволяя своим словам протяжно висеть в воздухе. Конечно, он был просто молодец. "Итак, вы пришли на Проект "Звёздный Свет", решили, что у этого Проекта нет хорошего фундамента, предложили закрыть его, чтобы иметь возможность заняться чем-то другим?"

"Тем не менее, я действительно уважаю ваш интеллект, доктор Беккет. Чертовски трудно, говорю вам, игнорировать лауреата Нобелевской Премии, когда он заходит в мой офис со шляпой в руке, чтобы попросить финансирование для своего любимого Проекта," - он сделал паузу, чтобы насладиться

выражением скептического раздражения, которое начинало проявляться на лице его посетителя, когда до него дошёл тот факт, что его оскорбили. "Но, в первую очередь я должен помнить об интересах американского народа," - продолжал он. "Мы с Джудит просмотрели бюджет, который вы составили. Это слишком много денег. Почему вы считаете, что ваша идея стоит того? Вы хоть представляете, скольких детей мы могли бы накормить за такие деньги?"

Сэм перевёл взгляд с Бантама на Дризни и обратно. Угасающий солнечный свет освещал их неравномерно, как Люцифера и его тень, и Сэм на мгновение задумался над тем, чем он будет искушаться сейчас. Может ли быть Сэм Беккет в роли Доктора Фауста? "Жаль, что мы не можем найти какое-то практическое применение," - произнесла тень Джудит. Она снова улыбалась, обнажая неровные белые зубы.

Сэм подумал о том, что так было всегда. Он возвращался в Вашингтон из Нью-Мексико по крайней мере раз в неделю, каждую неделю, вот уже почти год. Проект "Звёздный Свет" закрыли, потому что было слишком много вещей, которых они не знали, и Сэм Беккет был тем, кто сказал об этом. Затем они попросили его составить проектное предложение, дав ему ровно столько стартового капитала, чтобы он мог начать. Теперь они пересматривали это предложение. Да, им по-прежнему это было интересно. Просто они не хотели за это платить.

"Это основано на теориях Хокинга, не так ли?" - размышлял Бантам. "Таким образом, в некотором смысле, можно сказать, что Хокинг провёл фундаментальное исследование. Вы могли бы взять его работу и..."

"Нет, сенатор. Я не хочу вводить вас в заблуждение," - сказал Сэм. "На самом деле мы расширяем сферу работы Хокинга. Мы переносим это в совершенно новую область, интегрируясь с работой Лотфи Заде в области нечётких логических вычислений..."

"Вы говорите, что можете создать компьютер, который может справиться с "более высоким уровнем сложности, чем ранее достижимый," - перебил Бантам с видом человека, который готов перейти в наступление. "У нас есть дюжина компьютеров, которые могут решать сложные задачи. Но если вы предоставите такой, какой мог бы справиться с дефицитом бюджета, у вас могло бы что-то получиться". Он фыркнул, и если бы Дризни находилась к нему достаточно близко, то он ткнул бы её локтём в рёбра. Она отступила на дюйм, не разделяя его чувства товарищества.

"Дело не только в сложности," - устало сказал Сэм.

"Я полагаю, что вы можете попытаться передать это в Министерство Энергетики," - сказал Бантам. "Похоже, в наши дни они

увлекаются странными вещами. Может быть, они смогут найти в этом применение для оружия или что-то в этом роде".

"Я думала, что это будет использовано для обороны," - задумчиво сказала Дризни, как будто Сэма здесь не было.

"Нет. Они используют только это вещество. Энергетики занимаются исследованиями," - Бантам поставил локти на стол и повернул голову как стервятник, чтобы уделить ей всё своё внимание.

"Вот этот новый отдел," - невозмутимо предположила Дризни. "Похоже, что никто ещё не разобрался в том, что они делают. И они, безусловно, заинтересованы в новых проектах. У них могут быть какие-то случайные бюджетные деньги, которые они ещё не выделили."

"Это возможно," - согласился Бантам, беря карандаш и постукивая им по зубам.

Сэм закрыл глаза. Похоже, ему придётся вернуться ни с чем, снова переписывать своё предложение и обшаривать чужие залы в поисках финансовой поддержки. На самом деле, это было так просто. Всего лишь вопрос создания компьютера. Не многозадачность, не параллельная обработка.

Компьютер с вдохновением.

Компьютер, который мог бы мечтать.

Компьютер, который мог бы отправить Сэма Беккета в прошлое, чтобы увидеть и понять, что произошло на самом деле: когда были застрелены Мартин Лютер Кинг и Джон Кеннеди, когда умерла Мэрилин Монро, когда произошли все эти загадки.

Когда Донна оставила его у алтаря.

Сэм встал и вышел из кабинета, оставив ссорящихся сенаторов позади себя, и, размышляя, пошёл по коридорам. Это была одна из вещей, которые у него получались лучше

всего: Сэм обошёл шеренгу школьников, не заметив, что их учительница узнала его и взволнованно заговорила о нём со своими подопечными, и не подозревая об ответных и

острых взглядах людей, мимо которых он проходил. На него так смотрели с того времени, когда его лицо попало на обложку журнала "Тайм". Он предполагал, что это

заставляло его мать гордиться им, но в остальном для него это было не важно. У него не было возможности сделать больше, чем думать, с тех пор, как он провёл

заключительный брифинг по Проекту "Звёздный Свет". Он хотел работать. Он хотел создать этот компьютер, чтобы увидеть, как его теории обретают форму. Он работал над

этим с тех пор... Сэм не мог вспомнить, когда начал думать о времени, как о куске верёвки. Он знал, что это как-то связано с тем, что он что-то услышал по

телевизору. И он знал, что если действительно попытается вспомнить это, то он вспомнит. Но Сэм никогда особо не утруждал себя попытками вспомнить это. Во-первых, это

было слишком просто. А во-вторых, это заставляло его чувствовать себя немного больше похожим на нормального человека. Он не был нормальным человеком. Он хотел создать этот компьютер. Он хотел отправиться в прошлое, выяснить, что пошло не так, и исправить это. Как только он поймёт прошлое, то сможет вернуться в Проект "Звёздный Свет" и разобраться с будущим. Сначала - время, потом - пространство. К сожалению, для того, чтобы сделать всё это, Сэму пришлось иметь дело с политиками, финансистами и другими людьми, которые хотели конкретных результатов прямо сейчас, хотели, чтобы весь мир упал прямо к их дверям. Ни один из них не мог оценить истинное удовольствие от научных исследований. Сэм вышел из здания, спустился по мраморным ступеням и пошёл вверх по улице, не обращая внимания на движение, шум и влажную дымку Вашингтонского дня. Он мог бы находиться где угодно. Для него это не имело значения. Он был погружён в расчёты теории.

Когда Сэм вернулся вечером в отель, то его ждало сообщение. Ему было нетрудно достать единственный билет в Центр Исполнительских Искусств. Обычно это было не так. Сэм всегда старался посетить хотя бы один концерт или один мюзикл, когда был на Восточном Побережье: это была его личная награда за то, что он вообще там находился. Когда Сэм подходил к стойке регистрации, то отчаянно надеялся, что это сообщение было от Дризни, что она, возможно, передумала и что, по крайней мере, не всё ещё потеряно. Сообщение было от Эла. Сэм радостно улыбнулся и бегом побежал к лифтам. Он нащупал ключ от своей комнаты, вставил его в замок и бросился к телефону. Сэм уже набрал номер до того, как узнал код региона, поэтому, когда на другом конце провода сняли трубку, то его первыми словами были: "Какого чёрта ты делаешь в Нью-Мексико?" "И тебе привет," - раздался знакомый хриплый голос. "Я выздоравливаю после огнестрельного ранения. А как прошёл твой день?" "Ты что?" А потом были объяснения, изумление, взаимные обвинения и смех - два старых друга обменивались историями и недавними событиями.

"Что ты вообще делаешь?" - спросил наконец Сэм. "Ты был в лабораториях? Хотел бы я знать...я был там всего пару дней назад."

"Пару дней назад я был накачан лекарствами по самые жабры в больнице," - проворчал Эл, лишь слегка преувеличивая для сочувствия. "Где ты был?"

"Я был на Проекте," - глубоко вздохнул Сэм. "Надеюсь, что это будет Проект," - мысленно поправил он сам себя.

"Да?" - Эл попытался притвориться, что ему было мало интересно, но у него это плохо получилось. "Это то новое дело, над которым ты работаешь? Итак, что происходит?"

"Я не могу говорить об этом по телефону," - сказал Сэм, запоздало вспомнив об ограничениях. "Слушай, когда ты собираешься вернуться в Вашингтон?"

Сэм услышал движение на другом конце линии, как будто Эл двигался, слышал его ворчание и вздох. Сэм машинально поморщился при воспоминании о сигарном дыме.

"Я думаю, что мне стоит задержаться здесь ещё на несколько дней," - наконец сказал Эл. "Скорее всего, я буду находиться на базе, в Офицерских Покоях Бакалавриата".

В голосе своего друга, Сэм услышал напряжение, и он хотел спросить, всё ли с ним в порядке, но что-то ему подсказывало, что этот вопрос лучше не задавать. Эл был его

самым близким другом, но он мало кому доверял. Если бы он был сильно ранен, то он бы отшутился по этому поводу. А вот то, что Эл сказал, что останется в Нью-Мексико,

было равносильно признанию, что ему больно.

"Хорошо," - сказал Сэм. "Так тоже годится. Я собираюсь провести здесь ещё пару дней, а потом вернусь в..." - он заколебался. Он не мог сказать Элу, пока не мог. И,

конечно, в любом случае, это был не телефонный разговор. "Я буду в Нью-Мексико. Так что оставайся там и когда я приеду мы поужинаем в "Сэди" или в "Фабрике Санитарной

Тортильи" ".

"Договорились," - сказал Эл. "Сейчас я оставляю тебе номер базового локатора".

Обменявшись информацией, Сэм повесил трубку и по его лицу начала блуждать улыбка, когда он задумался о предстоящих возможностях. Эл Калавичи в Нью-Мексико. Прямо на

пороге отставки. И он, наверняка, будет искать чем себя занять. А Сэм уже кое-что задумал. Сэму Беккету нужна была акула для Вашингтонских вод, и никто не подходил

для этого лучше, чем Эл Калавичи.

"О, Боже!" - несколько раз в восторге воскликнул Сэм.

[ГЛАВА 3]

На следующий день Сэм направился в Библиотеку Конгресса, чтобы провести несколько часов за просмотром последних журнальных статей. После этого он пообедал с коллегами, также посетившими столицу в бесконечных поисках государственного финансирования, и вежливо отклонил приглашение присоединиться к ним в их различных исследовательских и/или высших учебных заведениях.

"Что случилось, ты едешь в Лос-Аламос?" - спросил один из них, бородатый, худощавый мужчина, который сутулился даже сидя. Сэм ухмыльнулся и покачал головой.

"Нет. Стараюсь ковать железо пока горячо."

"И как, удачно?" - поинтересовался другой мужчина, поправляя очки на носу.

Когда Сэм ничего не стал отвечать, то бородатый мужчина обменялся понимающими взглядами с двумя своими коллегами. Отказ публично говорить о работе означал секреты, и эти секреты были не только производственными.

Третий мужчина, который единственный из сидящих за столом был без галстука, сразу сменил тему.

"Итак, Сэм, как тебе нравится быть святым покровителем нелуддитов?"

"Святым покровителем кого?" - в качестве тактики смены темы это сработало отлично. Сэм отложил вилку, которой он ковырялся в лососе, и сделал большой глоток кофе.

"Лучше бы мне поскорее получить финансирование," - совершенно некстати подумал Сэм. Потому что в противном случае ему пришлось бы приносить свои обеды из дома самому.

"Нелуддиты. Это кучка технолюбов," - бородатый мужчина ткнул ножом в лист салата. "Как раз в тот момент, когда Министерство Энергетики делает невыносимой нашу жизнь вместе с Командой Тигров, которые занимаются проблемами безопасности и проблемами окружающей среды, появляется эта группа и провозглашает своим Евангелие девиз: "Создай один Компьютер - убей одну Пятнистую Сову".

"Я полностью за то, чтобы создать этот компьютер," - улыбнулся его собеседник в очках. Остальные, включая Сэма, с энтузиазмом закивали. "Но всё-таки они бы могли и дать птице шанс. Это же всё-таки наглядный символ экосистемы".

"Ладно, Шелби, хватит уже об экосистеме," - перебил его бородатый мужчина. "Он сегодня всю дорогу читает нам лекцию о проклятой экосистеме," - объяснил он Сэму.

"Сэм понимает, что я имею ввиду," - запротестовал Шелби.

"Дело в том, что этого не понимают нелуддиты. Они думают только о том, чтобы было больше машин, больше фабрик, больше промышленности, больше рабочих мест. Но они не

продумывают всё это до конца." - бородатый мужчина был явно зол.

"Им не нужно об этом думать," - сказал мужчина без галстука. Он был единственным, у кого в тот день не было встреч с политиками, и поэтому он мог позволить себе вести

себя непринуждённо. Его звали Йен Сюиэ-Лунг, и ходили слухи, что он был следующим кандидатом, которого рассматривал Нобелевский Комитет, в тот год, когда Сэм Беккет

получил Нобелевскую Премию. "Почему они должны об этом думать? Любой, у кого есть глаза, чтобы прочитать экономические прогнозы, может увидеть, что они правы."

Эти слова вызвали немедленную бурю протеста со стороны Шелби и бородатого мужчины, которого звали Уитсандер. Сэм сидел и слушал до тех пор, пока другие обедающие не

начали многозначительно смотреть в сторону спорщиков, а затем поднял руку.

"Как насчёт того, чтобы мы все успокоились и послушали, что скажет Сюиэ-Лунг?" - мягко сказал он. "Или, хотя бы, просто успокоились?"

"Спасибо, Сэм," - вежливо ответил Сюиэ-Лунг. Шелби и Уитсандер что-то проворчали, но умолкли.

"Нелуддиты, к сожалению, экстремальны, это правда," - продолжил Йен Сюиэ-Лунг. "Но нужно признать, что они правы в том, что нетронутый старовозрастный лес

обеспечивает сравнительно гораздо меньше рабочих мест и гораздо меньший вклад в национальное богатство, чем та же земля, превращённая в фабрику по производству, ну

скажем, компьютерных чипов," - он кивнул Сэму. "Их поддержка была бы нам полезна, когда мы работали над Проектом "Звёздный Свет".

"Я лучше буду пить из ручья, протекающего через этот старовозрастный лес, чем из ручья, в который сбрасывались отходы с той фабрики," - сказал Шелби.

"Лично я бы предпочёл, чтобы вода была очищена в любом случае," - парировал Сюиэ-Лунг. "Однако для правильного использования ресурсов требуется фабрика."

"Ты согласен, Сэм?" - спросил Уитсандер. "Ты что-то очень тихий."

"Да, мы хотим знать мнение святого покровителя," - присоединился к нему Шелби. "Ты нелуддит?"

Сэм только усмехнулся, покачивая головой. Упоминания о Нобелевской Премии или его собственной славе, всегда вызывали у него дискомфорт, особенно со стороны учёных,

которых он считал своими сверстниками. Он знал, что многие из них, особенно те, что постарше, завидовали ему: Сэму хотелось думать, что те, кто был ближе к нему по

возрасту, больше поддерживали его, но он знал, что это тоже неправда. Он обнаружил, что ведёт себя очень тихо в разговорах, потому что не хотел напоминать другим о

своём опыте в стольких различных областях, который он приобрёл за тот же период времени, какой бы потребовался другим для того, чтобы овладеть только какой-нибудь

одной областью. Отсутствие практики в светских беседах с коллегами-учёными часто приводило к тому, что он казался неловким. Однако, прежде чем он успел ответить, вмешался Сюиэ-Лунг:

"Сэм имеет академическое образование - шесть докторских степеней, не так ли? - и он имеет известность, связанную с получением Нобелевской Премии. Кроме того, он молод и представителен, бывший вундеркинд, и хорошо смотрится на обложке журнала "Тайм". Его личные убеждения не имеют никакого значения. Согласно вчерашнему изданию "Уолл Стрит Джорнал", его достижения должны стать идеалом для каждого мыслящего человека," - мужчина тонко улыбнулся Сэму и аккуратно сложил салфетку рядом со своей тарелкой. "Ты - символ, не больше и не меньше. Твоё активное сотрудничество с группой, вероятно, было бы оценено по достоинству, но в нём нет ни малейшей необходимости."

"Я не уверен, что мне комфортно быть символом," - возразил Сэм, чувствуя как его лицо заливают жар. "Особенно, когда я не разделяю эти идеи". Он не мог понять, зачем Сюиэ-Лунг всё это говорит и ему хотелось, чтобы этот разговор прекратился.

"А, значит ты любитель вернуться к природе?" - бросил вызов Шелби, меняя сторону с ошеломляющей скоростью.

"Нет, это не так. Но должен быть способ создать технологии, индустрии и рабочие места и при этом полностью не уничтожить этот старовозрастный лес."

"Ход твоих мыслей, Сэм, такой же устаревший, как и этот лес. По крайней мере, ты мог бы подумать о встрече с нелуддитами, Сэм, они могут тебя удивить," - Сюиэ-Лунг

посмотрел на свои часы, сверкающий золотой "Роллкс". "Пожалуйста извините меня, но я должен идти. Это был самый приятный перерыв". С этими словами он встал, достал из бумажника три десятидолларовые купюры, бросил их на стол и ушёл, даже не обменявшись рукопожатием на прощание.

"Странный этот парень," - заметил Уитсандер. "И к тому же мелочный. Тот лосось стоит двадцать семь девяносто пять, а с учётом налога, на чаевые остаётся не так уж много..."

"Вероятно, это были все его наличные деньги," - заметил Шелби. "Итак, для нелуддитов ты герой, Сэм. Каково это - быть героем?"

"Я бы предпочёл быть героем для своего бюджетного координатора," - ответил Сэм. Все трое мужчин рассмеялись и, к большому облегчению Сэма, разговор перешёл на другую тему.

В тот день у Сэма была ещё одна встреча с ещё одним федеральным агентством, которое предложила Дризни. Там Сэма были готовы выслушать, что поначалу немного нервировало его: это напомнило ему старую шутку Гручо Маркса о том, что он не хочет вступать ни в какой клуб, в котором он был

бы членом. Но у них были деньги, которые они готовы были выделить, им понравилась идея компьютера, и они были впечатлены его верительными грамотами. Они пообещали рассмотреть его предложения. Когда поздно вечером того же дня, Сэм уходил от них, то чувствовал, что у него наконец-то появились реальные зачатки собственного Проекта.

Сэм стоял на ступеньках невзрачного офисного здания и глубоко дышал, наслаждаясь свежим воздухом, относительной тишиной после часа пик и бурлящим чувством восторга.

Он собирался это сделать.

Он собирался его создать.

Даже если его спонсоры не знали об этом, а если бы и узнали, то всё равно бы не поверили, Сэм собирался самостоятельно путешествовать во времени. Он собирался увидеть, что произошло на самом деле. Вся путаница, все ошибки, вся неопределённость исчезли бы. Он действительно мог попасть туда и увидеть, что произошло.

Независимо от того, верило в это правительство или нет.

У него оставалось ещё одно дело, о котором нужно было позаботиться, прежде чем вернуться в Нью-Мексико и встретиться с Элом - это сделать первый шаг к созданию команды. Новой команды, собранной им лично. Он должен был найти эту чудаковатую - не-помню-как-её-зовут - рыжеволосую Мартинес-О'Фаррелл, для разработки компьютерной архитектуры - она была великолепной, при условии если её вытащить из торгового центра на достаточно долгое время. А Живчик из Проекта "Звёздный Свет" мог программировать что угодно и ему наскучила его нынешняя работа.

Сэм ухмыльнулся. Компьютер, который он задумал, излечил бы от скуки любого программиста и, вероятно, впридачу вызвал бы у него ночные кошмары. Сэму не терпелось показать им всем дизайн компьютера.

Вероятно, именно его широкая ухмылка и привлекла внимание молодого блондина, который поднимался по ступенькам. В любом случае, мужчина изменил направление и подошёл прямо к Сэму.

"Доктор Беккет?" - произнёс он, протягивая руку. Его голос не звучал вопросительно.

Ближайшие окрестности были пусты: машина Сэма была припаркована через дорогу в гараже, и несколько человек, которые прогуливались по лужайке в нескольких сотнях ярдов от них, были единственными, кого можно было увидеть.

"Э-э-э, да," - вернувшись в настоящее время, Сэм моргнул и автоматически пожал руку.

"Я - Крис Джансик из Новостей, доктор Беккет. Возможно, вы видели мой профайл члена комитета от Демократической партии в прошлом месяце? Или моё исследование системы Вашингтонского метро? Оно проходило в прошлом году."

"Мне жаль," - извинился Сэм. "Но, боюсь, я не видел ни того, ни другого."

Крис Джансик улыбнулся, демонстрируя белоснежные зубы.

"Всё в порядке, доктор Беккет. Я всё понимаю," - и он действительно всё понимал. Потому что никакого профайла и никакого исследования под его именем никогда не существовало. "У вас есть несколько минут, сэр? Я большой поклонник вашей работы".

"Ну..." - Сэм всегда чувствовал себя крайне неудобно в присутствии репортёров. Он постоянно спрашивал себя, совсем как любой фермер из штата Индиана, почему, чёрт возьми, люди считают его таким интересным. Да, его работа была интересной, но он был просто ещё одним учёным...

"Всего несколько минут, сэр. Пара вопросов для статьи в нашей серии о новых разработках в области физики."

"Боюсь, что я не могу вам сообщить ничего нового," - нахмурился Сэм.

"Тогда, возможно, вы захотите поделиться вашим новым взглядом на старый материал. Если у вас нет никаких планов, я мог бы пригласить вас поужинать."

Сэм сделал паузу. У него действительно было ещё одно дело, которое нужно было сделать, но это не было чем-то срочным, и ему не хотелось этим заниматься сейчас. С

другой стороны, Сэму не очень хотелось идти на ужин с этим человеком: он интуитивно чувствовал, что нём есть что-то подозрительное.

"Мне очень жаль," - ответил Сэм. "Я бы хотел, но у меня есть другие дела."

"Это займёт не больше часа," - продолжал уговаривать Сэма Джансик. "И есть несколько людей, которые действительно очень хотят с вами познакомиться," - он подошёл вплотную к Сэму. "Я обещал им, что всё устрою."

Эти слова всё решили окончательно. Репортёры редко занимались тем, что содействовали чьим-то встречам. Здесь что-то было не так. Но Сэм оставался вежливым.

"Не в этот раз," - твёрдо сказал он. "Извините, но у меня действительно прямо сейчас есть другие дела."

"Я понимаю," - понимающе кивнул Джансик. "Не могли бы вы дать мне номер телефона?"

"Да, конечно," - Сэм полез в карман пиджака, нащупывая карточки, которые ему дал его новый спонсор. На какое-то время он перестал смотреть на Джансика, и поэтому не увидел как тот достал пистолет и ударил Сэма рукояткой пистолета по левому виску.

У Сэма тут же закружилась голова, перед глазами поплыли круги, и он весь начал превращаться в безликий комок сине-белого света, страдающего от боли.

"Нет," - неслись в голове у Сэма беспорядочные мысли. "Это неправильно. Это не так, как должно быть. У меня есть чем заняться."

Мне нужно кое-что сделать. Я почти на месте. Сейчас это не может пойти неправильно..."

Где-то вдалеке завывали сирены, и Крис Джансик в панике вытаращился на то, что он сделал. Звук сирен приближался. Джансик чертыхнулся и убежал, оставив скрюченное тело всемирно известного физика расплзаться в растекающейся луже крови на мраморных ступенях.

[ГЛАВА 4]

"Что значит, ты его ударил?" - прорычал Йен Сюиэ-Лунг. "Зачем?"

Уже стемнело. Ночной лёгкий ветерок, проникавший через занавешенное окно, мало помогал избавиться от угрюмой дневной жары. Он шевелил тускло-золотые занавески и касался затылков людей, собравшихся в определённой комнате, определённого здания, ничем не примечательного переулка в Джорджтауне.

"Потому что он не собирался идти со мной," - запротестовал человек, который представился Крисом Джансиком. "Я собирался вырубить его и заставить это сделать. Но услышал звук сирен и подумал..."

"Ты идиот и дурак," - сказал учёный. "Ты самый большой идиот и самый большой дурак в мире. Что заставило тебя подумать, что было так важно, чтобы он пришёл именно сегодня вечером?"

Остальные в комнате кивнули сами себе.

"Но вы сказали, что он должен был встретиться с нами перед отъездом из Вашингтона. Вы послали меня привести его сюда..."

"Такого человека, как Беккет, невозможно убедить насильем, а теперь ты лишил нас возможности убедить его разумом. Ты - помеха всему движению". Йен Сюиэ-Лунг сидел в антикварном кресле, а костяшки его пальцев побелели на фоне полированного дерева. Остальные в комнате, двое мужчин и одна женщина, старались держаться подальше от него и объекта его гнева.

"Я сделал то, что считал лучшим в той ситуации! - Джансик вспотел, а его тело подёргивалось, как будто он изо всех сил старался сдержать желание двигаться. А его руки двигались широкими жестами, никак не связанных с его словами.

"Тот факт, что ты не смог придумать ничего лучшего, является достаточным доказательством твоей некомпетентности, в которой мы не нуждаемся". Чем больше напряжённым

становился Джансик, тем тише отвечал Йен Сюиэ-Лунг, и тем больше отстранялась аудитория.

"Что ты собираешься со мной сделать?" - Джансик с вызовом переводил взгляд с китайско-американского учёного на других в комнате. Они в ответ молча смотрели на него, позволив Йену Сюиэ-Лунгу выступить в качестве их представителя.

"Делать? Мы ничего не будем делать," - ответил Йен Сюиэ-Лунг. "Насилие - это твоё средство самовыражения, а не наше. Но ты нам больше не нужен. Уходи и не возвращайся."

Джансик колебался, переводя взгляд с одного человека на другого, надеясь на какое-то сочувствие, какое-то помилование.

Но ничего подобного не последовало. Эти люди были так похожи на статуи, их карие, голубые и серые глаза оставались абсолютно стеклянными. Если бы не дрожание глазных

мышц, и тени от ресниц при моргании, то они действительно могли бы быть статуями.

"Если бы он согласился прийти сюда, то всё было бы в порядке," - заговорил Джансик. Но ему никто не ответил. Джансик облизнул губы и проглотив остатки своих

оправданий, потянулся за своим портфелем.

"Оставь его здесь," - неумолимо сказал Сюиэ-Лунг.

Портфель выпал у него из рук, как будто ручка обожгла его руки. Он отрывисто кивнул головой, оглядел остальных, ища и не находя никакой поддержки, повернулся и очень

быстро вышел из комнаты.

Пока шаги в коридоре не стихли, и входная дверь не открылась и не закрылась, со стороны собрания не было никакого движения и не прозвучало ни звука. Затем четыре

человека, оставшиеся в комнате, переглянулись.

"Он, определённо, помеха," - сказал один из мужчин. "Я сожалею, что мы вообще взяли его в группу."

"И к тому же, он репортёр. Неразумно враждовать с репортёрами, не так ли? В следующий раз он может написать что-нибудь про нас, а не для нас."

"Это счастье, что в Вашингтоне такой высокий уровень убийств, не так ли?" - спокойно заметила единственная присутствующая рыжеволосая женщина, которая была невысокой

и измождённой.

"Действительно," - ответил Сюиэ-Лунг и его тонкие губы растянулись в улыбке. "Иногда результаты бывают трагическими. А иногда и нет. Я надеюсь, вы позаботитесь об

этом?"

Она ослепительно улыбнулась в ответ.

"Тем временем," - заметил кто-то ещё. "Давайте посмотрим какую выгоду и какие уроки мы можем из этого извлечь. В конце концов, ничто не бывает бесполезным."

Спустя мгновение, Йен согласился.

"О, чёрт, я просто ненавижу, когда они знамениты," - сказал Уизел Миковски, поднимая руки вверх и стряхивая с них капли воды. "Каждый раз мне приходится иметь дело с неизвестными и скорбящими родственниками". Он наклонился вперёд, чтобы помочь особенно низкорослой медсестре-санитарке закрепить маску на его рту и носу, снова повернулся, чтобы другая медсестра помогла ему надеть хирургические перчатки. "Но знаменитости, Боже мой, с таким же успехом можно позволить прессе делать фотографии за моим плечом."

Свободная зелёная форма, маска и медицинский колпак делали его похожим на переодетого человека. Все остальные выглядели совершенно одинаково, одетые в одну и ту же одежду. Он должен был узнавать их по тому, как они двигались и по местам, которые они занимали. Но все они знали, где они должны были быть и что они должны были делать.

"Разве этот парень знаменит?" - спросила вторая медсестра. "Я никогда о нём не слышала."

"Ты никогда о нём не слышала?" - был ошеломлён Уизел. "Пару лет назад он получил Нобелевскую Премию. Он был на обложках "Тайм", "Ньюсуик" и "Роллин Стоун".

"Сфотографируйте меня," - пропел кто-то.

Уизел бросил на виновника испепеляющий взгляд, эффект которого был в значительной степени испорчен тем фактом, что были видны только его глаза.

"Этот человек на нашем сегодняшнем столе, леди и джентльмены, имеет больше степеней, чем у нас всех, вместе взятых. Он поёт.

Он танцует. Он занимается физикой. Он

всего лишь один из самых умных людей в мире!"

"Больше нет," - сказала медсестра-санитарка. "Не с вдавленным переломом черепа и подчерепным кровоотечением. Ему повезёт, что он не превратится в болтающего

идиота". - она пересчитала губки и инструменты и записала их общее количество.

"Зельда, немедленно прекрати так говорить. Всё не так уж и плохо," - упрекнул её Уизел, когда они пробирались через вращающиеся двери в операционную. "Я

надеюсь," - добавил он, глядя вниз на человека, лежащего перед ним.

Сэм Беккет был облеплен иглами для внутривенного вливания, датчиками давления и трубками в горле, через которые входили и выходили жидкости. Датчики были прикреплены к его голове, провода тянулись по краю операционного стола, чтобы быть аккуратно собранными в пластиковую трубку. Его грудь поднималась и опускалась в устойчивом ритме. Его глаза были не совсем закрыты. Аппараты гудели и жужжали. Зельда, которую на самом деле звали не Зельда, а фамилия, к несчастью для неё, была Фицджеральд, только фыркнула в ответ. "Давайте начнём, наконец?" - сказала она. "А то у меня сегодня свидание, даже если на него больше никто не придёт." "Да ты просто хвастаешься," - усмехнулся Уизел. Но его внимание было по-прежнему приковано к хирургическому полю. Он стоял во главе стола и всё было накрыто стерильной простынёй. Мужчина на столе больше не был знаменитостью, больше не был Сэмом Беккетом, отчасти больше даже не был человеком, а на подготовленном участке выбритой головы, который становился чёрно-синим, отчётливо виделось углубление в середине синяка. "Жизненно важные показатели?"

Через несколько мгновений хирургическое отделение было полностью погружено в работу, прерываясь лишь случайными ироничными замечаниями не по теме о том, с кем именно Зельде удалось договориться о свидании. Аппараты гудели сами по себе, следуя за тем, чтобы дыхание, сердцебиение, кровяное давление и газы в крови оставались стабильными. Прошло несколько мгновений, а возможно и больше, прежде чем Уизел положил череп под кожу. Кость была розовой.

Это выглядело так, как выглядело бы яйцо, если бы кто-то сильно ударил по нему карандашом: неглубокая вогнутая область, углубление, наполненное кровью, с видимыми трещинами, с отсутствием одного или двух тонких фрагментов. Хирург опасался, что они отсутствовали потому что были вбиты в мозг внизу. Уизел тщательно исследовал углубление и разочарованно хмыкнул, когда осколок кости сместился под кончиком скальпеля.

"Я думаю, мне придётся зайти сюда и, возможно, немного взглянуть, чтобы увидеть, в какой форме твёрдая мозговая оболочка," - пробормотал он почти про себя. "Как у нас дела?"

"Просто отлично." - Перри Джеймс, анестезиолог, уделял больше внимания своим инструментам, чем пациенту. "Мы устойчивы и в пределах нормы, семьдесят пять на сто десять". Как только эти слова слетели с его губ, аппарат пронзительно запищал. "О, чёрт, чёрт, чёрт. Это нехорошо. Давление падает!" Команда перешла в режим чрезвычайной ситуации. Их охватило контролируемое безумие, когда каждый человек в комнате, за исключением одного, предпринял необходимые шаги, чтобы попытаться вытащить пациента на столе с края пропасти. Часы тикали. Они работали. Показания электроэнцефалографа, отражённые на мониторе над головой, бешено

скользили и прыгали. Только один человек из всей операционной команды случайно увидел это в тот момент, и то был слишком занят, чтобы комментировать.

Там была темнота. Давление. Боль.

Там, где он находился сейчас, было...светло.

"Я не знаю,"- безмолвно сказал Сэм. "Я не знаю, чего я хочу. Я не знаю, кто я такой. Я не знаю, где я нахожусь или что я делаю."

"Я знаю, что это правильно. Я знаю, что это должно произойти."

Но что должно произойти?

Сознание Сэма парило в бело-голубом свете, ища какую-нибудь нить, которая вернула бы его к реальности. Он не чувствовал никаких ощущений, никакого веса, запаха,

вкуса, ничего, кроме окружающего его света, который поддерживал его.

Наконец анестезиолог сказал:

"Есть давление."

"Стабильное?"

"В значительной степени," - сказал анестезиолог. "Я думаю, что смогу поддерживать его, по крайней мере, до тех пор, пока ты закончишь."

"Я думала, что у него сердце остановилось," - пробормотала Зельда.

Уизел посмотрел вниз на открытое хирургическое поле, треснувшую и расщеплённую кость, просвечивающую мозговую ткань.

"Дайте мне RPMI (среда для культур клеток и тканей - прим. пер)," - резко сказал хирург.

"Чего тебе дать?" - недоверчиво спросила Зельда, говоря даже на ходу. "Это же среда для культивирования клеток. Зачем тебе это нужно?"

"Я не знаю," - сказал Уизел, обнажая больше прочной материи, жёсткой мембраны, окружающей мозг. По лезвию потекла слизистая жидкость, когда он разрезал его, расширяя

разрыв достаточно, чтобы увидеть, насколько глубоко вошли осколки. "Но мне кажется, это хорошая идея. Я хочу... Я хочу..."

Другая его часть чувствовала резкий, знакомый запах антисептика, пота и беспокойства, и облегчение от того, что кто-то вытирал пот с его лба, чтобы он не попадал ему

в глаза и не ослеплял его. Он должен был хорошо видеть. Нужно было точно знать, где находится лезвие. Он мог почувствовать сопротивление мембраны до того, как она

разошлась, услышать восклицания, когда кровь под давлением хлынула по его большому пальцу и в рукав. Но кровь не ушла далеко, и он подумал, что её было не слишком

много. Так ли это было на самом деле?

"Что я здесь делаю?" - тихо спросил он. "Что это? Не понимаю!"

Но ответа не последовало.

"Нам лучше установить дренаж," - сказал Уизел. "У него здесь целая гематома. Ну же, чёрт возьми, я же попросил немного RPMI."

"Мне придётся обратиться за этим в патологоанатомию," - сказала медсестра, работающая с Зельдой.

"Так сделай это, чёрт возьми!"

Остальные обитатели операционной обменялись взглядами поверх своих масок, но медсестра-санитарка передала Зельде аспирационную трубку и ушла. Дверь операционной со вздохом закрылась за ней.

"Ты что, пытаешься клонировать для себя лауреата Нобелевской Премии?" - спустя мгновение ухмыльнулся анестезиолог.

"Я не знаю," - сказал Уизел, пытаясь придать своему голосу извиняющиеся нотки. Он не знал. Он даже не был уверен, что такое RPMI.

Как будто его устами говорил кто-то

другой, спрашивая о чём-то, о чём он последний раз слышал в медиа школе. Он был нейро-хирургом, а не патологоанатомом. Его заботой был мозг.

"Ещё раз ты скажешь "я не знаю", и мы будем искать себе другого нейрохирурга." - рука Зельды зависла над инструментом, разложенным блестящим рядом на стерильном белом полотенце. Тележка для инструментов была немного меньше высоты локтя, чтобы её случайно не задевать, и в то же время иметь доступ ко всему.

"Бедный мальчик. Я думаю, наверное, после этого он больше не получит Нобелевских Премий, не так ли?"

"Я же говорил тебе, что ненавижу иметь дело со знаменитостями," - сказал Уизел. "Но этот парень..." - он отодвинул кусочек ткани, посмотрел на мониторы и позволил себе вздохнуть с облегчением. "За этим парнем явно присматривает кто-то там наверху. Он выглядит не так уж и плохо. Совсем неплохо."

Зельда положила стеклянную пробирку с завинчивающейся крышкой, наполовину заполненную вязкой розовой жидкостью, на стол для инструментов рядом с ним. Уизел в замешательстве взглянул на него. Это розовое вещество было питательной средой. Материал, из которого можно было выращивать клетки. Клетки мозга? Но клетки мозга невозможно было выращивать в культуре. Уизел снова посмотрел на мозг, обнажённый под его ножом, на блестящее серое вещество, которое контролировало дыхание, движение, жизнь, и, возможно, даже ту спорную сущность, называемую "разумом", и его начали одолевать мысли, которые он всегда старался отогнать от себя прочь в середине операции? Кто был этот человек? Была ли у него жена? Дети? Любил ли он музыку? Были ли у него мысли, которых он стыдился, или он создавал прекрасные вещи?

В этом и была проблема со знаменитостями. Ответы были известны.

Уизел знал, что если его нож соскользнёт, сумма человеческих знаний может сократиться и, возможно, непоправимо. Левая височная доля контролировала голос и речь. Из-за

хронической височной эпилепсии, он мог страдать от припадков всю оставшуюся жизнь. А может вообще ничего не произойти. Во всяком случае, ничего заметного. Часть доли была...ну, никто толком не знал, для чего она вообще нужна. Можно было бы удалить её и никогда не увидеть разницы в том, как пациент действовал, говорил или реагировал. Конечно, никто не мог быть уверен по-настоящему в том, как они думали. Свет. Туннель. Разве не должен был существовать туннель, в конце которого должен был находиться Бог, Судьба, или что-то в этом роде? Там, где он сейчас находился, не было никакого направления. У него не было перспективы. Невозможно сказать, где он был, чем он был, кем он был...Он протянул руку, и Зельда вложила открытую трубку ему в ладонь. Он оторвал фрагмент кости, лежащий поперёк разрыва твёрдой мозговой оболочки. Фрагмент был тусклым из-за клеток. Клетки. Крошечные обрывки жизни. Кусочек кости упал в трубку. "Запечатайте это," - сказал Уизел и протянул трубку, зная, что найдётся кто-нибудь, кто её возьмёт. В этих клетках, блестящих в розовой жидкости, мягко плескавшихся в стеклянной пробирке, которая лежала на полотенце, было что-то, что ему нужно было с ними сделать. Ему нужны были эти клетки. Подойдут любые клетки, но эти...эти должны были сработать лучше всего. Но он не мог вспомнить, для чего они были ему нужны.

В гостиничном номере было кабельное телевидение. Уличное нападение на доктора Сэмюэля Беккета, известного учёного, лауреата Нобелевской Премии, человека, которого многие считали самым умным в мире, вызвало резонанс на всех новостных каналах и этому происшествию уделили пятнадцать минут на "Си-Эн-Эн", большую часть эфирного времени занимая обзором его академических и научных достижений. Эл Калавичи как раз застал последние три минуты из репортажа "Си-Эн-Эн". Спустя тридцать секунд он уже разговаривал по телефону. Эл дозвонился до администратора больницы, но не смог узнать статус пациента в операционной, повесил трубку и попытался атаковать с фланга. Ему пришёл на помощь многолетний опыт работы со шпиками в

Вашингтонской бюрократии: спустя два часа и нескольких задействованных связей, ему перезвонили и сообщили, что Сэм уже не в операционной и находится в палате. Однако все уговоры Эла не помогли ему узнать нынешнее состояние здоровья пациента. Но даже такой результат был хорош. И если фланговая атака сработала не до конца, то лучшим решением было действовать напрямую. Следующий звонок Эла был на местную авиабазу, чтобы узнать, когда будет следующий свободный рейс в Вашингтон.

[ГЛАВА 5]

Рука на перевязи оказалась идеальной маскировкой для больницы. Однако Эл не смог заставить себя надеть больничные халат, и его остановили на полпути в хирургическое отделение. Соли на рану Элу добавило то, что его схватила медсестра шести футов ростом с густыми, неровными рыжеватыми усами.

"Простите сэр, я могу вам помочь?"

"Я ищу Сэма Беккета."

"Да, сэр. Доктор Беккет пока не принимает посетителей. Если только..." - медсестра оглядела Эла с ног до головы, и на её лице ясно читалось сомнение. "Вы член семьи?"

"Сэм Беккет сказал бы так."

Медсестра задумчиво потерла ушки у себя над губой:

"Я бы спросила у него, но он пока не в форме, чтобы отвечать."

Эл прищурился.

"Что это значит?" - спросил он тихо, но таким тоном, который он использовал очень редко. Когда он это делал, то по всем пилотским палубам Шестого флота прокатывался ужас.

"Он в реанимации сэр," - ответила медсестра. "И ему сейчас на самом деле не до разговоров."

"Мне не нужно с ним разговаривать. Я просто хочу его увидеть." - они отошли в сторону, чтобы пропустить пациента с внутривенным полюсом, и чтобы он мог спокойно пройти мимо них. За ним последовали его родственники.

"Сэр, на самом деле он получает лучший уход. Он работал со здешними врачами. Мы все его знаем." - "Но мы не знаем вас" - так должна была закончиться эта фраза, но это не было высказано вслух.

Что-то глубоко внутри Эла дрогнуло при напоминании о том, что на самом деле он не знал Сэма всю свою жизнь: ему это только так казалось. У Сэма были друзья и знакомые в совершенно других сферах. Конечно, врачи должны были его знать. Сэм тоже был врачом. И классицистом. И физиком. Он знал людей во всех этих областях, учась у них, читая их исследования и получая от них своё видение. Со стороны Эла, возможно, было самонадеянно заявлять, что он так же близок ему, как и член его семьи.

Хотя, если подумать, Сэм не был так уж близок со своей семьёй. Его мать жила с его сестрой и её семьёй на Гавайях: там существовала как привязанность, так и какая-то неловкость. Эл не был уверен в деталях. Он знал, что сестра Сэма Кэти была замужем за военным, лейтенантом Джимом Бонником, и у них было двое детей. Сэм редко говорил о них, создавая у Эла впечатление, что у Сэма с Бонником были какие-то определённые, философские конфликты. И Сэм однажды сказал ему, что он пропустил похороны его собственного отца из-за работы над Проектом - он вовсе не гордился этим фактом, но это случилось, и Сэм казался в некотором роде сбитым с толку и расстроенный тем фактом, что он не может себе позволить быть в двух местах одновременно.

Но, так или иначе, всё было в порядке. Сэм тоже многого не знал об Эле. Это не имело значения: они были друзьями. Детали были просто историей. Сэм испытывал к Элу те же чувства, что и Эл к Сэму, и Сэм был так же близок к семье, как и Эл. Да, были некоторые люди, которые могли бы посчитать это самонадеянным. Но Эл Калавичи всю свою жизнь был самонадеянным, и он не собирался останавливаться сейчас.

"Впусти меня всего на пару минут. Я не буду его беспокоить. Чёрт возьми, я же сам недавно был пациентом," - он кивнул на свою руку. "Я знаю, каково это - хотеть тишины и покоя. Это нужно мне, а не ему."

"Хорошо," - наконец сказала медсестра. "Сюда".

"Нам пришлось не пускать репортёров," - продолжала медсестра, ведя Эла по коридору. "Вы же знаете, что это входит в нашу работу." "Всё в порядке," - успокоил её Эл. "Я не собираюсь рассказывать об этом всему остальному миру". Они вошли в маленькую отдельную комнату в конце коридора.

Как и в большинстве других больничных палат, преобладающей темой был белый цвет. Приоткрытые белые занавески на панорамном окне. Белые стены, белые простыни, белая металлическая мебель, белые занавески для приватности вокруг кровати. Эл не обращал внимания ни на что из этого: он был сосредоточен на белой повязке, закрывающей большую часть головы Сэма Беккета.

"Мы очень внимательно следим за ним," - прошептала медсестра, как будто человек на кровати мог проснуться. " У него всё хорошо,

правда."

Но выглядел он не очень хорошо. Сэм выглядел так, как будто на него напал вампир, высосавший все краски с его лица, за исключением теней, похожие на синяки под глазами. Он выглядел уязвимым и сморщенным. Одна рука безвольно лежала поверх простыни, игла для капельницы была приклеена скотчем, а на коже было пятно крови, в том месте, где кому-то пришлось дважды прощупывать вену. С капельницы свисали трубки, по которым в его организм капала прозрачная жидкость. Ещё несколько трубок вошли в его ноздри, а одна побольше в его рот, из-за чего у него на подбородке засохла струйка слюны. Его губы были сухими и потрескавшимися.

Из-под бинтов тянулись провода от металлических дисков, приклеенных скотчем к его голове, и они вели к устройству для записи полосовых диаграмм на столике рядом с кроватью. Над его головой непрерывно подавал звуковой сигнал кардиомонитор, на сером экране которого постоянно повторялся узор из ярко-зелёных линий. Эл пришлось оторвать взгляд от гипнотических повторов, как будто звук и рисунок были причиной, а не следствием того, что Сэм был всё ещё жив.

"О, Сэм," - выдохнул Эл. "Во что, чёрт возьми, ты теперь вляпался?"

Он неуклюже прошёл мимо стула для посетителей к краю кровати. Медсестра издала протестующий звук и затихла. Эл посмотрел на своего друга сверху вниз, не в силах придумать, что ещё сделать или сказать. Он чувствовал себя почти таким же беспомощным, каким выглядел Сэм, incapable делать что-либо, кроме как говорить, и incapable сделать что-либо, чтобы повлиять на события. Всё, что он мог сделать, это наблюдать. Сэм лежал неподвижно и отстранённо.

"Иногда они могут слышать других людей, когда находятся без сознания," - продолжала медсестра. "Если вы хотите, то можете сказать ему, что вы здесь."

Эл с благодарностью ухватился за это предложение.

"Сэм?" - тихо спросил он, как будто всё ещё боялся разбудить пациента. "Это Эл, приятель. Я всё-таки вернулся. Похоже, без меня тебе не избежать неприятностей, малыш. Тебе нужен кто-то, кто будет присматривать за тобой."

Мускул на лице Сэма дёрнулся.

"Сэм, ты действительно меня слышишь?" - удивлённо спросил Эл.

Мускул снова глубоко дёрнулся на лице Сэма.

"Он просто выходит из наркоза," - практично сказала медсестра. Подойдя к другой стороне кровати, она проверила подачу капельницы и мигающие кнопки на другом аппарате,

который был не знаком Элу, взяла тампон из коробки на столе и намазала больному губы желатином с запахом лимона.

"Уже?" - казалось невероятным, что кто-то может перенести операцию на головном мозге и прийти в себя всего через несколько часов.

"Ну, в течение нескольких дней, ему ничего не будет угрожать," - сказала медсестра, снова обходя кровать и делая пометку в карте.

"Но мы также не хотим, чтобы он впал в кому. Не хотите ли вы поговорить с его врачом?"

"Да, чёрт возьми!"

"Только, пожалуйста, не говорите ему, что вы были здесь, хорошо?"

"Да, конечно," - Эл сделал паузу, изучая Сэма в поисках новых признаков жизни. "Кстати, кто это сделал? Я слышал, что это было ограбление. Они поймали..."

Медсестра издала смешок, но он был быстро подавлен, когда стало ясно, что Эл этого не разделяет.

"Извините, сэр. Просто похоже, что они никогда не ловят грабителей. Никто не знает, кто этим занимается. Я слышала, что его даже не ограбили."

На лице Сэма появилось отчётливая гримаса.

"Сэм?" - прошептал Эл. "Сэм, ты здесь? Ты меня слышишь, приятель?"

Медсестра с тревогой посмотрела на часы.

"Сэр, я сожалею, но..."

"Замолчи!" - Эл неловко наклонился вперёд. Глаза Сэма начали открываться. Они не могли оставаться открытыми больше нескольких секунд, и они оставались расфокусированными и остекленевшими от боли. Но они были открыты. Затем они снова закрылись. Но, по крайней мере, теперь они не казались закрытыми постоянно.

Эл откинулся назад, ослабев от кратковременного облегчения.

"Эй, мне наверное лучше убраться отсюда, а?" - спросил он приглушённым голосом. "Не хочу, чтобы у тебя были неприятности". Он отошёл от больничной койки, обошёл кресло для посетителей и остановился в дверном проёме.

"Лучше задёрни эти шторы," - посоветовал он. "Поначалу ему не захочется видеть много света."

Когда медсестра подчинилась, Эл быстро посмотрел на диаграмму, не обращая внимания на загадочные каракули, чтобы запомнить имя хирурга, которое было аккуратно напечатано в верхнем левом углу.

С этими словами он ушёл, направляясь обратно по коридору к лифтам. Сейчас Эл больше ничего не мог сделать для своего друга. Но, видит Бог, Эл мог узнать всё, что только можно было узнать о том, что случилось с Сэмом.

Хирургом был доктором Уизел Миковски, уважаемый нейрохирург с многолетним опытом работы. Эл получил краткую информацию о квалификации Миковски от потрясённой медсестры: "Он даже оперировал этого Нобелевского Лауреата, которого привезли прошлой ночью!" - и узнал имена остальных членов команды, которые работали вместе с ним.

Кабинет Миковски располагался на третьем этаже. Эл нашёл его благодаря большому количеству болтунов и хорошо отработанного использования ранга и застал хирурга, когда он собирался идти домой. К тому времени было уже очень поздно, и мужчина устал: Эл тоже устал, и к тому же у него болела рука, но ему было на это наплевать. Миковски не хотел вдаваться в подробности. Эл ясно дал понять, что хочет именно этого. Миковски попытался засыпать его техническими подробностями. Эл потребовал объяснений на человеческом языке.

"У него было определённое повреждение мозга," - наконец признал Миковски. Он откинулся на спинку стула и сильно потянулся, снова откинулся на спинку и взял золотой карандаш с заваленного бумагами стола. Его стол был завален книгами и журналами, а в кабинете не было окна. Для окна просто не было места: те части стены, которые не были заняты книжными полками, дипломами и сертификатами, были увешаны очень красивыми пейзажами. Эл был уверен в том, что это оригинальное искусство. "Небольшой отёк, небольшое кровотечение. Проникновение в кость. Но мы быстро взяли ситуацию под контроль и операция прошла очень гладко." "Я слышал, что ты чуть не потерял его прямо во время операции," - прямо сказал Эл.

"Где вы это услышали?" - огорчённо моргнул Миковски.

"Не имеет значения, где я это услышал. Это правда?" - на самом деле, Эл расспросил операционную медсестру. Она была уверена, что он репортёр одного из таблоидов, и позвонила Уизелу, чтобы предупредить его. Миковски догадывался, что его посетитель никакой не репортёр, но он видел в своём посетителе ту же упорную решимость выяснить всё до конца.

Миковски глубоко вздохнул, не сводя глаз с карандаша, который снова и снова поворачивался между его пальцами.

"Адмирал Калавичи, обычно я не веду подобных дискуссий, и я не считаю, что обязан отвечать на ваши вопросы. То, что происходило в операционной, несущественно по сравнению с тем фактом, что сейчас доктор Беккет чувствует себя очень хорошо."

Уизел поднял глаза.

"Поверьте мне, Адмирал, мы оказываем Сэму Беккету самый лучший уход, какой только возможен. Никто в этой больнице не хочет его потерять. Не только потому, что мы не хотим видеть заголовки с надписью: "Лауреат Нобелевской Премии умирает у Пресвятой Милосердной Богородицы". А потому, что многие из нас знают его лично, и мы знаем, что он за человек. У нас есть здесь врачи, которые учились вместе с ним в медицинской школе".

"Ты был одним из них?" - поднял бровь Эл. "Ты знал его?"

"Нет, у меня не было такой привилегии," - покачал головой Миковски. "Если бы я был с ним знаком, то не стал бы его оперировать. Но я уверяю вас, что проделал лучшую работу, которую мог бы сделать любой нейрохирург, что и показывает состояние здоровья пациента". Он положил золотой карандаш на зелёный войлочный коврик для стола, и небрежно сплёл вместе пальцы. "Это всё?"

"Ты сказал, что у него было повреждение мозга. Значит ли это, что..." - Эл сделал паузу, не в силах сформулировать следующую мысль словами. Он не мог себе представить образ Сэма Беккета, живущего как овощ.

Хирург слегка вздохнул. Это должен был быть страх, который испытывал каждый друг, родственник или близкий человек того пациента, которому делали операцию на мозге.

"На данный момент мы не можем сказать наверняка," - сказал Уизел. "Да, была некоторая отёчность. Но она и повреждённый участок находились в той части мозга, которую мы называем "молчаливой", что означает, что мы не можем определить какую-либо конкретную когнитивную функцию, которую он контролирует. Кроме того, нанесённый ущерб - мы называем это "выпадом" - был гораздо менее значительным, чем вы, возможно, слышали. Там может не быть никаких последствий. Конечно, не должны быть затронуты такие вещи как двигательные навыки, речь и тому подобное."

"Но ты же не знаешь, в какой области находится гениальность Сэма Беккета, не так ли?" - бросил вызов Эл. "Ты не знаешь, сможет ли он по-прежнему делать то, что делал раньше."

Миковски поджал губы, придав себе более чем мимолётное сходство с хорьком или другим мелким зверьком.

"Адмирал, мы даже не знаем, что такое гениальность, чёрт возьми. Дайте мне передохнуть. Всё, что я могу рассказать - это то, насколько хорошо прошла операция. Да, мы действительно были напуганы, хотя если вы когда-нибудь кому-нибудь скажете, что я это говорил, то я буду это отрицать. Я не знаю, что делает человека особенным, и я

не думаю, что это знает кто-то другой. Некоторые из моих коллег думают, что мы биологические организмы и точка, и то, что мы называем "разумом" и "душой" - это всего лишь функция серых клеток. Если это правда, то могут произойти изменения. Почти должны были бы быть. Но если человеческий разум - это нечто большее, чем сумма аксонов, нейронов, белков и всего остального, тогда вы обращаетесь не к тому врачу. Я механик, Адмирал. Я могу гарантировать вам, что двигатель будет продолжать работать, если больше не произойдёт никаких катастроф. Если можно провести такое сравнение. Независимо от того, что сейчас это метафизично, это почти одно и то же. И если у вас есть ещё какие-либо вопросы в этой области, то церковь дальше вниз по коридору". Уизел с треском отложил карандаш. Эл изучал его ещё мгновение, оценивая то, что он только что услышал, а затем встал, поблагодарил его и ушёл. Позади него Уизел Миковски снова взял золотой карандаш и постучал им по зубам. Может быть, церковь была тем местом, куда следовало идти ему. У него самого было несколько вопросов по поводу этой операции. Среди которых были и вопросы о клеточных культурах, которые сейчас безопасно хранились в азотных носителях в лаборатории патогенеза. В любом случае, зачем он сохранил эти кусочки кости? Обычно эти биологические отходы, осколки человеческой трагедии, просто выбрасывали. Что-то ещё заставило его это сохранить. Какое-то побуждение сохранить что-то от настоящего Сэма Беккета? Зельда дразнила его насчёт клонирования, но не из клеток мозга. Он где-то читал, кажется, в одном из журналов, лежавших на его столе, о некотором прогрессе в сохранении клеток мозга взрослых, но пока их нельзя было заставить размножаться. Смогли бы они? Внезапно заинтересовавшись, он достал последний журнал по неврологии и психофизиологии и пробежал глазами оглавление, напечатанное крупным шрифтом. Это была статья. Заголовок гласил: "Некоторые наблюдения по компьютерному моделированию исследования сохранения зрелых клеток головного мозга в специализированных культуральных средах," - Автор: Сэмюэль Беккет, доктор медицины, доктор философии. Миковски вздрогнул и отбросил журнал. Было уже очень поздно, и он собирался пойти домой и лечь спать.

Три дня спустя нелюдднты выпустили пресс-релиз о жестоком нападении на человека, который представлял собой надежду человечества, который достиг "нынешней вершины человеческих достижений, без чьей неустанной работы над технологическими достижениями, сумма человеческого счастья была бы неприемлемо уменьшена". Эл Калавичи прочитал отредактированную версию в "Вашингтон Пост" и покачал головой. Боже, он собирался устроить Сэму все филиалы ада в этом деле. "Сумма человеческого счастья?" Это писали о Сэме Беккете? О парне, который заставил его поклясться не пользоваться услугами котельщиков? Были и другие замечания, некоторые из которых, очевидно, были сделаны до того, как интервьюируемый убедился, поступит ли так Сэм или нет. У них был отчётливо элегический тон.

Это слово вызвало поток воспоминаний. Эл откинулся на спинку стула с прямой спинкой в своём временном жилище и закрыл глаза, отдаваясь воспоминаниям так, как он редко позволял себе делать.

"Элегия". Это было слово, которое Сэм однажды определил для него, слегка подшучивая над его инженерным словарём.

"Стихотворение, выражающее печаль или траур, в классических двестишестидесятишести, с первой строкой в дактилическом гекзаметре и второй строкой в пентаметре. От греческого,

Эл. Элегийакос. Элегия на сельском кладбище. Давай, Эл."

"Дай мне передохнуть, Сэм. Если я не могу на этом летать, то какая мне разница?"

И Сэм смеялся и слушал, как Эл рассказывал о подготовке астронавтов. Действительно слушал. Сэм мог бы пересказать каждое слово из этого разговора дословно год спустя, если бы захотел. Он обладал фотографической памятью. У него был самый забавный кабинет в Проекте "Звёздный Свет", в котором не было ни книг, ни никаких отчётов, ни никаких стопок бумаг. Вообще ничего.

Как только Эл осознал эту особенность, то он спросил об этом у Сэма. Сэм был этим немного смущён. Он сказал, что ему не нужны отчёты и книги. Потому что он их уже

прочитал. Всё, что ему нужно было сделать, - это один раз что-то прочитать или один раз что-то услышать, и он мог это запомнить.

Прежде чем в это поверить, Эл заставил его дословно пересказать шесть страниц последнего бюджетного отчёта. И в течении нескольких месяцев после этого, Эл бросал ему

вызов, пытаясь заставить Сэма врасплох. Но у него это никогда не получалось.

Но однажды Эл застал Сэма за чтением научно-фантастического романа и был уверен, что Сэм именно читал. Это был сборник коротких рассказов Хайнлайна.

"Это другое дело," - попытался объяснить Сэм. "Я не пытаюсь это запомнить. Я просто снова открываю это для себя."

Он пытался объяснить историю - что-то о начальной загрузке - но Эла слишком заинтересовала мысль о том, что Сэм может

включать и выключать свою память. Эл сам пробовал делать это раз или два и нашёл, что это очень удобно, когда приходится иметь дело с разгневанными бывшими жёнами, но Сэм покачал головой. Нет. Он всегда мог вспомнить. Но он просто решил этого не делать.

Эл надеялся, что хирургу очень повезло. Альтернативой было то, что если бы Миковски ошибался относительно того, насколько успешной была эта операция, то ему бы очень не повезло. Хоть это и казалось старомодным, но у Эла Калавичи были определённые моральные принципы, на которые он мог опереться, когда дело касалось дружбы, и в данном случае, он именно так и считал. Эл встряхнулся. Ради всего святого, сейчас было не время и не место для мрачных кровавых мыслей о мести хирургу. Миковски сделал всё, что мог. Он должен был принять это. Его источники сообщали, что Сэм какое-то время находился в состоянии клинической смерти там, на операционном столе, и Эл хотел, чтобы кто-нибудь ответил за это. Но не было никакого смысла срывать на человека, который спас Сэму жизнь. Эл мог сказать, что Сэму становилось лучше. Эл навещал его в перерывах между визитами в полицейское управление Вашингтона, чтобы ознакомиться с материалами дела и побеспокоить старых друзей в полиции.

У Эла по-прежнему были свои дела, о которых нужно было позаботиться, пока он был в Вашингтоне - какая-то пустяковая ерунда о завершении финансового урегулирования, связанного с уходом из Военно-Морского Флота. Это должно было занять некоторое время. Но Эл добавил, по крайней мере, ещё одну задачу к своей личной повестке дня, а именно: если был какой-либо способ выяснить, что на самом деле произошло с Сэмом Беккетом, чтобы убедиться, что это действительно был не более чем глупый и иррациональный инцидент, он должен был его найти. Ему задолжали кое-какие услуги люди, которые были хороши в выяснении того, что происходит во внешнем мире. Он собирался сделать всё возможное, чтобы собрать деньги на их услуги.

Сэм большую часть времени бодрствовал и даже мог немного разговаривать, произнося фразы и короткие предложения, из-за которых он бледнел от усталости. Когда Эл пришёл в третий раз, Сэм захотел узнать, почему он оказался в больнице. Он не мог вспомнить нападение. На мгновение Эл запаниковал. Стоявший рядом с ним Миковски, пытался заверить Эла, что потеря кратковременной памяти после такой травмы - это нормально. Но Эл расслабился только, когда Сэм медленно и с большим усилием прочитал ему по памяти страницы книги из кабинета Миковски - перед тем как покинуть больницу, Эл лично просмотрел соответствующие страницы.

Он снова звонил матери и сестре Сэма на Гавайи, сообщая им ежедневные новости о том, как у него дела. Конечно, они были обеспокоены, но Эл изо всех сил старался развеять их страхи и убедить их в том, что средства массовой информации всё преувеличивали. Он не думал, что они приедут навестить Сэма - ведь он по-настоящему не был на пороге смерти. В конце концов, это был долгий путь, а миссис Беккет было за семьдесят лет, и она была очень слаба. И Кэти хотела бы остаться с ней. Но если приоритеты Сэма удерживали его на работе, когда умер его собственный отец, то неудивительно, что теперь его мать с сестрой не хотели ехать через полмира, чтобы быть рядом с ним, в то время, как Эл делал всё возможное, чтобы убедить их, что с Сэмом действительно всё в порядке, как бы страшно не звучало об этом в СМИ, с ним всё было в порядке...

"И так и будет," - яростно поклялся себе Эл. "С Сэмом всё будет в порядке."

Сэм, казалось, думал, что это интересно - быть не в состоянии что-то вспомнить. Таков уж был Сэм Беккет - он мог найти что-то интеллектуально сложное даже в ограблении...

Но ему с самого начала не следовало проходить через этот бардак. У Эла Калавичи было не так много друзей в мире, чтобы он мог позволить себе потерять одного из них из-за такого глупого и иррационального инцидента, как этот. Никогда в жизни. И Эл не собирался терять Сэма Беккета, ни сейчас из-за грабителя, ни потом из-за кого-то другого, чёрт возьми.

[ГЛАВА 6]

Джудит Дризни следила за сообщениями о состоянии здоровья Сэма Беккета в утренней газете. По мере того, как проходили недели, стиль этих сообщений менялся, начиная от заголовков на первой странице и заканчивая небольшим абзацем внизу последней страницы местного раздела. Она читала эти новости за первыми чашками кофе и наблюдала как меняется динамика от "критической" в июле до "сдержанной", а затем "стабильной" в августе и, наконец, "ожидается, что его выпишут в ближайшее время", в связи с праздником Дня Труда. Её помощники научились обходить обновления и открывать газету на соответствующей странице. "Это было бы воспринято благосклонно," - заметил ей Йен Сюиз-Лунг во время встречи в Офисном здании Сената за неделю до

запланированной выписки Сэма Беккета. "Если бы вы оказали ощутимую поддержку вашей вере в то, что способности доктора Беккета не пострадали."

Дризни усмехнулась.

"Что имеется ввиду под "ощутимой поддержкой"? - хотелось ей знать.

Время от времени, Йен Сюиэ-Лунг, казалось, считал себя представителем династии Фу Манчу, забывая о том, что он представитель третьего поколения американо-китайских родителей, который получал образование в Калифорнийском университете, в Беркли и Стэнфорде. Это было чрезвычайно раздражающе.

"Я имею ввиду, конечно же, предложение доктора Беккета о суперкомпьютере," - Сюиэ-Лунг закурил сигарету, вопреки правилам, запрещающим курение в правительственных

зданиях и тонко улыбнулся сквозь завесу дыма. "Вы должны это поддержать."

"Но предложение доктора Беккета было совершенно засекречено," - парировала она. "Никто не смог бы узнать о моей поддержке, благосклонной или нет. Её официально не существует."

"Я бы узнал," - заметил Сюиэ-Лунг. "И у меня есть влияние в определённых...кругах."

"Но зачем?" - устала на него Дризни. "Что ты получишь от этого? Я думала, что ты до глубины души ненавидишь его, с тех пор как он убил Проект "Звёздный Свет"."

Сюиэ-Лунг откинул голову назад и мечтательно посмотрел в потолок.

"Ах, то, что я думаю лично про него, не имеет никакого значения. Мы глубоко разошлись во мнениях по поводу Проекта "Звёздный Свет", это правда. Но что по-настоящему

важно, так это его ум и то, как он может его применить, и я не уступаю никому в своём восхищении его умом. Никто другой не сможет разработать этот компьютер."

"Если только там есть что разрабатывать," - ответила женщина, отодвигая в сторону стопку резюме. "Я лично думаю, что это чушь собачья. Нервные клетки, или что бы там

ни было ещё, в компьютерах - это просто смешно."

Его голова снова наклонилась вперёд.

"Вы действительно так думаете, сенатор? Есть ли у вас опыт работы в медицине, физике, математике и философии, чтобы иметь право выносить такое суждение? Ни у кого

другого в мире нет такого сочетания специальностей, чтобы иметь возможность реализовать эту концепцию. На самом деле, я готов взять на себя смелость утверждать, что

для доктора Беккета это может быть относительно тривиальным проектом."

"И что это должно означать?"

Сюиэ-Лунг выпустил струю дыма прямо в лицо Джудит, заставив её раскашляться.

"Я имею ввиду," - невозмутимо сказал он. "Что всё, что Сэм Беккет когда-либо делал, всю свою жизнь, было на что-то направлено. На что-то невероятное. И я не верю, что создание нового вида компьютера является его конечной целью."

"И как ты думаешь, какова его конечная цель?" - спросила она, отмахиваясь от дыма. "И почему ты хочешь, чтобы я это поддержала?"

"Я не знаю," - наконец с неохотой признал её посетитель. "Но я, скажем так...очень встревожен тем...чтобы выяснить, на что при наличии достаточных ресурсов способен Сэм Беккет."

"Я не думаю, что он сам это знает. Но всё, что может открыть один человек, всегда может использовать другой. Так было всегда, не так ли?"

Он мягко и загадочно улыбнулся.

Через мгновение она тоже улыбнулась.

"Ах ты маленькое скользкое чудовище," - подумала она. "Ты думаешь, что ты достаточно хорош, чтобы взять и использовать то, что может создать сын Джона Беккета? Ну, что ж посмотрим."

РУКОВОДИТЕЛЬ
ВОЕННО-МОРСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ
СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
И ЕГО ПЕРСОНА И ЭКИПАЖ
ПРИГЛАШАЕТ ВАС ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ
НА ЦЕРЕМОНИИ ОСТАВКИ
КОНТР-АДМИРАЛА (АСТРОНАВТА)
ЭЛБЕРТА М.КАЛАВИЧИ
ИЗ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА
СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ.

В ПЯТНИЦУ, СЕДЬМОГО СЕНТЯБРЯ,
В ДЕСЯТЬ ЧАСОВ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДВОР, ВОЕННО-МОРСКАЯ
ОБСЕРВАТОРИЯ США 34-Я И МАССАЧУСЕТС-АВЕНЮ,
НЬЮ-ЙОРК. ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ.

ПРОСЬБА ОТВЕТИТЬ.
УНИФОРМА: ПРИГЛАСИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ПРИЛАГАЕТСЯ
К ПОЛНОЙ БЕЛОЙ УНИФОРМЕ.

7 сентября 1990 года в Вашингтоне, округ Колумбия, было жарко и невыносимо влажно. Национальное Бюро Погоды обещало на прошлой неделе дождь или, по крайней мере, облака, но температура упрямо держалась на отметке восьмидесяти градусов. Это отражает температуру мировых событий, подумал Эл, ещё раз проверяя свою парадную форму.

В то утро Эл Калавичи долго и задумчиво смотрел в зеркало. Он всё ещё выглядел как военный, с медалями, в фуражке, начищенных до блеска ботинках, белых перчатках и парадной форме. Эл был похож на человека, который ест на завтрак бритоголовых лейтенантов и ковыряется в зубах их командирами. Он выглядел суровым, непреклонным и уверенным в себе: лидером своей команды, командиром кораблей, пилотом реактивных самолётов, и астронавтом. Ему пришлось подавить желание отдать честь самому себе.

Осознав это, он ухмыльнулся, и иллюзия рассеялась. Это был он. День отставки.

Тем не менее, учитывая, что на Ближнем Востоке вот-вот разразится война, возможно, сейчас было не такое уж подходящее время для ухода в отставку. Ну что ж. Теперь было слишком поздно. Когда Президент Соединённых Штатов сделал специальную остановку в промежутке между своим отпуском в штате Мэн и вылетом на конференцию в Хельсинки, чтобы встретиться с Горбачёвым, нельзя было нарушать план. Кроме того, исполнительный директор попросил гостей встать и воздать почести, а это означало, что было

действительно слишком поздно отступать.

Они пригласили контр-адмирала Восса на борт - ну, по крайней мере, на сцену, а затем настала очередь Эла, за которым последовали Холлингс, Трост, сенаторы Гленн и Макбрайд, а затем Президент: они все встали по стойке смирно при Выносе Знамени, исполнении Национального Гимна и Призыве, а потом исполнительный директор представил Восса, и они, наконец, сели.

А потом, конечно, были речи Троста, Гленна, и, наконец, Буша. По крайней мере, они были короткими. Тросту и Гленну удалось не допустить никаких неловких личных замечаний, а президент свёл свою речь до минимума, вероятно, больше беспокоясь о Саддаме Хусейне, чем об уходящем в отставку Адмирале (астронавте). Потом они вызвали Эла на передний план, и Главная Старшина ДеГайлер благородно воздержалась от того, чтобы воспользоваться своим последним шансом публично устроить ему разнос за все неприятности, которые Эл доставлял старшинам на протяжении всей своей карьеры - она, конечно, не могла это сделать в такой торжественной и официальной обстановке. Но когда она представила от имени Главных Старшин "Звездочёта" флаг и теневой ящик, и отступила назад, чтобы отдать честь и подмигнуть ему, то Эл невольно усмехнулся.

А потом были мемориальные таблички, зачитывание цитат, вручение благодарностей в виде Медалей Военно-Морского Флота. Эл вполуха прислушивался к следующей реплике. Да, у него была долгая и выдающаяся карьера. Двадцать девять лет, начиная от рядового, продвигаясь мустангом по служебной лестнице, и получая образование нелёгким путём. Шесть из этих лет он потерял находясь в плену и эту потерю ничего не могло компенсировать. Но это была карьера, которая привела его в космос, и он не мог сожалеть об этом.

Аудитория состояла из друзей и знакомых, которых он приобрёл за время своей карьеры, за одним существенным исключением:

как бы сильно он не просил, больница до сих пор не выписала Сэма. Они сказали, что выпишут его в понедельник, но по правилам он должен был уйти в отставку в первую неделю месяца, и всё тут. Эл хотел, чтобы Сэм был там и стал, своего рода свидетелем обряда перехода, но ни Военно-Морской Флот, ни больница не были склонны идти ему навстречу. Он вздохнул. Президент, сидевший справа от него, услышал это и сделал какое-то несущественное замечание. И теперь настала его очередь предстать перед собравшимися посетителями и произнести свою собственную речь. К счастью, короткую, со ссылками на меняющуюся глобальную напряжённость и необходимость постоянной бдительности, его гордости за службу и его уверенность в офицерах-мужчинах, - и женщинах, поспешно добавил он, видя, что Клаудия всё-таки собирается его убить - Военно-Морского Флота Соединённых Штатов Америки. А потом Старший Офицер зачитал Элу его приказы, и он в последний раз попросил разрешения сойти на берег. Разрешение было получено, и Старший Офицер объявил собранию, что "Контр-Адмирал Военно-Морского Флота, Соединённых Штатов Америки, отбывает в отставку". И ДеГайлер зазвонила в шесть колокольчиков, и помощник боцмана подал сигнал на шканцы, и когда Эл проходил между сайдбоями, отдавая свою последнюю официальную честь, снова зазвонил колокольчик. Было благословление, были сняты знамена, группа "ами" играла "Поднять Якоря", но дело уже было сделано. Всё было кончено. Всё, кроме криков, как говорил его отец. Хорошо. Конечно, за исключением вечеринки.

Было поздно, очень поздно. Или очень рано, если смотреть на это с другой стороны. Было всё ещё душно и жарко, даже несмотря на то, что было три часа ночи, а его белая униформа была далеко не такой чистой, какой она была накануне утром. Однако Эл гордился собой. В течении многих лет он верил, что его вечеринка по случаю отставки - имелась ввиду настоящая вечеринка, а не официальный приём - будет самой большой, самой пьяной и самой громкой вечеринкой, которую он когда-либо устраивал. И так оно и было. Эл был готов поспорить, что если бы он не был Адмиралом, то спецназ бы арестовал всех, кто попался ему на глаза. Но он, Эл Калавичи, выпил всего один бокал вина и был чертовски трезвым.

На этот раз он наблюдал, как дураками себя выставляют все остальные.

И теперь он в последний раз привёл в порядок свою форму, почистил её и убрал в голубой пластик в задней стенке шкафа. Теперь она будет появляться снова только в самых особых случаях. Он начал снимать медали, Военно-морской крест с боевой буквой V, Крест за выдающиеся лётные заслуги, Пурпурное Сердце, медаль Военно-Воздушных сил, благодарности, достижения, цитаты, многочисленные награды. Его пальцы остановились и немного пощупали "Военнопленную" медаль, затем двинулись дальше: Служба Национальной Обороны, медаль за Вьетнамскую компанию и всё остальное. Четыре ряда медалей на левой стороне груди, ряд лент, по три поперёк, на правой стороне. И, конечно же, Медаль за Отвагу, которая висела у него на шее на ленте. "Выдающаяся карьера," - снова и снова говорили ораторы. И это было чертовски верно.

Качая головой и посмеиваясь над собой, Эл стянул перчатки и начал раздеваться. Через несколько минут ослепительная униформа превратилась в груды одежды на кровати с железным каркасом, лежащую рядом с гораздо более аккуратно сложенной одеждой и стопкой файлов, сертификатов и, конечно же, теневым ящиком.

Это больше не было его униформой. Что ж, в каком-то смысле так оно и было: раны и шрамы в его душе останутся на всю оставшуюся жизнь. Военно-Морской Флот делал это с каждым, признав человека своим, и никогда по-настоящему не отпускал. Но теперь Эл был гражданским. Гражданским лицом. Гражданские лица всегда были чужаками, и теперь Эл был одним из них.

Это был конец целой жизни и начало новой.

Эл сделал паузу в процессе снятия наград и знаков отличия с куртки, чтобы поморщиться и потереть руку. Она по-прежнему болела. Он наконец-то избавился от гипса,

медицинских шин и сопутствующих опор всего месяц назад. Через четыре месяца после травмы ему всё ещё приходилось проходить курс физиотерапии: из-за этого рука дрожала от усталости, а мышцы подрагивали. Но ему становилось лучше, и Эл не собирался сдаваться, пока не пройдёт через всё это в полной мере. Он закончил снимать всё, что можно было снять и аккуратно сложил всё это в коробку с атласной подкладкой. У него была комната в Офицерском общежитии для холостяков на ночь, он был свободен и у него не было никаких обязательств - за исключением того, чтобы убедиться, что Департамент Полиции Вашингтона не задвинул дело Сэма на задний план, что казалось более чем вероятным, поскольку они уже пытались это сделать. Его уход в отставку был сравним с уходом от своих бывших жён. Ему нужна была работа.

Но у него были планы.

Как и у Сэма.

Эл смахнул уже полностью очищенную от грязи униформу с кровати, что раньше он сам считал крайне неуважительным поступком, отложил в сторону файлы и предоставленные доклады и плюхнулся на кровать, чтобы подумать. Прежде всего, ему нужно было пройтись по магазинам. Он должен был... Было очень поздно или очень рано, смотря с какой стороны посмотреть. Через несколько мгновений его мысли были прерваны храпом.

[ГЛАВА 7]

"Ну что, приятель, сегодня тот самый день. Ты готов?"

"Думаю, да" - устало улыбнулся Сэм.

Эл критически оглядел его. Волосы Сэма в основном отросли до своей обычной средней длины, но теперь из-под его волос с левой стороны головы виднелась седая прядь. Он был бледен - он пробыл в больнице довольно долго, возможно, дольше, чем это было действительно необходимо, и довольно долго был вдали от солнечного света. Весь последний месяц Сэм был на ногах, неуверенно бродил по больнице, разговаривал с хирургами и появлялся в самых неожиданных местах. Медсёстры сообщили Элу, что он провёл много времени в патологоанатомическом отделении.

Сэм также был более худым, чем обычно, что означало, что он действительно очень похудел. Эл решил, что в первую очередь, они отправятся в действительно хороший ресторан. Предварительно, конечно, выдержав натиск репортёров снаружи.

"На что ты уставился?" - спросил Эл, внезапно заметив выражение лица Сэма.

"На тебя," - ответил Сэм. "Что на тебе надето?"

"Галстук. Он тебе нравится?" - Эл протянул Сэму пурпурно-розовое творение, чтобы тот рассмотрел получше. Сэм с выражением ужаса на лице отказался. Эл решил, что это была чрезмерная реакция. Фиолетовый цвет точно подходил к его рубашке и был на тон темнее его костюма. Всё это прекрасно сочеталось и Эл не видел оснований для критики. В конце концов, смысл был в том, что это не было белым или тёмно-синим цветом.

"Удивительно," - пробормотал Сэм.

"Да, не так ли?" - радостно сказал Эл. "Вот, лучше позволь мне взять эту сумку. И что это за штука?"

Сэм держал маленькую синюю пластиковую коробочку, примерно шести дюймов в диаметре, прижимая очень близко к груди.

"Некоторые культуры," - коротко ответил он.

"Что ж, позволь мне это взять."

"Нет. Нет, спасибо, это понесу я. Я же не беспомощен." - Сэм выглядел нехарактерно для себя неловким. Он был одет в одежду, которую Эл принёс из своего гостиничного номера много месяцев назад, и сейчас она была ему немного велика. Из-за этого, в сочетании с коробкой, Сэм выглядел моложе своих лет и был похож на ребёнка, которого закутали в одеяльце.

"Хорошо," - Эл переложил сумку в правую руку. "Ты получил свои документы о выписке?"

"Да, подписал свою жизнь," - фыркнул Сэм. "Итак, отправляемся в путь."

Эл помахал медсёстрам, когда они проходили мимо поста, а Сэм им улыбнулся. Когда Сэм и Эл прошли по коридору и вошли в лифт, то слышали аплодисменты за своей спиной.

Оказавшись внутри лифта, Сэм прислонился спиной к стене и глубоко вздохнул.

"Господи, как же я рад уйти отсюда," - сказал он. "Спасибо, Эл."

Эл пожал плечами, мгновенно почувствовав себя неловко.

"За что? Я ничего не делал. Послушай, я знаю, где мы можем..."

Но двери лифта открылись, и они вышли прямо навстречу толпе репортёров и фотографов, ярким огням, камерам и микрофонам, поднесёнными к их лицам.

"Доктор Беккет! Доктор Беккет! Вы чувствуете, что полностью выздоровели?"

"Какого прогресса добилась полиция?"

"Полиция установила личность нападавшего на вас?"

"Повлияет ли ваша травма на ваши исследования?"

Сэм потерял дар речи, подняв одну руку, чтобы защититься от света, продолжая прижимать коробку к груди.

"Эй, расступитесь!" - Эл стоял перед Сэмом, дрожа, как разъярённый терьер, и даже Вашингтонский Пресс-Корпус отступил на полшага, прежде чем снова ринуться вперёд.

Полшага - это всё, что было нужно Элу. Он использовал локти и плечи без страха или стеснения, а Сэм, по-прежнему молчаливый, держался рядом позади.

Позади них, в качестве отвлекающего манёвра, Уизел Миковски говорил о пресс-конференции, держа официальные бумаги (на самом деле чистые бланки) перед жадной до сенсаций сворой. По крайней мере треть из них решила пойти за лёгкой добычей, и этого было достаточно, чтобы Эл вывел Сэма за дверь и усадил в ожидающий лимузин. Когда машина тронулась с места, они откинулись на противоположные сиденья и ухмыльнулись друг другу. Через мгновение Сэм рассмеялся.

"Мне не уделяли столько внимания с тех пор, как я поехал в Стокгольм," - сказал он. "Я надеюсь, что так будет не всегда."

"Ну да, сейчас ты - "аромат месяца", - кивнул Эл. "Но если у дворняжки Милли появятся щенки, то эти сопляки будут ломиться в двери Белого Дома, вмиг забыв о тебе."

Сэм, всё ещё посмеиваясь, покачал головой.

"Хорошо, что теперь?"

"Сейчас тебе надо хорошо поесть. Потом ты вернёшься в свой отель, - они сохранили все твои вещи, но, комната, конечно будет другой - и немного отдохнёшь без нависающей над тобой медсестры," - Эл критически оглядел своего друга. "Ты хорошо себя чувствуешь?"

Смех сменился улыбкой, но потом исчезла и она, и одна худая рука поднялась, чтобы коснуться своего левого виска и белой отметины, обозначавшей место удара.

"Я в порядке," - сказал он. "Немного устал, вот и всё."

"Ну, теперь ты можешь расслабиться," - Эл посмотрел на часы, коснулся рукоятки стеклоподъёмника, чтобы опустить окно достаточно, чтобы можно было выглянуть наружу и

подышать свежим воздухом. Ему ужасно хотелось сигару, но придётся немного подождать. Вероятно, было бы неправильно травить дымом ещё не до конца выздоровевшего

друга. "Пройдёт добрых двадцать минут прежде, чем мы доберёмся туда, куда сейчас направляемся."

"Хорошо". Сэм поставил коробку на пол машины рядом с собой и откинулся на сиденье. Он всё время держал одну руку на коробке.

Двадцать минут спустя, как и было обещано, лимузин, урча, остановился. Сэм немного задремал, и Эл с некоторой неохотой толкнул его локтем, чтобы разбудить.

"Эй, приятель, поднимайся и сияй. Мы уже на месте."

"Где это мы?" - пробормотал Сэм.

"Мы в лучшем итальянском ресторане в Вашингтоне, округ Колумбия."

Да, это было так. Это было заведение с дырой в стене, с безупречно чистыми льняными скатертями, а заднюю стену занимал винный стеллаж.

"Это домашнее вино, Сэм, а по-настоящему хорошее вино у них в погребах."

Эл обращался по имени к официантам, кассирам, владельцам и, вероятно, посудомойщикам и бегло болтал по-итальянски со всеми, кто подходил к столу поздороваться. Однако

приветствия были краткими и их оставили наедине. Даже другие посетители только поглядывали в их сторону и держались на расстоянии, к большому облегчению Сэма. Он

удобно устроился в полумраке, слушая тихую музыку Верди, доносящуюся из скрытых динамиков, и позволил себе, наконец, немного расслабиться, наслаждаясь местом, где

пахло чем-то ещё кроме антисептиков и больных людей. Подошёл официант с корзинкой хлеба и развернул скатерть, чтобы

впустить в их ноздри тёплый запах чеснока. Эл на одном дыхании озвучил заказ, даже не потрудившись спросить Сэма, чего он хочет. Сэм, с чем-то похожим на ужас, наблюдал, как Эл налил в свою тарелку немного оливкового масла самого лучшего качества, посыпал его перцем, обмакнул в него хрустящий горячий хлеб и съел с выражением полнейшего блаженства на лице.

"Эй," - сказал Эл, как только снова открыл глаза. "Ты намазываешь маслом свой хлеб."

"Это чистый холестерин!"

"Это не так," - возмущённо ответил Эл. "Вот, лазанья, ещё может быть. Но не это." - он обмакнул ещё кусочек и предложил Сэму. Сэм попробовал, поморщился и вернулся к своему собственному, простому блюду. Ему больше нравился обычный хлеб, можно даже и без масла.

"Я ценю то, что ты делаешь, Эл," - нерешительно сказал он. "Я имею ввиду то, что ты тратишь столько времени и всё такое."

"Ну, я же не тратил всё своё время," - поправил его Эл. "Я был на банкете у Перлиаски. Занимался своими собственными делами."

Просто так вышло, что большая часть моих дел проходила здесь, в Вашингтоне. Не льсти себе, приятель."

"А расскажи-ка мне..."

Эл рассказал ему о последних нескольких месяцах, ещё больше дистанцируясь от образа мамочки-итальянки, охраняющей единственного сына. Сэм очень внимательно его слушал. Находясь в больнице, он не мог следить за последними текущими событиями.

"Хорошо," - заключил Эл. "Вот и всё, что происходило. Теперь, когда ты вышел из больницы, мы можем продолжить тот разговор, который собирались провести ещё в июне? О чём вообще этот Проект?"

"Ты имеешь ввиду тот Проект, который к настоящему времени вылетел в трубу?" - закрыл глаза Сэм. "Они, вероятно, уже отменили все свои решения."

Эл сделал глоток вина Кьянти. Он позволил себе один-единственный бокал, чтобы отпраздновать и этим и ограничился.

"Я бы не был так уверен в этом. Расскажи мне."

Сделав глубокий вдох, Сэм наклонился вперёд.

"Изначально это предполагалось для Проекта "Звёздный Свет". Ты помнишь те формулы, над которыми я работал?"

Тут к ним подошёл официант с заказами лазаньи и феттучини с курицей, которая была посыпана кедровыми орешками, и пока официант суетился с тарелками, им пришлось сменить тему. Когда он ушёл, они возобновили свой разговор.

"Боже мой, какие ещё формулы?" - спросил Эл, вникая в суть дела. Он больше не играл роль приятеля, который всегда был рядом, когда это было необходимо: это был образ, который всё равно никогда ему не подходил. Эл был заинтересован, очень заинтересован. "Ты всегда над чем-то работал."

"Компьютер, Эл. Компьютер, который может..." - Сэм перешёл на шёпот. "Который может отслеживать время."

Его спутник на мгновение замер.

"Я думал, что это была просто шутка. Что ты меня разыгрывал."

"Я не шучу такими вещами," - покачал головой Сэм. "Я могу это сделать, Эл. Это будет квантовый скачок вперёд в нашем понимании времени, энтропии, искусственного интеллекта. Он будет использовать новый способ организации реальности. Это то, что нам было нужно до появления Проекта "Звёздный Свет" и почему я не мог этого добиться работая над этим Проектом. Тогда я этого не понимал, но нам был нужен компьютер, который не был бы ограничен двоичной логикой, двоичными кодами и существующими языками. Нам действительно нужен был компьютер, который я в любом случае всегда хотел собрать. Такой, который может измерять наборы вероятностей, а не просто вероятности, который сможет работать так же, как работает человеческий мозг. Это важно, Эл." - его голос был низким и напряжённым. Это заставило Эла отстраниться.

"Ни один компьютер не может видеть прошлое," - пробормотал он, накалывая кусочек макарон, - "Параллельная обработка этого не сделает. Это невозможно."

"Я могу это сделать," - сказал Сэм. "Если я смогу получить финансовую поддержку, то смогу это сделать."

"Ты можешь сделать почти всё, что угодно. Если они на это не пойдут, то есть много других вещей, которыми ты можешь заняться."

"Ты мне не веришь, не так ли?"

Последовала долгая пауза, пока Эл накладывал сыр в центр своей тарелки. Наконец он сдался.

"Я верю, что ты можешь сделать всё, о чём говоришь. Если ты говоришь, что можешь создать компьютер, который позволит нам увидеть прошлое - настоящее прошлое, такое,

какое оно было," - Эл вздохнул, - "Тогда ты сможешь это сделать, вот и всё. Даже если это безумно звучит."

Сэм облегчённо вздохнул.

"Я просто не понимаю как это возможно, вот и всё," - добавил Эл.

Сэм взял ещё один кусок хлеба, обмакнул его в остатки оливкового масла с тарелочки своего друга и откусил без малейшего намёка на отвращение.

"Иногда просто требуется знать, что происходило раньше, чтобы понять, что происходит сейчас," - наконец сказал он. "Мне так много нужно объяснить," - он откусил ещё

кусочек. "Я уже имел опыт общения с административными людьми, но я не очень хорош в этом. Мне нужна твоя помощь, Эл. Без тебя я это сделать не смогу."

Эл посмотрел на хлеб, с которого стекало жёлтое масло, потом перевёл взгляд на Сэма и ухмыльнулся:

"В самом деле?"

"В самом деле," - Сэм отложил в сторону хлеб. "Эл, помоги мне."

"А чем, по-твоему, я занимался последние три месяца?" - с улыбкой спросил Эл. "У меня есть кое-какие контакты. Уже назначены встречи..."

Была ещё одна вещь, которую Сэм Беккет должен был сделать перед отъездом из Вашингтона, он делал это каждый раз во время своих приездов сюда. Всё остальное было уже сделано. Эл сделал всё просто по-королевски, творя чудеса и разбираясь с "драконами" в застенках бюрократии. Каким-то образом Элу удалось найти достаточное финансирование и персонал на следующий финансовый год. Сэм уже мог отправляться в Нью-Мексико и начинать работу, взяв за основу Проект "Звёздный Свет" и приступая к первой фазе строительства своего нового Проекта. Это должен был быть более чем сверхсекретный Проект, если такое вообще было возможно: правительственные покровители Проекта "Квантовый Скачок", вероятно, рассматривали этот Проект в качестве военного применения. Но этого никогда не будет. Это была его разработка и он не собирался использовать её в военных целях. Сэм собирался сохранить над этим компьютером такой уровень контроля, какого раньше никогда не было у любого другого учёного.

В воздухе начинало холодать, что было первым признаком осени. Сэм поднял голову, чтобы вдохнуть ветерок и попытаться уловить хоть какой-нибудь запах, кроме автомобильных выхлопов и всепроникающего запаха воды. Вишнёвые деревья на аллее теряли насыщенную зелень своих листьев. Скоро они пожухнут и пожелтеют, ослабят хватку на ветвях и закружатся на ветру, как неслышанные ответы. После нескольких недель безжалостного солнечного света, небо было облачным. Он вспомнил как в последний раз стоял один у здания ближе к вечеру и смотрел вокруг. Но сейчас вокруг были люди. Он не был один. Не был уязвим. Не был таким, каким был в тот раз. Это была долгая прогулка по торговому центру, мимо музеев и памятников, медленно проезжающих туристических машин, через Семнадцатую улицу, по траве между Отражающим Бассейном и озером. Долгое знакомство с тропой подсказало ему, что путь, по которому он шёл, занимал довольно много времени. Сэм мог бы сесть за руль или взять такси. Но он всегда ходил пешком. Сэм полагал, что это был способ отсрочить события, когда он позволял себе думать о том, что он делает, вместо того,

чтобы думать о том, куда он идёт. Он изо всех сил старался этого избегать, вместо этого занимаясь изучением формул, чертежей и планов. Источником сильного разочарования было то, что он мог видеть всё это в полном объёме в своём сознании и всё же ему приходилось ждать, пока бетон, кремний, бумага и, конечно же, остальные люди поспеют за ним.

Так было всегда. Сэм рано, очень рано научился не проявлять нетерпения по отношению к другим людям. Учителя средней школы пытались научить его делать математические расчёты, которыми он занимался с пяти лет. Учителя музыки давали ему советы о том, как запомнить длинные пьесы, в то время как ему хватало одного раза посмотреть на нотный лист и он уже мог запомнить его навсегда, видя в своём сознании его так отчётливо, как чёткую фотографию перед собой. И другие дети, которые думали, что он задаётся, будучи любимчиком учителя, потому что Сэм каждый раз знал правильные ответы. Наконец-то он научился не всегда иметь ответы на все вопросы. Но ему всё равно было трудно разговаривать с другими людьми. Он предполагал, что у него всегда будут трудности в общении с другими людьми, потому что он не мог найти причину, почему у него не получается установить контакт. У него не получилось это сделать со своим отцом. Он не смог это сделать с Донной.

Иногда, даже обладая коэффициентом интеллекта признанного гения, шестью докторскими степенями, свободным владением семью современными языками и четырьмя мёртвыми, самое лучшее, что он мог сделать для объяснения, это отделаться фразой - "так уж сложилось". Но этого было недостаточно.

Теперь Сэм мог видеть свою цель. С этого ракурса это было обманчиво, казалось, что он находится дальше, чем был на самом деле. Основные процессорные чипы были бы другими, действительно другими. Они даже не были бы похожи на обычные чипы. Он бы использовал алмазную подложку. Однако всё ещё оставались некоторые проблемы. Ему придётся хорошенько всё обдумать. Если бы культуры по-прежнему работали... Сэм крепче прижал к себе синюю коробку. Она никогда не была вне его поля зрения и досягаемости. Это был ключ. Тонкие цилиндрики в жидком азоте, содержащие розоватость и редкоземельные элементы. Удерживающие серые клетки.

Здравый смысл подсказывал ему, что то, что он запланировал, не может быть выполнено, что это категорически невозможно. Может быть, так оно и было: у него ещё не было возможности изучить культуры. Что-то могло пойти не так. Если бы это произошло, Сэм бы не знал, что ему делать. Но он был уверен в том, что больше у него никогда не будет такого шанса.

Теперь Сэм находился всего в двух шагах от реки Потомак, прогуливаясь по Садам Конституции. Несколько случайных прохожих

ходили то тут, то там, не обращая на него никакого внимания. Он прошёл мимо одной женщины его возраста или чуть старше, которая стояла посреди лужайки, держа в руках охапку маргариток и тихо плакала. В другой ситуации Сэм бы остановился, подошёл к ней и спросил бы в чём дело и не может ли он чем-нибудь помочь. Но здесь он знал в чём дело. Он знал, что ничем не может помочь. Здесь уже ничто не могло изменить ситуацию.

Он продолжал идти, направляясь к белой статуе сидящего человека. Его пальцы тоже побелели, от того, что он сжимал свою пластиковую коробку.

Это начиналось из ничего, из земли, из разлома в земле, где она резко обрывалась, оставляя срезанную поверхность глянцевой, гладкой и чёрной. Он продолжал подниматься, а глянec сменялся линиями. Буквами. Словами. Именами. Сотнями, тысячами имён. Которые были разделены только большими числами, которые являлись годами: 1965, 1966, 1967... Он продолжал идти.

Трава была подстрижена ровно и плотно вдоль узкого желоба у основания. Когда он проходил мимо других людей, которые пришли сюда смотреть и касаться, то краем глаза

Сэм мог видеть своё отражение в полированной темноте, которое было размытым пятном без субстанции, как будто только сама стена была реальной в этом месте. Кто-то засунул клочок бумаги в шов в камне. Кто-то ещё оставил пару детских туфелек, которые уютно расположились на лужайке, как сокровище из пасхальных яиц, ожидающее, когда его найдут. И ещё там было много, очень много цветов.

Сэм начал читать про себя таблицы журналов, напевая себе под нос и стараясь, чтобы изображение таблицы на шесть позиций опережало цифры, которые он шептал. Было трудно сосредоточиться. Он видел у себя перед глазами улыбающееся лицо, но здесь никто не улыбался.

Здесь были дети и подростки, которые неловко стояли в стороне, в то время как их родители - в основном матери, но были и отцы - молча стояли перед памятником. Подростки были слишком молоды, чтобы это помнить. Они тогда ещё даже не родились. Некоторые из них даже были достаточно взрослыми, чтобы самим быть родителями, и они приводили сюда уже третье поколение, которое смотрело и удивлялось. Один мужчина поднял маленькую девочку, чтобы она потянулась и прижала свои пальцы к прохладному камню. Сэм с потрясением понял, что это внуки. Внуки сейчас совершали паломничество. Кто-то подальше играл в пятнашки среди деревьев и смеялся, и этот смех был словно диссонирующей музыкой в этом месте.

Сэм подавил в себе чувство иррационального гнева из-за того, что у него не было детей, которых он мог бы привести с собой. У него

никогда не было возможности завести детей: детский смех олицетворял собой для него ещё одну упущенную возможность, ещё одно пустое будущее. Он сделал паузу между шагами, чтобы справиться с внезапной яростью, зная, что легче преодолеть гнев, чем печаль.

Мимо в инвалидном кресле проехал мужчина средних лет. Пустые штанины его серых твидовых брюк были приколоты булавками, чтобы они не проваливались в спицы коляски. Сэм отступил в сторону, освобождая ему дорогу. У мужчины были аккуратно подстриженные волосы и короткая борода, он носил очки-авиаторы, скрывавшие его глаза, а на коленях у него лежала открытая бутылка виски. Он остановился у стены и потянулся, его пальцы коснулись чёрного камня. Со вздохом откинувшись на спинку кресла, он взял бутылку за горлышко и перевернул её, налив примерно унцию виски в коричневую лужайку. Сэм уже видел его там раньше. Он всегда совершал одно и то же действие и всегда в тишине. Сделав своё подношение, мужчина развернул своё кресло с лёгкостью, выработанной многолетней практикой, и по-прежнему молча, отодвинулся. Кто-то оставил у основания стены шкатулку с медалями, которая была открытой, чтобы было видно белоголового орлана, который был окружён колючей проволокой и кружился внутри, в зависимости от ленты с широкой чёрной полосой по центру и чередующимися тонкими полосками красного, белого и синего цветов с обеих сторон. Рядом со шкатулкой лежал чей-то армейский ботинок с дырой на боку. На некотором расстоянии бородатый лысый мужчина в камуфляже для джунглей поцеловал конверт и просунул его в щель, разделяющую панели. Он плакал.

Теперь настала его очередь. У него здесь не было никаких ритуалов, кроме как встать, подойти и, подобно всем остальным, протянуть руку и коснуться имени, высеченного серебром на чёрном камне. Камень был холодным. Почувствовав холод камня на Сэма нахлынули воспоминания, которые не могли сдержать мысли о простых числах.

Баскетбол. Это всегда было первым воспоминанием. У них тогда была тренировка команды и тренер привёл им для игры кого-то нового, кого-то в маске гориллы, чтобы показать им, что не следует пугаться одного лишь внешнего вида - важнее всего был именно сам человек за этой маской. И он до сих пор помнил это объятие, когда слетела маска, и Сэм увидел кем был этот человек на самом деле - он всё ещё чувствовал это объятие. Объятие своего брата. Братскую любовь.

Воспоминания были не только счастливыми. Сэм также помнил драки, борьбу на полу амбара практически под коровьим выменем, и тот раз, когда его избили так сильно, что

Тому стало стыдно и он показал ему его первые уроки джиу-джитсу. Когда они боролись в следующий раз, Том пожалел об этом. Сэм всё ещё мог видеть выражение его лица.

Он вспомнил, как учил своего старшего брата играть в шахматы.

Он вспомнил, как его старший брат рассказывал ему, как вести себя на его первом свидании с Джуди Энгстром.

Он чертовски хорошо помнил всё это, абсолютно всё. Сэм ненавидел это. Он мог выбрать любой образ, любое воспоминание из прошлого и увидеть его, увидеть так же ясно,

как будто бы Том стоял там перед ним - живой, разгорячённый, улыбающийся...

Но в реальности перед ним был холодный чёрный камень, и имя на нём - одно из тысяч других.

Томас Эндрю Беккет.

Он прикоснулся к камню, как всегда с закрытыми глазами, легко, проводя кончиками пальцев по углублениям букв, как будто не мог в это поверить. Так было всегда.

"Прости," - прошептал он, как всегда, каждый раз, когда приходил сюда. Так тоже было всегда.

Затем Сэм отвернулся и пошёл обратно через сады мимо других скорбящих, прижимая синюю коробку к груди.

Весна, 1993

...Доктор Сэм Беккет возглавил научный центр в пустыне, для разработки сверхсекретного Проекта под названием "Квантовый Скачок"...

"То, что я подразумеваю под жизнью для себя, - это жизнь в мире, как в нём, а не вне его... Это значит быть молчаливым зрителем величественной сцены... проявлять вдумчивый, тревожный интерес или любопытство к тому, что происходит в мире, но не испытывать ни малейшего желания создавать или вмешиваться в

это" - Уильям Хэзлитт, "О Жизни для Себя", 1839

[ГЛАВА 8]

"Знаешь, в Таосе опять жалуются на шум," - сказал Эл Калавичи, откладывая в сторону новостной журнал. Была середина первой смены, и, как и половина работников

Проекта, Сэм и Эл сделали перерыв на обед. По предложению Эла они пошли в кафетерий вместо того, чтобы обедать на своих рабочих местах, просто для смены

обстановки. "Они говорят, что этот шум сводит с ума собак. Мы что, сводим с ума собак?"

Сэм тщательно задумался над этим вопросом.

"Я так не думаю," - наконец, осторожно сказал он. "Я не вижу ни одной причины, по которой это должно было бы произойти."

Шум, о котором шла речь являлся низким пульсирующим звуком от генераторов и прототипа компьютера, который они приводили в действие. Он снова попал в поле зрения

местных средств массовой информации и был предметом интереса местных таблоидов на протяжении семи дней. Люди, работающие над Проектом, либо научились игнорировать

этот шум, либо очень быстро уволились.

"У них есть команда из Лос-Аламоса и Сандии, а также военные, которые это расследуют. Надеюсь, что у военных есть более важные дела, чем копать в этом направлении."

"Я не думаю, что они вообще будут этим заниматься," - ответил Сэм, теряя интерес. "У меня есть контакты внутри Лабораторий. Я бы не стал беспокоиться об этом."

"Это хорошо," - Эл встал из-за металлического стола и купил ещё один стакан кофе из автомата в нише. "Мне бы не хотелось объясняться перед средствами массовой

информации, а также с теми ребятами из следственной группы. Они хотели бы знать, почему им не дали доступ к этому Проекту."

"У них и не может быть этого доступа," - без тени эгоизма сказал Сэм. "Я на них не работаю."

Эл, который недавно услышал почти такое же замечание, почти в том же духе, от одного из учёных в лаборатории, тихо фыркнул.

Учёные, по его мнению, могли бы быть

такими же примадоннами, как и любой художник. Он был благодарен, что его собственная докторская степень была в области

авиационной техники, профессии, где люди действительно могли запачкать руки.

"О'кей. Итак, что у нас на повестке дня сегодня днём?"

"Мы закончили со второй фазой. Пещера полностью приведена в порядок. С культурами по-прежнему всё в порядке. Это просто вопрос финансирования," - по лицу Сэма

пробежала тень, он вытянул ноги и уставился куда-то вдаль. Это был взгляд, который Эл называл: "Тишина! Гений за работой!"

"Но это всего лишь деньги на строительство. Мы получили запрошенные бюджеты расходов и капитального оборудования. Так чего же ты ждёшь? Я слышал, что в Токио кто-то

тоже работает над нейронными чипами. Ты же не позволишь ему себя обойти, не так ли?"

Сэм хмыкнул, оставив вопрос без ответа.

Ещё одна группа инженеров столпилась в маленьком кафетерии, обсуждая вчерашнюю игру команды "Герцоги Альбукерке". Они с грохотом прошли в заднюю комнату, где

холодильник со стеклянными раздвижными дверцами занимал одну стену, а микроволновые печи и конвекционные печи - другую, и начали рыться в запасах фаст-фуда в поисках обеда.

Сэм, нахмурившись, продолжал смотреть в никуда.

Инженеры вышли и заняли столик рядом с Сэмом и Элом, поприветствовали Эла, коротко взглянули на Сэма и отвернулись, не тратя времени даром. Эл вздохнул и сделал ещё глоток кофе.

Кафетерий был особенно угнетающим, когда твой собеседник за обедом находился где-то в Сумеречной Зоне. Там были только две комнаты, пара туалетов и одна

дополнительная дверь сбоку: строительная бригада не совсем закончила красить гипсокартон у стены, придавая ему отчётливо неровный вид, очень похожий на горизонт снаружи. Кто-то принёс, одному Богу известно как, пианино в вертикальном положении и поставил его в углу, под открытым воздуховодом кондиционера.

Снаружи здание было ещё уродливее. Это был обычный шлакоблок, с крышей из гофрированной жести и деревянной дверной рамой, которую нужно было покрасить. Для случайного наблюдателя это выглядело как четыре заброшенных здания посреди пустоты, если бы нигде не было высокого плато Нью-Мексико. Нигде, где мимо проходил короткий отрезок дороги.

Более проницательный наблюдатель мог бы заметить глубокие колеи там, где проезжали тяжёлые грузовики и мог бы заметить, что короткий участок дороги - длиной менее мили - был подозрительно гладким и свободным от камней и мусора.

Самый проникательный наблюдатель - скажем тот, кто прилетел тем утром в качестве пилота небольшого реактивного самолёта, приземлившегося на этом удобном участке дороги, - мог бы заметить протоптанные дорожки между зданиями, несколько автомобилей, выстроившихся в ряд, как на парковке позади них, и поразительное отсутствие признаков разрушения для якобы заброшенных зданий.

Это было поверхностным изображением Проекта "Квантовый Скачок". Оно было невзрачным, даже слегка отталкивающим. Эл обнаружил, что когда он показывал на карту и объяснял помощникам Конгресса и другим советникам, насколько далеко это находится, опуская небрежные замечания о скорпионах и гремучих змеях, свернувшихся под крыльцом, то следственные комитеты Конгресса часто считали целесообразным поверить ему на слово в том, что происходит. Это было удобно, по крайней мере, для Руководителя Проекта. Эл не был уверен, что хочет знать, насколько этичным это считает Сэм.

Эл позволил Сэму заниматься только наукой, а сам занимался связями с общественностью, административной работой и материально-техническим обеспечением. Эл следил за логистикой, бюджетом, планированием Проекта, нанимал канцелярскую поддержку - да, некоторые части работы имели свои преимущества - отслеживал строительство, следил за тем, чтобы в кафетерии и продовольственных магазинах Проекта постоянно были запасы, принимал поставки настольных компьютеров и шлакоблоков и следил за тем, чтобы необходимые материалы всегда были под рукой, таким образом, чтобы работа могла продолжаться непрерывно. Высокогорная пустыня под ними была испещрена туннелями и пещерами, некоторые из которых уже были заполнены лабораториями, офисами и жилыми помещениями. Самыми глубокими из всех, настолько глубокими, что никакое отопление не могло избавить от холода из нагнетаемого воздуха, были кабинет Сэма, лаборатория и пустые камеры. Он ещё не рассказал Элу для чего они нужны, сказал только то, что они ему необходимы. Эл только пожал плечами и передал спецификации дальше. Не в его компетенции было рассуждать для чего они нужны.

В основном, для Эла это было чем-то вроде сражения с "драконами". Сэм хотел, чтобы всё было готово до того, как он начнёт собирать компьютер. Не так-то просто было убедить людей с деньгами в том, что всему своё время, а время Сэма обязательно наступит.

"Ты просмотрел те прогнозы затрат, которые я оставил тебе вчера?" - спросил Эл.

Сэм моргнул.

"И у меня уже есть куча резюме на эту вакансию помощника по административным вопросам."

Сэм моргнул.

"Санта-Клаус заходит на посадку через пятьсот часов."

"Но сейчас же не Рождество," - наконец ответил Сэм. "Оно будет только через восемь месяцев". Его взгляд переместился со среднего расстояния на Эла и уголок его рта дёрнулся, признавая и разделяя шутку.

Но мгновение спустя зарождающаяся улыбка исчезла.

"Эл, я хочу ещё раз посмотреть на эти чертежи для крыла Е. Возможно, нам потребуется, чтобы кто-нибудь из геологов взглянул на них, чтобы понять, есть ли проблема."

"Проблема? Что за проблема?"

"Я не уверен. Эти туннели не должны стоить так дорого: мы, кажется, перестраиваемся каждый раз, когда разворачиваем стройку. Ты просматривал распечатки с тех пор, как вернулся?"

Эл отрицательно покачал головой.

Сэм встал на ноги и снова потянулся, подтянувшись вверх и почти коснувшись кончиками пальцев потолка.

"Давай, пойдём посмотрим."

Сэм повёл Эла к дополнительной двери, не обращая внимания на взгляды инженеров. Дополнительная дверь вела в невыразительную, пустую комнату размером примерно восемь на десять футов. Эл закрыл дверь, а Сэм нетерпеливо подпрыгнул на носках и произнёс:

"Вниз."

Комната начала опускаться. Эл уже привык к этому: он заранее ожидал, что маленькие комнаты будут использоваться как грузовые лифты. Как обычно, он мысленно досчитал

до двухсот, прежде чем комната плавно остановилась. Дверь открылась, и Сэм стремительно вышел из неё, а Эл поспешно шёл следом за ним. Сэм направился к строительным

офисам, расположенным на противоположной стороне комплекса от научных лабораторий.

В отличие от других, относительно монашеских рабочих зон, строительные конторы суетились, кипели и гудели. Когда они проходили, секретарши улыбались им вслед. Даже

огни казались ярче. Комнатные растения в горшках придавали непривычный цвет: стены были увешаны плакатами "Управление по охране труда" и "Равные возможности

трудоустройства" и обширными, подробными чертежами электрических систем, водопровода, аварийного доступа, канализации, электроснабжения.

"Вы ищете мистера Уильямса?" - спросила одна чертёжница, отрываясь от своего компьютера. "Он в бэк-офисе с Тони и Ибрагимом."

Нет, они поменялись офисами на прошлой

неделе, это тот, что вон там". Она развернула свой стул, чуть не опрокинув костыли, прислонённые к столу, и указала путь через

лабиринт перегоронок.

Кабинет Уильямса состоял из маленького столика, придвинутого к стене, чтобы освободить место для большого стола, который доминировал в середине комнаты. Трое мужчин склонились над рисунком.

"Если бы вы укрепили это здесь..." - говорил один из них. Другой кивал и быстро набрасывал красной ручкой. Эл мог видеть, что на самом деле он рисовал не по чертежу: оригинал был защищён слоем прозрачного пластика. И это было хорошо, так как второй мужчина, темнокожий и энергичный, возразил:

"Нет, нет, если вы это сделаете, то подчеркнёте это," - он стёр красные метки и заменил их зелёными. "Видите? Это вообще не сработало бы!"

Эд Уильямс поднял глаза и увидел ожидающих Сэма и Эла.

"Ох, ну слава Богу! Теперь я смогу выгнать этих парней, чтобы они продолжили свои споры где-нибудь в другом месте."

"Я не хочу прерывать," - возразил Сэм. Но Уильямс не собирался упускать свой шанс:

"Сэм, ты знаешь Ибрагима ибн Аббаса и Тони Вейланда?"

"Конечно". Они пожали друг другу руки. "О чём вы спорите?"

Уильямс бросил на Сэма неприязненный взгляд.

"На самом деле, я хотел, кое-что уладить, прежде чем это станет известно тебе."

"Упс," - пробормотал Эл. "Делегируй, Сэм. Ты должен делегировать полномочия."

Сэм огорчённо покачал головой.

"Я беру свои слова обратно. Я ничего не видел, ничего не слышал, и вообще я только что пришёл сюда. Привет, Эд, как дела?" - и он протянул руку для повторного рукопожатия.

Тони Вейланд громко рассмеялся. Эл резко взглянул на него. Он был высоким и светловолосым, фигурой скорее напоминал Шалтая-Болтая с широкой талией без плеч и до смешного крошечными ступнями, а на лице у него была весёлая улыбка. Он должен был физически доминировать над невысоким, стройным Ибн Аббасом и таким же невысоким, толстым Уильямсом, но вместо этого он выглядел только неуклюжим. Он поймал взгляд Эла и покраснев, отступил назад. "Просто отлично Сэм, а как ты сам?" - ответил Уильямс. "Мы как раз заканчивали," - он свирепо посмотрел на двух своих подчинённых. "Я могу вам ещё чем-нибудь помочь?"

Сэм сделал паузу и два младших инженера поняли намёк и направились к двери.

"Я хотел ещё раз взглянуть на чертежи для крыла Е. Вот то место, где у нас перерасход, верно?"

"Забавно, что ты упомянул об этом," - хмыкнул Уильямс. "Это было всё равно что спустать деньги в крысиную нору. Нет, нет, нет,

Тони, я сам с этим разберусь," - добавил он, когда увидел, что Вейланд остановился, явно желая присоединиться к их разговору. "А ты возвращайся ко второму набору резервных копий."

"Я поручил Марти сделать это."

"Ну вот иди и проверь как дела у Марти," - выразительно посмотрел на него Уильямс.

Вейланд попятился из кабинета. Эл хмыкнул про себя, думая об этом инциденте. Вероятно, Вейланд был одним из многих молодых жеребцов, пытающихся доказать окружающим, что он классный парень.

"Мы только что смотрели на это," - сказал Уильямс, указывая на чертёж на столе. Теперь, подойдя ближе, Эл смог разглядеть, что это даже не было рисунком. Стол на самом деле был плоским экраном, а рисунок проецировался на него. Пластик сверху позволял им вносить изменения в рисунок, не повреждая поверхность экрана.

"Позвольте, мне сначала это распечатать. Следите за своими пальцами," - сказал Уильямс. Он нажал кнопку сбоку от стола, и металлическая пластина скользнула по поверхности, закрыв и экран и пластик. Стол загудел. Пластина скользнула обратно. Мгновение спустя из другого конца начал выходить рулон бумаги шириной в четыре фута. Уильямс свернул его и сложил вместе с другими рулонами в углу.

"Хорошо. Итак, что я могу для тебя сделать?"

"Я хотел взглянуть на планы и прогнозы затрат на это крыло," - сказал Сэм.

"Хорошо," - согласился Уильямс. Он вытащил клавиатуру с ближайшей к нему стороны стола и набрал команду. Экран на столе мигнул. "Тебе нужен обзор или подробности?"

"Просто обзор."

Стол снова мигнул. Через мгновение появился ещё один рисунок, похожий не более чем на вид сбоку муравьиной фермы с туннелями, идущими во всех направлениях. При строительстве Проекта они использовали ранее существовавшие шахтные стволы и туннели везде, где это было возможно, и эта часть гор была буквально испещрена ими.

Рядом с изображением появилась серия цифр стоимости. Сэм и Эд Уильямс молча изучали их. Эл продолжал смотреть на стол, задаваясь вопросом, способен ли этот стол ко всему прочему ещё и мыть посуду.

"Мы потеряли шестьдесят миллионов долларов на строительстве," - сказал Сэм. "Мне неприятно это делать, но, возможно, нам придётся там отложить дальнейшую работу. Приоритет должна иметь оптоволоконная сеть."

"Что за крыло E?" - спросил Эл, резко переключая внимание на себя.

"Эй, я не могу запоминать каждую деталь," - поморщился Эд.

"Это то место, куда мы собирались поместить архивы, как только приступим к работе," - рассеянно сказал Сэм. Эл тоже поморщился - он знал об этом.

Сэм отслеживал один из туннелей. Теперь, на всё ещё неровном изображении экрана, появились зелёные пометки, сделанные ибн Аббасом.

"Что это?"

"О, это то, о чём спорили мальчики," - ответил Уильямс. "Тони отвечает за этот раздел, а Ибрагим говорит, что у него есть недостаток в дизайне. Ты же знаешь инженеров. Они любят что-то менять."

"Хорошо. Я хочу спуститься туда и посмотреть, но думаю, что придётся перенести работу оттуда на некоторое время. Убедитесь, что крыло заблокировано. Мы не хотим, чтобы кто-нибудь пострадал."

Уильямс кивнул.

"Сейчас туда есть только два пути, хотя, конечно, если бы вы попытались войти туда снаружи, с другой стороны, то со всеми этими шахтными туннелями, их, вероятно, будет все сто. К тому времени, как мы закончим, они все будут заблокированы. Вам понадобятся каски: они в шкафчиках со снаряжением. Хочешь, я за ними схожу?"

Сэм улыбнулся и ещё раз посмотрел на изображение на экране.

"Нет, я думаю, что сам смогу найти дорогу."

Полчаса спустя Эл был рад, что Сэм был так уверен в себе. Он знал, что сам бы полностью заблудился в этом лабиринте. Теперь они были глубоко под землёй, в недостроенном туннеле, освещённом голыми флуоресцентными лампами с интервалом в двадцать футов, отбрасывающими холодный бело-голубой свет на необработанные стены и бетонные полы. Эл, почти бегущий трусцой, чтобы не отставать от более длинного шага своего компаньона, сделал себе мысленную заметку спрятать оголённую проводку в трубу или что-то в этом роде на случай если инспекторы по безопасности спустятся в глубины Проекта и всё остановят составив список нарушений окружающей среды/безопасности/здоровья. Туннель простирался более чем в сотне футов по обе стороны от лифта, и их шаги эхом отдавались от

высоких стен. Выглядевшие совершенно одинаково, питающие туннели разветвлялись через неравные и нерегулярные интервалы, уводя дальше вглубь Проекта.

Проходя мимо, они время от времени замечали мужчин и женщин в касках и с тяжёлыми поясами для инструментов, использующих сварочные горелки и молотки. Когда Сэм и Эл продолжали идти по коридору, никто не прошёл мимо них, а их шаги отдавались эхом, смешиваясь со звуками строительства. Эл подумал, что было бы, если бы отключилось электричество и взорвались аварийные генераторы, и содрогнулся от этой мысли. Оказаться в ловушке, так глубоко под землёй? В этом лабиринте? В темноте?

Эл сделал ещё одну мысленную пометку: лестницы. Много-много лестниц, по которым люди могли бы подняться, чтобы выбраться на поверхность. И аварийные шкафы тоже, с большим-большим количеством фонариков. И батарейки. Нельзя забывать о батарейках. Даже если эту зону собирались закрыть. И карты тоже. Может быть, Сэм и запомнил лабиринт, но простые смертные всё равно были дезориентированы. Эл сделал ещё одну заметку, чтобы сказать строительной бригаде покрасить туннели в отличительные цвета и, возможно, повесить на стену карты с указателями: "Вы находитесь здесь" и "Выход находится здесь".

Двое мужчин подошли к концу главного туннеля. Сэм свернул направо, в другой недостроенный коридор и снова повернул налево. "Это правильная дорога?" - нервно спросил Эл. В завершённой части Проекта никто не испытывал такой клаустрофобии. А здесь было удручающе очевидно, что они находятся глубоко под землёй.

"Я хочу пройти через Центральный комплекс. Просто чтобы посмотреть, как всё продвигается."

Они вошли в большую пустую комнату. На одном конце комнаты трап вёл к отверстию в стене, через которое виднелось ещё одна комната. В тридцати градусах от него ещё одно отверстие в стене показывало другой коридор.

Согласно чертежам это была Диспетчерская. Здесь, в течение следующего года или около того, должна была появиться центральная компьютерная станция для мэйнфрейма, который строился вокруг неё. Пока ещё комната была сырой и незаконченной, с дырами в стенах и потолке, где вскоре должны были быть электрические соединения. Место пахло свежей краской и всё шло как по маслу.

"И что?" - спросил Эл. Нельзя было сказать, что он сгорает от нетерпения. По тону его голоса было ясно, что он скорее забавляется. "Это здесь, наверху. Здесь есть путь в архивное крыло, если этот чертёж соответствует действительности," - Сэм вскочил вверх по трапу, который вёл в Голографическую Камеру. Эл поспешил следом.

Сэм остановился, чтобы осмотреться и представить себе, как всё будет выглядеть, когда всё будет готово. Он всегда так делал

каждый раз, когда посещал это место.

"И что?" - повторил Эл, настороженно косясь на серебряный диск, подвешенный к потолку, над таким же диском, установленным в полу. Он не совсем понимал, как работает это дело с ускорителями, но эта серебряная штука выглядела так, словно в любую секунду могла упасть кому-нибудь на голову. "Эта штука не подключена, не так ли?"

"Какая, эта?" - Сэм едва удостоил его взглядом. "О, нет, это фаза 3 - эй, а это что?" - он в три больших шага пересёк комнату и подошёл к глянцевой панели, прислонённой к гипсокартону. "Подойди, посмотри на это."

"Этим" оказался обрывок газеты, застрявший под углом панели.

"Вот, помоги мне поднять это - осторожно!"

Эл послушно поднял, стараясь не думать о том, во сколько обойдётся замена панели, если она соскользнёт. Она была частью механизма фокусировки и по меньшей мере четыре раза отправлялась обратно на восстановление первоначальному подрядчику. Стоимость этого непрозрачного кусочка...он не был уверен, что это был за материал...почти равнялся всей заработной плате Проекта за прошлый год. Сэм стоял на коленях рядом с ним, протягивая руку, чтобы поддержать, когда Эл вытаскивал листок бумаги.

"Хорошо, теперь можешь его положить..."

Панель опустилась и снова прислонилась к стене, а Эл облегчённо вздохнул. Он заглянул поверх руки Сэма, пытаясь разглядеть.

"Итак, ну и что это такое?"

"Это статья о нелуддитах. О той встрече, которую они провели в Гэллапе в прошлом месяце". Бумага была порванной и помятой, но всё ещё читабельной.

"Сэм, насколько я помню, у нас вроде как свободная страна. Свобода слова, помнишь? Так что кого-то может заинтересовать группа политических активистов. Это важное событие."

Сэм прикусил губу и посмотрел на него.

"Это беспокоит меня, Эл. Я не знаю, почему."

И Эл видел, что это действительно было так. Сэм был страстным защитником свободы слова, товариществ, убеждений. Но листок бумаги, который он держал в руках, слегка дрожал.

"Мне не нравится мысль, что у нас могут быть нелуддиты в Проекте,"

"Но почему?" - был совершенно сбит с толку Эл. "Они бы здесь ничему не угрожали. Они настолько большие сторонники технологий, прогресса, что, если бы эти придурки из

Департамента не навесили на нас этот самый секретный ярлык, то нелуддиты были бы нашими крупнейшими спонсорами. И разве

они не дали ясно понять пару лет назад, что, по их мнению, ты - величайшее творение со времён нарезного хлеба? Я просто удивляюсь, что они не работают вместе с нами." Сэм покачал головой, отбрасывая прядь волос, упавшую ему на глаза.

"Я не возражаю против их поддержки технологий, Эл, просто они, похоже, не испытывают никакого уважения ни к чему другому. У меня просто есть внутреннее предчувствие, что это каким-то образом может привести к большим неприятностям."

"Опять эта твоя интуиция?" - закатил глаза Эл.

"Они лоббируют отмену Закона о чистом воздухе и воде на том основании, что он препятствует промышленному развитию."

"Не вдаваясь в подробности, так это или нет, какое это имеет отношение к нам, Сэм? Они не представляют угрозы для Проекта. На самом деле, это последнее, что они хотели бы сделать."

Сэм вздохнул, нервно складывая бумагу вдоль в один, два, три слоя.

"Я не знаю. Я не могу представить себе, чтобы кто-то намеренно нарушил правила, чтобы нас закрыть, если они думают, что мы - лучшее, что когда-либо случилось. Но это беспокоит меня, Эл. По-настоящему беспокоит."

"Ты хочешь, чтобы я выяснил, кто это?" - спросил, как всегда, практичный Эл. "Я могу немного всех потрясти. Как только мы узнаем кто это, то сможем избавиться от него. Или от неё. Перевести их куда-нибудь или что-то в этом роде."

"Нет!" - в ужасе замотал головой Сэм. "Нет, мы не можем этого сделать. Мы не можем избавиться от кого-то только за принадлежность к какой-то странной группе. И мы даже не знаем, принадлежат ли они вообще. Может быть, у кого-то это просто завалилось в кармане, этот человек просто где-то это подобрал..." - Сэм поколебался и пожал плечами. "Оставим это, я думаю. Я и сам не уверен, почему это так важно."

"Как хочешь. Ты сам поднял этот вопрос." - пожал плечами Эл.

Сэм снова покачал головой туда-сюда, изучая сложенную статью. От неё у него бежали мурашки по коже с тех пор, как он впервые увидел этот клочок бумаги, застрявший под панелью. Это не выходило у него из головы, и Сэм хотел с кем-нибудь об этом поговорить, кому-нибудь об этом рассказать и посмотреть есть ли у его собеседника такое же чувство надвигающейся беды. Он надеялся, что другой человек почувствует такую же дрожь страха, которую чувствовал он. Но Эл ничего не почувствовал. Его проверка действительно не удалась. Сэм подумал, что можно было бы поговорить об этом с Вербиной, но... Он снова покачал головой и пожал плечами.

"Да. Я думаю, что знаю, что это такое, Эл. Это просто предчувствие. Действительно плохое предчувствие. Может быть, это ничего не

значит. А может быть, оно даст о себе
знать ещё, кто знает."

"Предчувствие. Пфф," - фыркнул Эл. "Пойдём, посмотрим крыло Е."

[ГЛАВА 9]

Он надел защитные очки и, сунув руки в перчатки, потянулся к кнопкам управления внутри перчаточного ящика. Даже после многих лет практики потребовалось много времени и крепко зажмуренные глаза, чтобы приспособиться к скачку зрения, который происходил из-за очков: пинцет, который был слишком крошечным в руках человека, и казался слишком миниатюрным, чтобы им могли управлять человеческие руки, теперь казался огромным, с дырочками и выглядел отвратительным, потому что он поднёс его слишком близко к своим глазам.

Очки почти сразу вызвали у него головную боль, давя на нервы за орбитальными арками черепа. Он уже давно научился игнорировать боль, концентрируясь на квадрате алмазной подложки и клетках, с которыми работал. Шагом за пределы логики была нечёткая логика, шагом за пределы нечёткой логики было вдохновение...

Клетки остались живыми. Росли, хотя и слабо, в культурах. Но этого было недостаточно. В перчаточном ящике находилось около пятидесяти маленьких чашек Петри, в каждой из которых был один чип, содержащий от одной до дюжины клеток мозга Сэма Беккета. Он добавил небольшие количества церия и празеодима в культуральную среду, чтобы стимулировать рост клеток, и использовал их для "легирования" полупроводников, чтобы позволить нейронам электронно взаимодействовать с алмазными подложками чипов.

Это был первый из нескольких прорывов.

Общепринятая точка зрения с самого начала гласила, что он не может культивировать клетки мозга взрослого человека и он доказал, что они ошибаются, но этого было недостаточно. И он не мог пытаться воспроизвести эксперимент не привлекая к нему других людей, потому что если бы кто-нибудь ещё узнал, что он делает...то, что он уже сделал...то люди из Отдела Этики по Исследованию на людях закрыли бы его проект так быстро, что он никогда бы не узнал, что его поразило. Клетка в чашке, которую он

исследовал, пульсировала и подрагивала, аксон искал импульс.

Он даже не был уверен в том, как получил клетки с самого начала. Первоначально он использовал компьютерную симуляцию вместо клеток животных, полагая, что ему придётся пройти через годы промежуточных шагов, прежде чем он сможет достичь того, чего он действительно хотел, и всё же он был здесь, используя свои собственные клетки. Не какого-нибудь случайного добровольца, а свои собственные.

Он смутно помнил и то, как проводил операцию и то, что его пациент вообще не мог вспомнить тот инцидент из-за которого он попал в больницу. И то, что у него двоилось в глазах и были проблемы с памятью, очевидно, являлись результатом травмы и анестезии при операции на мозге. Невозможно было быть в двух местах одновременно. Все это знали.

Так как же Уизел Миковски догадался для начала взять этот кусочек кости, поместить его в эту конкретную питательную среду и сохранить? Миковски был одним из тех, кто без тени сомнения знал о том, что клетки мозга нельзя заставить размножаться.

И всё же, когда Сэм, наконец, поднялся на ноги и начался процесс выздоровления и он шатался по больнице в едва приличном халате с тянувшейся за ним капельницей, то первым местом, куда он отправился была лаборатория патологии.

И вот оно было там, серое желеобразное скопление клеток, которые раньше находились внутри его черепа, а теперь были снаружи и, что более важно, в пределах досягаемости.

И Миковски не помнил, чтобы отправлял их в лабораторию. У него для этого не было причин. Если бы они были злокачественными или подозрительными, то это было бы другое дело, но это были всего лишь обрывки. Биологические отходы, побочный эффект очистки места травмы. В целом мире не было причин их спасать.

За исключением, конечно, того, что они были именно тем, чего хотел и в чём нуждался Сэм Беккет, чтобы создать технологию проектирования компьютера, которая в 1990 году не существовала нигде, кроме сестринских клеток, которые по-прежнему находились внутри его черепа.

Он поднял тарелку при помощи зажимов Уолдо и осторожно наклонил её взад-вперёд, позволяя розовой среде мягко растекаться по поверхности компьютерного чипа. Он задавался вопросом, сколько жизни было в этих клетках. Смотрели ли они на него снизу вверх, когда он смотрел на них сверху вниз? И если да, то о чём они думали?

Ерунда. Полная чушь. Отдельные клетки не обладали сознанием. Даже дюжины было недостаточно. Именно организация

множества дифференцирующихся клеток дала начало функционирующим организмам. Как бы призывая к тому, чтобы нравиться. Или, по крайней мере, к чему-то похожему. В таком случае клетки в тарелке, вероятно, в конце концов взывали к нему тихими клеточными голосами. И, без сомнения, требовали объяснений.

"Прости," - пробормотал он. "Тебе придётся разобраться во всё самому. На этот раз никакого жульничества, парень."

Он снова поставил тарелку на место и, задумавшись, вынул руки из перчаток. Клетки в сочетании с алмазными подложками чипов сформировали бы основу для непрерывного континуумного набора. Он должен был продолжать рост, иначе у него не останется ничего, кроме высокоразвитого, чрезвычайно дорогого компьютера, сделанного по последнему слову техники, производительностью около двухсот гигафлопов, с памятью в пятьдесят гигабайт. Но он не хотел последнее слово техники, ему хотелось выйти за рамки искусства. Он хотел компьютер с истинным воображением. Ничего больше не могло управлять временем. Но ему нужно было больше клеток, чем те, что с трудом здесь сохранились, и он не собирался извлекать новые из собственного черепа. И, вероятно, проломить чей-либо череп он тоже бы не смог. Что, в конце концов было очень хорошо, поспешил он себе напомнить. Иногда наука брала верх над его здравым смыслом. Он должен был следить за этой тенденцией. Головная боль тоже брала над ним верх. Он помассировал виски, вышел из маленькой лаборатории, вошёл в кабинет и рухнул в офисное кресло, раскачиваясь взад-вперёд.

Зажужжала внутренняя связь. Сэм протянул одну руку и вслепую хлопнул по ней.

"Да?"

"Ты опять собираешься сидеть там всю ночь или всё-таки придёшь к нам на вечеринку?" - голос Эла был язвительным даже сквозь помехи. "Мы тебя ждём."

"Какая вечеринка?" - пробормотал Сэм.

"Вечеринка по случаю моего дня рождения. Помнишь?"

Там было вдоволь еды и что-то вроде музыки - кто-то отбивал ритм на пианино. Оно было прекрасно настроено. Эл знал, что настройкой пианино занимался Сэм в качестве хобби, как только оно у них появилось. Эл никогда в жизни не признался бы, что лично приобрёл это пианино, и с самого начала оно было в ужасном состоянии. Пианино всё ещё звучало немного дребезжаще, но только один человек на Проекте мог это заметить и он ещё не появился. Эл был одет в костюм лесного цвета с более тёмным жилетом в серебристую полоску, чтобы соответствовать серебру своей рубашки. Это было ярко, экстравагантно, привлекало внимание, и ему это нравилось. Ещё был стол, придвинутый к стене, на котором возвышался торт размером в два квадратных фута, вместе с чипсами, соусами, крылышками буффало, капустным салатом, открытками и даже какими-то интересными упаковками, сложенными вокруг стола, а люди смеялись, разговаривали и танцевали. Эл Калавичи пребывал в состоянии трезвого блаженства - в это было трудно поверить, но он был Административным Директором этой команды, и он должен был подавать пример. Кроме того, он не хотел, чтобы Сэм злился на него. Он сделал себе мысленную пометку позже выйти на улицу, чтобы выкурить сигару - Сэм очень строго следил за соблюдением правила о запрете на курение. Большинство людей, работающих над Проектом, очень редко могли себе позволить собраться вместе в одно и то же время. Они работали в разные смены, на разных этапах Проекта, кто-то над компьютерным дизайном, кто-то над программированием, кто-то над конструкцией, кто-то над тестированием. Так что Эл знал не всех, но ему определённо не терпелось познакомиться с новыми людьми. Например, с той рыжеволосой. Высокой и стройной, с кожей цвета алебастра и самыми интригующими узорами на ногтях. Он хотел рассмотреть её поближе. На самом деле Элу нужен был предлог, чтобы взять её за руку. Он был уверен, что её рука мягкая, тёплая и совершенная. И Эл видел с другого конца комнаты, что у неё были огромные, голубые глаза, как у ребёнка. "В поле моего зрения," - весело пробормотал себе под нос Эл и направился через комнату. Теперь за пианино сидел кто-то другой, который играл ещё хуже, чем тот, кто был до него. Его заставили прекратить игру, а пианино заменили на радио, которое было настроено на кантри-станцию в Санта-Фе. Кто-то начал танцевать линейный танец и подхватил Эла в его самый разгар, кружа его туда и сюда, взад и вперёд по полу в бурном ритме. Теперь Эл был в противоположной стороне от рыжеволосой, но всё было в порядке. Ночь только начиналась.

На этой вечеринке не было спиртного, по крайней мере, официально: государственное финансирование не распространялось на такие вещи. Эл было всё равно. Как ни странно, он не скучал по выпивке. Когда-то давно, не так уж много лет назад, он был бы к этому времени уже пьян в стельку и не смог бы нормально ходить, не говоря уже о том, чтобы танцевать. На самом деле, когда он впервые встретил Сэма Беккета, то был пьян и в ярости пинал торговый автомат, что привело к тому, что он сломал пальцы на ногах, но был слишком пьян, чтобы это осознать. Сэм тогда его оттащил, успокоил, заставил протрезветь и начал кампанию по борьбе Эла с алкоголем. Теперь Эл мог только вспоминать о прошлых вечеринках - редко и без особого сожаления, но всё же он о них помнил. Эл надеялся, что Сэм оторвётся от лаборатории на достаточно долгое время, чтобы к ним присоединиться. Сэм не был хорош на вечеринках. Он умел говорить о физике, медицине или археологии, но о Билли Рэй Сайрусе? Эл думал, что нет. И ему было за это на самом деле стыдно. Что хорошего в Нобелевской Премии, если её нельзя было использовать, чтобы произвести впечатление на женщин? Но Сэм провёл всю свою жизнь, получая одну за другой учёные степени и проводя исследования. Насколько Эл мог видеть, у Сэма никогда не было времени изучить тонкости социального общения. Песня подошла к концу, её сменили местные новости, радио решили выключить и танцующие разошлись, в основном, вернувшись к пуншу и еде. Эл снова прищурился и решил атаковать с фланга. По другую сторону рыжеволосой двигался Живчик. Но Живчик был печально известен своим неприятным запахом изо рта и в качестве препятствия он не мог представлять угрозу. "Привет, по-моему мы раньше не встречались," - сказал Эл, протягивая чашку розового пунша. "Меня зовут Эл Калавичи." "Ух ты," - ответила рыжеволосая. У неё был хриплый, высокий голос и голубые глаза, как у ребёнка. "Ты что тот самый Калавичи, который всем тут заправляет?" По её голосу создавалось впечатление, что она была не слишком сообразительной. Ну что ж. Иногда в этом были свои преимущества. "Собственной персоной. А как твоё имя?" "Меня зовут Тина Мартинес-О'Фаррелл," - ответила она, протягивая руку. "Мне, типа, очень приятно познакомиться. Искренне." Эл чуть не уронил свой стакан с пуншем. Он регулярно просматривал личные дела всех основных сотрудников Проекта и недавно видел это имя. "Ах, доктор Мартинес-О'Фаррелл?" "О да. Я здесь новенькая. Это действительно тоскливое место, не так ли? Я имею ввиду, что оно так далеко от всего и здесь так

пыльно..." - она похлопала своими наращенными ресницами. Эл мог бы поклясться, что почувствовал дуновение ветерка.

"Ну, это пустыня. В пустыне очень много пыли". Эл обдумывал последствия всего этого и уже начал пересматривать своё решение. Тупые цели - это одно, но он чувствовал, как в этом разговоре умирают клетки его собственного мозга.

"Знаешь, если бы не возможность поработать с доктором Беккетом и не шоппинг в Санта-Фе, я бы даже не приехала сюда," - искренне призналась Тина. "Он проектирует действительно очень интересный компьютер. Он хочет, чтобы я помогла его создать." Фактически, в пакете найма указывалось, что Тина Мартинес-О'Фаррелл должна была стать главным архитектором этого компьютера. У Эла были некоторые проблемы с подбором резюме для женщины, стоявшей перед ними.

"Ты был в Санта-Фе?" - спросила она его. "Это такое, типа, этническое место."

"О да," - заверил он её. "Много раз."

Стоило ли это того или нет? С одной стороны, эта женщина казалась ему дурой. Судя по тому разговору, что у них был, она могла бы изменить всю категорию шуток о тупых блондинках на шутки о тупых рыжих.

Но с другой стороны...Эл задумчиво откинул голову назад, чтобы оценить вид, какой был у Тины, когда она повернулась, чтобы поприветствовать кого-то ещё. Её голос был реинкарнацией голоса Мэрилин Монро, а её тело...Эл почувствовал, что во рту у него пересохло, а сердцебиение учащается.

"Бинго," - пробормотал он.

Как раз в это время через парадную дверь, а не через комнату с лифтом, вошёл Сэм. Услышав, как другие приветствуют его по имени, Тина развернулась и приподнялась на цыпочки, возбуждённо размахивая рукой в воздухе. Это движение дало Элу возможность крупным планом рассмотреть её профиль и он принял окончательное решение. Ему показалось, что он слышит собственное тяжёлое дыхание, когда рыжеволосая закричала:

"Ю-хууу! Доктор Беккет! Это я, Тина! Я добралась сюда!"

Вокруг глаз Сэма пробежали крошечные морщинки напряжения, но он улыбнулся и быстро обнял Тину в знак приветствия. Эл ошеломлённо смотрел, как объект его внимания прямо у него на глазах превращается в учёного, извергающего непонятную техническую речь, перемежаемую через равные промежутки времени словами: "ты знаешь", "типа", "умереть можно" и "искренне". Она сунула чашку с пуншем обратно в руки Эла, чтобы было удобнее использовать свои руки для жестикуляции при разговоре.

Сэм, казалось, отфильтровывал сленг при разговоре и без усилий следовал главной теме разговора, отвечая в том же духе, без неловких пауз, рассказывая о требованиях к питанию, субстратах и архитектуре. Они вдвоём отошли в угол, Тина взволнованно размахивала руками в воздухе, а Эл решил, что

пришло время снова взять ситуацию в свои руки.

"Погодите-ка минутку," - запротестовал он. "Я думал, что у нас сейчас вечеринка. Никакой работы. Так что прекратите это, вы двое." Тина и Сэм замолчали и с недоумением уставились на него.

"Типа, извини?" - сказала Тина своим сбитым с толку голосом маленькой девочки. "Ты, типа, что-то сказал?" Эл открыл рот, чтобы возразить.

"Доктор Беккет, вы сыграете для нас?" - не дал ему это сделать чей-то голос с другого конца комнаты.

Одного протеста Эла, возможно, было недостаточно для того, чтобы Сэм прекратил разговор, но просьба сыграть музыку справилась с этим. Радио с решительным щелчком было

выключено и все возражения и споры быстро стихли, когда посетители вечеринки увидели, что происходит.

"О, он ещё и играет на пианино?" - спросила Тина, казалось, несколько не расстроенная тем, что в её разговор так грубо ворвались. Она взяла чашку с пуншем и сделала

глоток. Её губы были мягкими, красными и сочными на фоне пластикового ободка.

"Так хорошо, что умереть можно," - заверил её Эл. Его голова всё ещё кружилась и он не мог отвести взгляд. В последние мгновения здравого смысла, Эл подумал, что это его лучшая вечеринка по случаю дня рождения в жизни. Сэм, благослови его Господь, играл что-то медленное и танцевальное. Эл держал за руки Тину и Тина ответила ему взаимностью.

[ГЛАВА 10]

Сенатор Джудит Дризни посмотрела на последнюю сводку брифингов, синюю папку толщиной в три дюйма, и вздохнула. У неё был реальный интерес, по крайней мере, к шести предстоящим законопроектам, и вообще никакого интереса, по крайней мере, к дюжине других. Но для того, чтобы набрать голоса для принятия своего законопроекта о ферме, ей пришлось поддержать чей-то другой законопроект об ассигнованиях, мемориале или законопроект о защите.

Но голосование за законопроект о защите вызвало бы раздражение у кого-то другого, кто в противном случае её бы поддержал. Но если бы она этого не сделала, то могла бы проиграть на другом фронте.

Политика была, мягко говоря, интересным делом. Дризни задавалась вопросом, насколько сильно её избиратели нуждались в этом фермерском законопроекте. Настолько сильно,

чтобы переизбрать её? Потому что, в конечном счёте, эта игра называлась "Оставайся на холме". Смысл был даже не в том, чтобы быть королём, а просто чтобы там остаться.

"Джесси?" - крикнула она.

Её помощница по административным вопросам, энергичная двадцатисемилетняя девушка с короткой стрижкой, весёлыми голубыми глазами и самым большим носом по эту сторону реки Потомак, ворвалась внутрь:

"Да, мэ, босс, сенатор?"

Дризни окинула взглядом наряд Джесси, солнечно-жёлтый костюм с шортами, и почувствовала себя очень старой.

"Джесси, дорогая, как ты считаешь, что я думаю по этому поводу?" - она махнула рукой в сторону папки со сводками брифингов.

"Вы думаете, что это потрясающе, мэ." - Джесси приподнялась на цыпочки и снова опустила. Большинство офисных дресс-кодов на Холмах не одобряли шорты. Но Джесси

удалось сделать так, чтобы это выглядело как современная офисная одежда, и любой, кто возражал против этого, был явно слишком консервативен, чтобы выразить это словами.

Дризни не была консерватором, поэтому оставила свои критические мысли при себе и с тоской подумала о тех днях, когда у неё самой хватало смелости носить что-то подобное.

"Есть какие-нибудь "наземные мины"?" - спросила она, возвращаясь к делу.

"Ну, у вас могут быть некоторые сомнения по поводу воздействия на окружающую среду," - слегка надулась Джесси.

"Являюсь ли я защитником окружающей среды на этой неделе?"

"Вы человек среднего класса, мудро балансирующий между потребностями окружающей среды и непреодолимым национальным интересом к технологическому прогрессу," - заверила

её Джесси. "Это есть в резюме. Речь для голосования, состоящая из одного абзаца."

"Это сделает Бантама довольным?" - было важно, чтобы сенатор Ральф Бантам был доволен. Их интересы совпадали, и они регулярно обменивались голосами. Прямо сейчас у

него было преимущество. Она была у него в долгу, но предпочла бы, чтобы вместо этого он был должен ей.

Джесси заколебалась, что было плохим признаком.

"Не совсем," - призналась она. "Но вы должны как можно скорее выступить с заявлением на экологическую тему, иначе вы рискуете потерять весь этот блок. По слухам вы

находитесь в длинном списке защитников окружающей среды, на которых можно нацелиться. Они следят за вами".

"Почему бы им не осчастливить меня и не начать следить за Бантамом?" - проворчала Дризни, открывая папку. Как и было обещано, вот она - речь из одного абзаца, искусно

охватывающая обе стороны баррикад.

"О, за ним тоже наблюдают. Он в их коротком списке. Но за ним стоит Национальная Стрелковая Ассоциация и Американская Ассоциация Пенсионеров, а также Нелудды. Он неприкасаемый," - Джесси обошла стол и порылась в бумагах, чтобы найти ещё одну папку, на этот раз гораздо более тонкую. "Вот за это вы голосуете вообще без каких-либо оговорок. Защитники окружающей среды будут вопить, так что вы можете сослаться на речь о голосовании по этому другому вопросу. И это также может сделать так, чтобы Бантам был доволен."

Дризни пришла к выводу, что сделать довольным Бантама, тоже было одним из приоритетов Джесси. Она пристально посмотрела на молодую женщину, задаваясь вопросом, в чём, в конечном счёте, заключается лояльность Джесси. Если, конечно, это не было излишней мыслью само по себе.

"Это поможет сделать так, чтобы Нелудды стали на мою сторону?" - спросила Дризни. Нелудды. Она ненавидела это сокращение. Это казалось таким глупым. Но они регулярно вносили пожертвования и делали много бесплатной рекламы, пока она голосовала за них. Так что она решила, что они могут называть себя как угодно. Ради Бога, они не казались теми, кто занимается какой-то подрывной деятельностью.

"Ну, по крайней мере, это точно не повредит. В конце концов, они разбираются в бизнесе. Они знают, что не смогут провести всю свою повестку дня через эту сессию."

"А ты сама не из нелуддитов, Джесси?" - пришла в голову Дризни новая мысль.

"Я?" - Джесси была поражена - или, по крайней мере, казалась поражённой самим этим предположением. Она покраснела и всё её лицо залилось румянцем. "О нет, мэм. Я вообще не занимаюсь политикой. Я ничего не имею против пятнистых сов или лесозаготовок. Мне просто нравится за этим смотреть, вот и всё."

Смотреть, слушать и советовать. В конце концов, Джесси была шахматисткой - чемпионкой штата среди юниоров. Дризни знала её с младенчества - в конце концов, документы об удочерении были подписаны именно в её зале суда. Она следила за успехами Джесси в начальной школе, старшей школе и колледже, предоставив ей её первую работу в качестве секретаря предвыборной кампании. И всё же Джудит Дризни была уверена в том, что она на самом деле вообще не знала Джесси Оливеру. Она очень быстро отрицала свою принадлежность, но, казалось, ей всегда удавалось привнести в разговор вопросы, которыми интересовались нелуддиты. Даже на заседаниях штаба, когда остальные помощники и исследователи Дризни собирались, чтобы проконсультировать её о последствиях конкретных законопроектов и о том,

как голосовать по крупным законодательным актам, Джесси всегда была внимательна к технологическим и экологическим последствиям, и всегда хотела услышать мнения о том, как другие конгрессмены смотрят на эти вещи.

"Какова их цель на этой сессии?" - спросила Дризни. Джесси, конечно же, знала ответ. Джесси знала всё и всегда была права. Дризни удивлялась, как ей это удаётся. Вероятно, дело было в том же самом намеренном любопытстве, за которое она только что её отчитывала. Дризни вздохнула.

"Закон о чистом воздухе," - быстро отреагировала Джесси. "Это удерживает многие компании от расширения, потому что они вкладывают так много денег в попытки соответствовать стандартам. И закон об открытых ассортиментах - они хотят открыть больше общественных земель для выпаса скота."

"М-да уж," - в замешательстве ответила сенатор. Джесси суетилась по офису, приводя в порядок бумаги, а сенатор наблюдала за ней. Иногда она чувствовала себя очень старой и глупой и задавалась вопросом, почему она оказалась в Вашингтоне. Всё, чего она хотела, - это небольшую фермерскую субсидию для поддержания семейных ферм площадью менее 160 акров. Она знала, что нелуддитам не понравился её законопроект. Они сказали, что это недостаточно эффективно. Нехорошо для экономики. Выживает сильнейший. Пусть маленькие фермы чахнут, если они не могут конкурировать: чем больше, тем лучше, продуктивнее. Но страна уже давала тонны молока на рынок каждый год, а масла и сыра было так много, что страна не могла от них просто так избавиться. И в любом случае не все мелкие фермеры занимались молочными продуктами: некоторые из них специализировались на странных вещах, таких как четырёхрогие овцы или сорт яблок "Бархатная Роза", которые невозможно было найти на рынке.

Джудит Дризни когда-то думала, что овца с четырьмя рогами - это что-то из сказки или научно-фантастического рассказа о радиоактивных мутантах. Теперь она знала, что всё это существует на самом деле: она держала ягнёнка, чувствовала его тёплое извивание и видела его стадо. Она попробовала мягкое вино "Бархатная Роза". И это были замечательные вещи, даже если они были неэффективными и устаревшими. Она не хотела, чтобы они или им подобные, исчезли. Конечно, во время предвыборной кампании, она бы ни за что об этом не сказала. Они бы здорово разыграли эту карту и обернули бы эти слова против женщины-политика.

"Заседание комитета в четверг," - сказала Джесси, бросив взгляд искоса в её сторону. "Боюсь, у меня нет книги брифинга для этой встречи."

Заседание. Это заседание было настолько секретным, что даже Джесси не знала, о чём шла речь. Это заседание, которое было посвящено голосованию по этому Проекту, было причиной, должной или нет, того, что Ральф Бантам вёл себя любезно. Они с Бантамом вдвоём продолжали получать деньги на тот безумный Проект в пустыне и если бы она передумала, то всё бы пошло прахом. Она не знала, почему Бантам был так в этом заинтересован. Более масштабный и быстрый компьютер? Всё, что для этого нужно было сделать - это подождать несколько месяцев и купить его у японцев. Также был какой-то бизнес с гибридными процессорами, но на первый взгляд это казалось нелепым. Однако на это уходило много денег. Очень много. Она могла бы потратить часть этих денег на своих четырёхрогих овец. И на школы. И на медицинскую помощь, потому что законопроект о Большом Пакете Медицинских Услуг не прошёл. И если сын Джона Беккета действительно смог делать то, о чём он говорил, то последствия были бы ошеломляющими. Это было бы не только возвращение к истории, а развенчание всех теорий заговора. Это было бы самым банальным побочным эффектом. Реальной силой была бы способность принимать решение, основанное на реальной, надёжной, непоколебимой фактической информации о том, что сделали другие люди. Если бы можно было узнать о том, какие решения привели к размещению ракет на Кубе в 62-м году, то можно было бы с полной уверенностью принять решение о введении блокады, не тратя денег на подготовку к нападению, потому что было бы известно, что русские его никогда не планировали. В настоящем времени можно было бы узнать тайные советы Саддама Хусейна или французов. Политика больше не была бы игрой в покер для страны, обладающей способностью смотреть в прошлое и видеть его таким, каким оно было на самом деле. Особенно, если ни у кого другого не было такой возможности. Если бы все остальные считали, что их секреты неприкосновенны, и не знали, что за ними через плечо может следить Наблюдатель. Если бы Сэм Беккет только мог сделать то, о чём он говорил... Дризни кивнула, ничего не сказав в ответ. Сенатор знала, что Джесси раздражало то, что её вот так оставили в стороне, и это действительно было чертовски плохо. Но некоторые вещи не могла знать даже Джесси. В начале была тайна, а потом появился "Квантовый Скачок".

"Я действительно ненавижу всё это," - пробормотал Сэм.

Эл кивнул. Для этого случая он снова надел свою униформу, делая всё возможное, чтобы произвести впечатление. Показания в Конгрессе, даже на закрытом заседании

Комитета, были достаточно официальными и не помешало напомнить его аудитории, кем он был и что он сделал в своей карьере для своей страны. Эта белая униформа с

множеством лент придавала значительный авторитет и большее значение застенчивому учёному с гениальной идеей.

"Просто позволь говорить мне, хорошо? А то ты когда войдёшь, то все состарятся, ожидая, пока ты подберёшь нужные слова чтобы пожелать хорошего дня," - Эл сунул

фуражку подмышку и оглядел холл. "Это здесь, внизу."

Это была не обычная комната для заседаний Комитета. Она, во-первых, была слишком маленькой. Около дюжины человек собрались в одном конце, но хорошо рассмотреть и

посчитать можно было только двоих.

"Но почему?" - запротестовал Сэм. "Это же мой Проект. Я понимаю это лучше всех."

"В этом-то и проблема. Ты единственный, кто это понимает. Ты даже не можешь объяснить это мне и придать этому смысл."

Сэм выглядел обиженным, но отступил назад, чтобы позволить Элу идти впереди. Эл выглядел величественно, в сверкающей белой униформе, которая привлекала всеобщее

внимание. Они вдвоём подошли к маленькому столику в центре комнаты, выдвинули стулья и сели. Эл положил свою фуражку на стол перед собой, небрежно сцепил пальцы и

стал ждать.

Сэм был значительно более наряжён. Он упёрся левым ботинком в ножку стола. Стол слегка сдвинулся с места. Эл глубоко вздохнул, и Сэм послушно убрал ногу.

Члены Комитета, сенаторы и государственные служащие, члены Президентских Консультативных Советов, люди из секретариата Департаментов с такими названиями, как

"Энергетика", "Оборона" и "Казначейство" - люди, которые распоряжались деньгами, чтобы управлять делами, заняли свои места за длинным столом в конце, сидя лицом к

Сэму и Элу, подобно коллегии судей или Комитету по защите Докторских Диссертаций.

Сэм подумал, что на самом деле всё будет в порядке. Он привык к диссертационным Комитетам. Может быть, если бы он просто думал об этом как о устной защите, всё

получилось бы хорошо.

Затем они начали задавать вопросы.

Тот человек, который стоял крайним слева и был похожим на уменьшенную афроамериканскую версию Уолли Кокса с галстуком-бабочкой, сверился с листком бумаги и спросил:

"Почему мы платим деньги за энциклопедию?"

Энциклопедия? Сэм задумался, правильно ли он расслышал этого человека. Какое отношение его Проект имел к энциклопедиям? Но мужчина выжидающе смотрел на него, как будто вопрос имел смысл.

Эл плавно вошёл в разговор.

"Ввод данных, конечно, не завершён, сенатор Кросби, но это будет одним из побочных преимуществ Проекта, это правда. Доступ к информации и извлечение любого зарегистрированного события за последние," - Эл слегка поколебался, - "Сорок лет или около того, будут практически мгновенными."

"Почему сорок?" - ворчливо спросил другой мужчина. "Почему не пятьдесят, или семьдесят, или сто?"

Сэм раскрыл рот, чтобы ответить. Эл незаметно пнул его.

"Масса задействованных данных самоограничивается," - быстро сказал он. "Наши формулы показывают, что превышение этого периода противоречит нашим наилучшим ожиданиям в отношении параметров производительности системы, определённых в нашем предпочтительном технологическом процессе процессов. Анализ качества показывает, что владельцы наших процессов не могут установить право собственности на предпочитаемые ими процессы, когда объём данных превышает заранее установленный предел ёмкости хранилища и возможности манипулирования."

"Ну ничего себе," - подумал Сэм. "Отлично сформулировано. Даже я не знаю, что это значит."

Сенатор снял свой вопрос, явно разволновался, и на некоторое время замолчал.

Однако вопросы продолжались ещё тридцать минут. Только три члена комиссии, включая мужчину с галстуком-бабочкой, не принимали в них участия. Двумя другими были Дризни и Бантам. Они только смотрели, слушали и время от времени делали заметки и пару раз морщились, когда вопросы и ответы заходили слишком далеко или были слишком креативными.

Сэм понял, что они уже приняли решение. Сражение Эла с младшими членами Комитета не имело ни малейшего значения. Они вели себя с полным отсутствием какого-либо интереса - даже тогда, когда Сэм должен был ответить на один вопрос, адресованный ему, и должен был использовать доску для рисования, чтобы показать им формулы, подтверждающие то, что он говорил. Что касается Комитета, то его формулы имели такой же смысл, как и болтовня Эла, а доска для рисования в любом случае была слишком мала.

И Сэм поймал себя на том, что когда произнёс: "Следовательно, это интуитивно очевидно...", то мельком увидел, как Эл закрыл глаза, как будто мучался от настоящей боли.

Затем Сэм быстро закончил, положил маркер и вернулся к своему креслу. Никто из присутствующих здесь, включая его лучшего друга, не имел ни малейшего представления о том, что он делает. Там был Эл, который выступал от его имени, совершенно не понимая, что он говорит, а присутствующие тут люди кивали, как будто видели в этом какой-то смысл. Сэм спрашивал себя, насколько они вообще что-то понимают на самом деле. Кроме одного. Бантам смотрел прямо на него, прикрыв глаза, как ястреб, готовящийся напасть на кролика. Его взгляд редко перемещался и то лишь на мгновение или два. Сэму стало интересно, о чём думает этот человек и почему. Наконец Комитет поблагодарил их, они встали и снова вышли. Эл по-прежнему шёл впереди, а Сэм оглянулся, закрывая за собой дверь комнаты заседаний Комитета. Другие члены Комитета, включая Дризни, разговаривали друг с другом. Но Бантам по-прежнему смотрел на него, и его холодный взгляд пронизывал Сэма до лопаток. "Ну, слава Богу, с этим покончено," - сказал Эл, когда они покинули зал заседаний Комитета. "Мне нужно выпить," - он мельком увидел выражение лица Сэма и мгновенно добавил, - "Кофе."

"Ты можешь выпить виски, если поделишься со мной," - пробормотал Сэм.

"Что ты сказал?" - ошеломлённо переспросил Эл. Но Сэм был уже на полпути по коридору и Элу пришлось поторопиться, чтобы не отстать, а всё из-за достоинств его блестящей униформы.

И ни один из них не заметил светловолосую женщину с живым выражением лица и большим носом, которая смотрела им вслед, напевая себе под нос.

А в это время в другом конце здания мужчина с густыми бровями склонился над телефоном и негромко говорил: "Доктор Йен? Всё прошло хорошо...Да. Да, я позабочусь об этом. Он получит это." - тут его голос изменился и стал более убедительным. "А что касается содействия..."

[ГЛАВА 11]

Эл был слишком хорошо знаком с барами Военно-Морского Флота в Вашингтоне. Теперь, когда он был гражданским лицом, то предпочёл отправиться куда-нибудь в другое место. Во-первых, из-за того, что в других местах приходилось отвечать на меньшее количество вопросов о его сниженном желании

употреблять алкоголь. Во-вторых, из-за того, что был лучше выбор.

Они с Сэмом сидели за маленьким круглым столиком в углу полуосвещённого бара в их отеле, украшенного узором с изображением лобстера. Официантки носили нагрудники с изображением лобстеров вместо верхней одежды и части нижней. Часть внимания Эла была посвящена объяснениям Сэму, что заседание Комитета действительно прошло очень хорошо: другая часть внимания Эла напоминала ему, что нужно позвонить друзьям из Агентства Военно-Морских Расследований и выяснить, удалось ли им за всё это время узнать что-нибудь ещё о нападении на Сэма три года назад. Все зацепки быстро иссякли, и Эл почти смирился с тем, что придётся об этом забыть. Сэм был жив, прекрасно себя чувствовал, и с тех пор никто на него даже косо не посмотрел. Возможно, это было просто ограбление. Эл бы сделал ещё одну проверку, просто чтобы в этом убедиться, но сейчас были более насущные проблемы.

Например, этим вечером. Эл проанализировал потенциал вечера с той же профессиональной интенсивностью, с какой он давал всевозможные оценки на протяжении своей долгой и интересной карьеры. Там была брюнетка, сидевшая в одиночестве в бухте "Коготь". Сэм потягивал из кружки разливное пиво, с недоумением наблюдая за своим другом. Когда Эл предложил спуститься в бар, он знал, что этим вечером они ничего не добьются. Сэм только надеялся, что Эл для разнообразия проявит определённую долю здравого смысла. Казалось, он забыл о Тине, по крайней мере, в тот момент, когда они прибыли в Вашингтон, что, вероятно, было действительно очень хорошо. Эл казался настроенным ужасно серьёзно по отношению к Тине, по крайней мере, когда она находилась с ним в одной комнате. Сэм надеялся, что он не торопится ввязываться в очередные обречённые отношения. Было смешно, что он почти оправдывает похождения своего друга, но пока от этого никто не страдает, то как он может критиковать?

Как только Эл выбрал свою цель на вечер, Сэм мог допить своё пиво, вернуться в свою комнату и приступить к работе над тем сбоем, который его беспокоил. Должен был быть способ обойти проблему деления клеток. Если он не разберётся с этим в ближайшее время, то работа над Проектом застопорится, и двести человек будут сидеть в ожидании, пока Сэм попытается решить проблему. Будут ждать и получать за это деньги - нельзя было просто их уволить и рассчитывать на то, что они снова будут рядом, когда он, наконец, найдёт решение.

Сэм начал судорожно искать ручку и салфетку для коктейля. Когда Эл понял, что у него на уме, то демонстративно вскинул руки,

забрал свой стакан с остывшим кофе с собой и пошёл знакомиться с брюнеткой. Сэм ещё даже не успел начать работать над второй салфеткой для коктейля - ему пришлось смахнуть с неё кусочки арахисовой скорлупы - когда на стул, который освободил Эл, опустился кто-то другой. Раздосадованный Сэм поднял взгляд. У неё были самые прекрасные, влажные голубые глаза. И нежный цветочный аромат, который наполнил его разум, вытеснив из него запах арахиса для коктейля, алкоголя и всего остального в мире.

Его рука судорожно сжала салфетку, скомкав её и он сглотнул. Всё это было функцией адреналина и тестостерона, внезапно хлынувших в его организм в ответ на визуальные и обонятельные стимулы, феромоны, которые просто случайно вызвали первичный образ, похороненный глубоко в инстинктивной части его мозга: он знал это. Вот и всё, что это было. Строго биологическая реакция, связанная с выживанием вида. Совершенно нормальная во всех отношениях. И он абсолютно не верил в любовь с первого взгляда.

Тем не менее, в этот момент Сэм Беккет был так же уязвим перед красивой женщиной, как когда-либо Эл Калавичи.

"Доктор Беккет?" - спросила она.

У неё к тому же был очень приятный голос. И чистый персиково-кремовый цвет лица, слишком приятный, чтобы его можно было скрыть большим количеством косметики. Это был самый приятный контраст с её губами. Они были...красными. Сэм знал, что должны были имитировать красные губы. Он проводил исследования по этому поводу. Он был учёным. Он знал эти данные.

Но в данный момент ему было наплевать на эти данные.

Прошло довольно много времени с тех пор, как к нему в такой манере обращалась совершенно незнакомая женщина. От неё исходило тепло, и Сэм почувствовал, что наклоняется вперёд, к ней. Утопая в этом тепле.

Он сглотнул и вспомнил, что она вроде как задала ему вопрос.

"Д-да?"

Она устроилась немного поудобнее, словно растворившись в самом стуле, и протянула руку, чтобы коснуться его руки. Слегка. Даже слишком слегка. Подобно крылу бабочки. Он хотел, чтобы она сделала это снова, чтобы он был уверен, что действительно это почувствовал.

"Я так рада," - сказала она. "Я не была уверена. Знаете, вы выглядите намного красивее, чем на фотографиях."

"Я...в самом деле?"

Тихая, наблюдающая часть его разума хихикнула про себя по поводу вероятной реакции Эла. Он заикался? Можно подумать, что он никогда в жизни не общался с

привлекательной женщиной. Он что, был подростком?

Ну да, по крайней мере, в социальном плане.

Он решительно подавил рациональный уголок своего сознания и улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой.

"О да. Фотографии в новостях не соответствуют действительности. И вы также выглядите намного более достойно, с этой элегантной седой прядью..." - она протянула руку и почти, но не совсем, коснулась его левого виска, где был шрам.

Если бы тихая, наблюдающая часть его разума могла вырваться на свободу, чтобы выкрикнуть предупреждение, то она бы сразу это сделала. Но она была связана и

заткнута. Не было никаких причин для того, чтобы Эл Калавичи был единственным, кто мог позволить себе наслаждаться невинным флиртом.

Не то чтобы Сэм обычно извлекал выгоду от своей известности - как раз наоборот, обычно у него не было такого шанса. Вокруг было не так уж много поклонниц науки. Это

было совсем не похоже на то, как если бы он был телезвездой. Сэм был не из тех мужчин, которые используют дам...да и вообще пользуются любыми другими женщинами. Но

эта женщина - её колено прижималось к его колену под маленьким столиком - не была невинной.

По крайней мере, он был совершенно уверен, что это не так.

"Угм...Я не расслышал вашего имени," - сказал он.

"Как легкомысленно с моей стороны," - пробормотала она. "Я так взволнована возможностью познакомиться с вами, что просто совершенно забыла о своих манерах. Меня зовут Джессика."

"Я не плохой, просто меня туда тянет," - иррационально подумал он. Сэм заставил себя отвести взгляд от её глаз и опустил взгляд на её руки.

Это не помогло. Она не носила колец. И не было никаких признаков того, что она когда-либо их носила. Сэм закрыл глаза и попытался подумать о дыхательных упражнениях.

"Меня всегда восхищали ваши теории, доктор Беккет," - мягко сказала она. "Я читала ваши работы о биологическом восприятии времени, вплоть до вашей диссертации."

Это всё решило. Любой человек, который пробрался бы через 643 страницы теоретических построений и математики, должен был бы заинтересоваться им именно из-за его ума.

Так почему же она пользовалась такими головокружительными духами?

"Я была так поражена, увидев вас здесь, в Вашингтоне," - пробормотала она. "Я думала, что вы работаете над проектом в Чикаго..."

"Нью-Мексико," - поправил Сэм, даже не осознавая своих слов. Её нога двигалась, скользя по его ноге. Внезапно Сэму очень сильно захотелось продолжить этот разговор в другом месте, более уединённом. Гораздо более уединённом.

"О, это такое прекрасное место," - сказала она. "Вам там нравится?"

Сэм снова сглотнул.

"О да," - признал он. "Мне там очень нравится". Имел ли он ввиду в этот момент географию? Сэм не был в этом уверен.

Она улыбнулась ему и шум бара стих, превратившись в гул вокруг них.

"Я была бы действительно рада возможности обсудить ваши биологические теории более подробно, доктор Беккет. Не будет ли это слишком навязчивым с моей стороны?"

Сэму показалось, что он тонет.

"Никоим образом."

Она прикусила губу и наклонила голову.

"Но здесь так шумно. Может быть, мы могли бы пойти куда-нибудь в более тихое место? Если, конечно, вы никого не ждёте?"

"О нет. Нет. Совсем нет," - промурлыкал он, и она снова улыбнулась своими красными, очень красными губами.

Когда Сэм проходил мимо, Эл поднял глаза. Значит, малышу наконец-то повезло, подумал он. Рано или поздно всем везёт. У неё был чертовски большой нос, но Сэму, похоже,

было всё равно. Эл снова повернулся к своей брюнетке и соблазнительно улыбнулся.

Сэм этого даже не заметил. Он последовал за блондинкой к двери, тихо постанывая про себя.

"Итак, как прошёл твой вечер?" - ухмыльнулся Эл, встречая Сэма у лифта на следующее утро. "Я надеюсь, это было лучше, чем изучать журналы по физике?"

Сэм озадаченно уставился на него. Как Элу всегда удавалось улавливать такие вещи? Особенно когда это были вещи, из-за которых он чувствовал себя виноватым? Сам Эл,

казалось, никогда не чувствовал себя виноватым. И как ему это только удавалось?

"О да," - неубедительно ответил он. Может быть, если он даст понять, что не хочет говорить, Эл оставит эту тему.

Но к сожалению, это была одна из тем, которую Эл никогда не оставлял.

"Ну, как всё прошло?" - спросил Эл, когда прибыл лифт. Они отошли в сторону, чтобы дать возможность выпустить багажную полку с сопровождающей семьёй, а затем вошли в

лифт и нажали на кнопку этажа, который вёл в вестибюль. "Давай, давай, рассказывай."

"Эл!". То, что произошло прошлой ночью, было, мягко говоря, для него нехарактерно. Сэм не любил случайных связей и редко участвовал в них. Эл никогда не мог до конца осознать, что Сэм предпочитает моногамию или даже, возможно, безбрачие, обезличенному сексу. Но в этом инциденте не было ничего случайного или обезличенного, от начала и до конца, и Сэм всё ещё был сбит с толку не только тем, что произошло, но и своим собственным участием в этом. Дело было не в физическом контакте, нет, в этом у него не было никакой неуверенности. Он был не таким уж невинным, каким его любил выставлять Эл. Нет, это было что-то другое, но Сэм не был уверен, что именно. Было много разговоров, он знал это. Она очень сильно заинтересовалась его работой. Или, по крайней мере, так казалось, но каким-то образом они оказались вместе в постели. Тогда это казалось неизбежным. А потом она внезапно ушла. Внезапно, когда он был посреди...Ну, как будто она получила всё, что хотела, забрала свой трофей или что-то в этом роде. Ему не очень нравилось ощущение, что его использовали. Это напомнило ему, как он ждал у алтаря Донну Элиси, которая тоже, примерно также внезапно, ушла от него. Если бы Сэм попытался это объяснить, Эл бы сказал ему пойти осмотреть голову. И что ему нравилось меньше всего, так это физическая реакция, которую он по-прежнему чувствовал, вспоминая, какое влияние её присутствие оказало на него. Разве он не мог преодолеть биологические влечения достаточно надолго, чтобы объективно оценить, хочет ли женщина для себя его самого или его известность? По-видимому, нет. Сэм пообещал себе, что не собирается проходить через это снова. "Значит, у Белого Рыцаря немного потускнели доспехи, да?" - хихикнул Эл. Сэм устремил взгляд в потолок, демонстративно игнорируя собеседника. Эл прекрасно знал, что он не собирается об этом рассказывать, и что он также не собирается слушать хвастовство Эла: некоторые вещи были слишком личные. Однако это не мешало Элу безжалостно дразнить его. Сэм с таким же успехом позавтракал бы в одиночестве, чтобы распутать клубок своих мыслей и эмоций, но и с Элом это сделать было непросто. Сэм Беккет твёрдо верил, что с моральной точки зрения было неправильно спать с женщиной, в которую он не был влюблён. Он, конечно, не был влюблён в эту женщину, по имени Джессика - он так и не узнал её фамилию. Он не мог объяснить этот свой промах, кроме того факта, что он, в конце концов, был просто обычным человеком. Иногда даже более человечным, чем другие, полагал он.

Это было не оправдание, а просто причина.

Лифт с урчанием остановился и они прошли мимо вестибюля в кофейню. Сэм не мог удержаться, чтобы не осмотреться вокруг, надеясь её найти. Эл поймал его на этом и ухмыльнулся:

"Она произвела настоящий фурор, не так ли?"

"Заткнись Эл," - яростно ответил Сэм.

Эл ухмыльнулся, но к большому облегчению Сэма успокоился и утих. Они вдвоём заказали завтрак. При виде апельсинового сока, кофе, тостов, овсянки и фруктов, которые заказал Сэм, Эл с удивлением приподнял бровь.

"Ты, должно быть, хорошо провёл время," - заметил он.

Сэм посмотрел на сухой тост, который заказал Эл.

"Ты не должен," - тихо ответил он.

Эл снова замолчал и открыл "Вашингтон Пост", чтобы скрыть своё замешательство. Они закончили трапезу без дальнейших разговоров.

Сэм взял купюру, исправил сложение, подсчитал чаевые, вытащил достаточно денег, чтобы их покрыть, и встал, по-прежнему не разговаривая со своим спутником. Эл

зашелестел страницами газеты и заметил, не поднимая глаз:

"Мне ещё нужно поговорить с парой людей. У тебя ещё одна встреча?"

"Мне нужно позаботиться ещё об одном деле," - Сэм сделал паузу. "Я уже могу идти. Я положу свои сумки в багажник машины, пройду регистрацию, и встретимся здесь через..." - он взглянул на часы, - "Два часа?"

"Хорошо," - Эл перевернул страницу с преувеличенным безразличием. "Через два часа". Когда Сэм начал уходить, он поднял глаза.

"Ты уверен, что не хочешь, чтобы я тебя подвёз?"

Сэм почти улыбнулся: Эл был мастером уклончивых извинений.

"Нет, спасибо. Мне не помешают физические упражнения. Увидимся через пару часов."

Юмор ситуации улетучился, когда Сэм вышел из отеля, проясняя мысли на ходу. Ему было интересно, знал ли Эл, куда и зачем он идёт. Вероятно, знал. У Эла было немного материнских чувств в его характере. Но это не имело значения: он всегда делал это сам.

От отеля до Садов Конституции было далеко идти, воздух был густым от влажности и Сэм беспристрастно втягивал его вместе с автомобильными выхлопами и городским загрязнением, напрягаясь, чтобы избавиться от путаницы эмоций. Сейчас у него не было для них места. Во всяком случае, не для этих эмоций.

Сэм снова подошёл к Стене, присоединился к скорбящим и принёс свои извинения, прикоснувшись к чёрному камню, но на этот раз, когда он отвернулся, то оказался лицом к лицу с женщиной, которая называла себя Джессикой.

Она увидела имя на камне, выражение его лица и пришла к очевидному выводу.

"Мне жаль," - сказала она, бессознательно вторя ему.

Эти слова как будто разрушили заклинание. Сэм посмотрел на неё и увидел женщину, очень привлекательную, но уже не сирену прошлой ночи, которая каким-то образом нарушила его представление о том, что должно быть правильно, о том, что должно происходить в этом месте. Сэм прошёл мимо, не в силах вымолвить ни слова.

"Я бы хотела, чтобы этого никогда не случилось," - крикнула она ему вслед.

Это прозвучало банально, пусто и бессмысленно, и это его сильно разозлило. Сэм ускорил шаг и отстранился, оставив её и Стену позади себя.

И как и большинство вещей, оставленных позади, он унёс их с собой.

[ГЛАВА 12]

Самолёт "Кинг-Эйр" совершил посадку на взлётно-посадочной полосе Проекта и пассажиры отстегнулись и забрали багаж. Не успели они отойти на достаточно далёкое

расстояние, как реактивный самолёт уже выруливал обратно на взлётную полосу, готовясь к взлёту в обратный путь.

В конце дня над мальпайсом, чёрным и изломанным лавовым полем, которое было всем, что осталось от ярости вулканического извержения бесчисленные тысячелетия назад,

собиралась гроза. Небо на западе было тёмно-фиолетовым, пронизанным алмазными молниями, время от времени вспыхивающими с небес на землю и обратно. Покров дождя висел

на полпути к небу, а капли испарялись ещё до того, как падали на землю. Воздух потрескивал от озона и воды.

Сквозь разрыв в облаках пробивался золотистый луч солнечного света, словно луч благодати из руки Божьей, пока высокое атмосферное давление не столкнуло облака и не

закрыло солнечный свет от мира. Сэм остановился, чтобы понаблюдать, как свет и покровы исчезают в надвигающейся тьме бури.

"Ну же, Сэм," - нетерпеливо крикнул Эл. "Сейчас пойдёт дождь!"

Так оно и было на самом деле. Он слышал удаляющийся гул авиационных двигателей и шум ветра, поднимающего пыльные вихри и перекасти-поле. Мимо промчался дорожный бегун, направляясь в укрытие.

Укрытие казалось отличной идеей. Двое мужчин собрали свои сумки и в размеренном темпе направились к группе зданий, которые находились на поверхности Проекта.

"Надеюсь, Тина всё ещё здесь," - заметил Эл, когда они вошли в кафетерий, и первые капли дождя размером в четверть дюйма попали на поверхность дорожной пыли по другую сторону двери. "У меня есть планы в этом направлении". Эл закрыл за ними дверь и повесил свою сумку с одеждой на достаточно длинную спинку стула и хорошенько

потянулся. "Боже, как я ненавижу эти маленькие самолётики. Я их ненавижу, даже когда не летаю на них."

"У тебя есть планы во всех направлениях," - беззлобно сказал Сэм. Шестичасовой перелёт, не считая остановки на дозаправку, заглушил последствия его последней встречи с женщиной по имени Джессика. Он начал с того, что обдумал едкие мысли о репродуктивных влечениях. Это натолкнуло его на мысль о клеточных союзах. И это привело его к проблеску идеи, которая заставила его напрочь забыть об этой женщине и потратить время на решение своей любимой проблемы. Теперь он тоже поставил свой багаж на землю, не совсем готовый возвращаться в офис. "У тебя всегда есть планы."

Словно в знак согласия, над головой сверкнула молния. Свет в кафетерии потускнел и медленно зажёгся снова.

"Тебе никогда не приходило в голову, что это может быть не лучшее место в стране для создания нового компьютера?" - спросил Эл, остановившись у лифта.

"Это не имеет значения," - Сэм направился на кухню в задней части комнаты, желая выпить чашку кофе. У него был неудобный вопрос, и он не был уверен, как его задать.

"Ты, кажется, ужасно уверен в этом," - сказал Эл, поняв намёк и следуя за ним.

"Он находится на глубине двухсот футов и изолирован. Молния ничего не повредит."

Над головой прогремел гром, от которого задребезжали рамы двух окон. Свет погас.

"Очень утешительно," - едко сказал Эл. "Я не очень люблю темноту, Сэм."

Заревели аварийные генераторы. Свет снова зажёгся.

"Спасибо." - сказал Эл, глядя в потолок.

"Не за что," - протянул ему Сэм чашку кофе. Сам он уже потягивал свою собственную.

"Ладно, в чём дело?" - вздохнул Эл. "Я всегда распознаю задерживающее действие, когда вижу его."

"Я хотел поговорить с тобой кое о чём, прежде чем мы вернёмся к работе". Сказав это, Сэм не продолжил сразу. Вместо этого он поставил бумажный стаканчик на стол и

подошёл к пианино, сел на скамью и стал барабанить по клавишам одним пальцем.

Эл подтащил стул и развернув его, уселся на него.

"Ладно, в чём дело? Комитет? Что-то не так с Проектом? Что мы здесь делаем? Что?"

Один палец превратился в пять, затем в десять, и Сэм рассеянно пробежался по гамме.

"Что мы здесь делаем," - мечтательно повторил он. "Что мы здесь делаем, Эл? Ты знаешь?"

"Ты создаёшь компьютер, который положит конец всем компьютерам, которые существовали до этого," - быстро ответил Эл. "Как насчёт этого?" - он достал из кармана пальто сигару, сорвал с неё обёртку и обрезал кончики.

Сэм тихо рассмеялся.

"О, я сомневаюсь в этом," - он сыграл несколько тактов мелодии, которую Эл не узнал. "Всегда будет следующее поколение."

"Да, стоит только посмотреть "Звёздный Путь". И что? У тебя должно быть это поколение, прежде чем появится следующее. Это создаёшь ты," - Эл не был уверен, к чему

ведёт этот разговор, и ему очень хотелось попасть в свои апартаменты, принять душ, переодеться и разыскать Тину. Или, по крайней мере, закурить, добравшись до своей комнаты.

Но Сэму было всё равно.

"Я создаю компьютер...вернее, пытаюсь создать компьютер, чтобы смотреть на время, Эл. Чтобы путешествовать во времени."

"Да?" - Эл никогда не понимал этого раньше, и не собирался начинать понимать сейчас. Он знал, что Сэм никогда не говорил об этом никому другому, даже

правительственному агентству, финансирующему Проект, даже сенаторам, которые его спонсировали. Эл был готов выслушать

Сэма и не называть его сумасшедшим, потому что в

конце концов, это был Сэм, но путешествие во времени? Настоящее путешествие во времени? Нет. Он не верил в это, независимо от того, как часто Сэм объяснял ему

это.

"Это то, о чём ты говорил с комитетом, Эл". В воздухе зазвучали ноты. Снаружи прогремел гром, и дождь, наконец, вырвался на свободу, барабня по жестяной крыше с

такой силой, что им пришлось бы кричать, чтобы услышать самих себя. Температура внутри здания ощутимо упала из-за

охлаждающего эффекта грозы и бури. Сэм продолжал

играть в течение десяти минут, пока дождь не утих и не перешёл в ровную негромкую дробь. Он играл случайное попурри из песен

Элвиса Пресли, мелодии из музыкальных

шоу, и мелодию из песни "Yesterday" группы "Битлз".

"Я лукавил," - ответил Эл, как будто его и не прерывали. Он встал, сделал себе ещё кофе и снова вернулся, приняв то, что ему нужно выговориться, что бы сейчас ни

беспокоило Сэма. "Я могу разобраться в компьютерах. Ты создаёшь компьютер нового типа. Но я не понимаю, что, по твоим словам, он может сделать. Это по твоей

части."

"Теория гласит, что Наблюдатель может путешествовать в пределах своей собственной жизни," - сказал Сэм. "Вернуться назад и

увидеть что угодно в течение этого периода."

"Почему только в пределах своей жизни? Почему бы не вернуться к пирамидам?" - подыграл ему Эл. Он уже слышал всё это раньше. Иногда Сэму нравилось размышлять вслух.

Сэм набрал в грудь воздуха, чтобы объяснить и снова медленно выдохнул.

"Это заложено в формуле," - вместо этого ответил он. "Если ты возьмёшь кусок верёвки, и один конец будет твоим рождением, а другой - твоей смертью, и ты скомкаешь её..."

"То сможешь перейти из одной точки в другую. Да, да, я поверю тебе на слово," - поспешно заверил его Эл. "Так в чём же проблема? Мы ещё не уверены, но я думаю, что финансирование у нас есть. Даже те деньги на строительство, которые мы думали, что потеряли. Ты создаёшь это, сталкиваешься с разными вещами. Что не так?"

Ещё больше гамм, вверх и вниз по клавишам.

"Чем больше я об этом думаю, тем больше задаюсь вопросом, стоит ли мне вообще этим заниматься. И я знаю, что другие люди тоже бы задавались этим вопросом на моём месте."

"Сейчас чертовски подходящее время для раздумий," - фыркнул Эл. "Ты хоть представляешь себе, сколько денег мы уже потратили?" Сэм пожал плечами.

"Это будет заметная брешь в дефиците."

Сэм поморщился.

"Кроме того, с каких это пор ты позволяешь мнению других людей указывать тебе, что делать? Ты принял свои решения давным-давно. Это было решение первой фазы. Теперь вторая фаза."

Сэм поджал губы и покачал головой. Его руки замерли на клавишах, длинные музыкальные пальцы слегка касались их.

"Эл, ты знаешь, как я создаю этот компьютер?"

"Нет," - Эл снова отпил кофе, ничуть не смущённый собственным невежеством. "Это тоже по твоей части."

"Это гибрид. Он основан на клетках, которые являются как биологическими, так и электронными."

"Я так и знал," - закрыл глаза Эл. "Ты создаёшь Франкенштейна там, внизу, в своей лаборатории, не так ли?"

Сэм невольно рассмеялся.

"Нет. Кроме того, Франкенштейн был безумным учёным. То, что он создавал, оказалось монстром," - он стал более серьёзным. "Я никогда не уточнял, какие клетки я использую, Эл."

"Ты создаёшь монстра Беккета там, в той лаборатории, не так ли?" - терпеливо поправил себя Эл.

"Нет. Это не монстр," - Сэм сделал паузу, тщательно подбирая слова. "Это тоже ещё не всё, чем оно могло бы быть."

"Ага," - Эл скептически выжидал.

Сэм оставил попытки подобрать правильные слова.

"Эл, я бы хотел позаимствовать немного нервных клеток."

Эл молчал, изучая его. Стук дождя по крыше уменьшился и вдалеке раздались раскаты грома. Сквозь окна у входной двери пробивался солнечный свет. Руки Сэма по-прежнему лежали на клавишах пианино.

"Ты хочешь создать компьютер, используя мои нервные клетки," - сказал Эл. Это был не вопрос. Сэм не услышал в голосе собеседника ни малейшего сомнения в том, что такое возможно. Эл не сомневался в этом. Но как он относился к использованию своих собственных клеток...

"Что ты должен делать?" - наконец спросил он.

Его голос был по-прежнему нейтральным и ничего не обещающим.

"Всего лишь несколько нервных клеток. Из твоего пальца. Для этого подойдёт палочка с иголкой."

"Почему ты не можешь использовать свои клетки?" - это был не протест, а просьба о предоставлении информации.

"Я уже сделал это". То, что могло быть дрожью, превратилось в пятнадцать секунд "Минутного Вальса".

Затем наступила тишина.

"Итак," - наконец сказал Эл. "Твои мозги, моя внешность. Промахнуться нельзя, верно?"

Вдалеке прогрехотал гром.

В другом месте, в жилых помещениях Проекта, инженер по техническому обслуживанию - уборщик - склонился над портативным компьютером, лихорадочно печатая. Это была простая квадратная комната, выкрашенная в белый цвет, с раскладушкой на железном каркасе вместо кровати, небольшим стандартным комодом и небольшим письменным столом, на котором стоял ноутбук. Рядом с ним на столе, под угрозой неминуемого сползания на пол, лежала стопка когда-то мятых, а теперь разглаженных бумаг, образовав неопрятную кучу. Он делал паузы в печатании, чтобы обратиться к той или иной измятой странице, делая непонятные пометки. Они не были засекречены, ни одна из них. Если бы они были засекречены, то бумаги были бы надлежащим образом утилизированы в сумке для сжигания или в шредере, который

превратил бы их в порошок. Но они не были засекречены. Это были записи, которые мог сделать кто угодно - чей-то номер телефона, фрагмент формулы, список. Такие вещи выбрасывались без раздумий, которые потом были собраны для утилизации армией безликих, безымянных работников. Фрагмент несекретного материала здесь, записка там, номер там...каждый фрагмент сам по себе ничего не означал. Но собранные командой людей с общими интересами, сведённые кем-то знающим воедино, проанализированные кем-то, способным вписать их в контекст, они давали представление о чём-то большем, чем сумма частей. Уборщик, член команды, объединённой общими интересами, положил одну страницу рядом с другой, рассмотрел их, улыбнулся и продолжил яростно печатать, собирая их для чужого обзора.

[ГЛАВА 13]

Йен Сюиэ-Лунг сидел в своём университетском кабинете и задумчиво смотрел в окно на бесплодное тутовое дерево. Дерево давало тень и служило домом для белок. В некоторых частях страны бесплодные шелковицы считались мусорными деревьями. В других они ценились за тень, которую давали. Это дерево защищало его окно от прямых солнечных лучей и за это Йен Сюиэ-Лунг был готов оставить его в живых. Оно защищало его книги и его глаза от прямых солнечных лучей.

Перед ним на экране компьютера мигал текст, белые символы на синем фоне.

Перед ним на клавиатуре лежало одностороннее письмо, подписанное Сэмом Беккетом и отсылающее его к Элу Калавичи для получения дополнительной информации о возможных консультациях по текущим проектам. В письме не было указано о каких проектах идёт речь, или как Сюиэ-Лунг может лучше всего их использовать. Оно было кратким, вежливым и окончательным. "Вероятно, написано секретарём, а не самим Сэмом," - подумал Сюиэ-Лунг. Сухой и скучный отказ. Отчёт, напротив, был очень интересным. Он был передан по модему. И содержал...подробности.

Увеличение заказов на RPMI с указанием конкретного подкласса.

Записка с напоминанием о необходимости включить отопление в жилых помещениях.

Удвоение постоянного заказа на туалетную бумагу.

Номер телефона, принадлежавший директору по строительству объектов на сверхпроводящем суперколлайдере в Техасе, с нацарапанным рядом временем - 15:00.

И вырванная страница из настольного календаря Сэма Беккета. Встречи, номера телефонов, заметки о звонках и каракули. Наброски часов. Часы в длинном корпусе, будильники, наручные часы. Каждые из них, отмечалось в отчёте, показывали более позднее время, при этом стрелки неуклонно приближались к полуночи или полудню.

Йен улыбнулся себе. Интересная привычка.

Административный директор, контр-адмирал ВМС США в отставке, Эл Калавичи, несколько дней назад был замечен с повязкой на руке. На это не стоило бы обращать внимания, если бы он не утверждал, что повредил её, когда забивал гвоздь, чтобы повесить картину в своём жилище, и повязка была у него на правой руке. Кроме того нигде в жилище

Адмирала не было ни картин, ни даже гвоздей для них, а сам Адмирал был правшой. Как несоответствие, это стоило отметить.

Физика, часы и забинтованные пальцы.

Йен Сюиз-Лунг был астрофизиком. Он провёл всю жизнь, глядя в небо, тоскуя по звёздам и их великолепию. В Проекте "Звёздный Свет" он помог определить, что уровень развития человеческой науки пока не позволяет превзойти скорость света, хотя были признаки того, что, возможно, это не такой уж непреодолимый барьер, каким его когда-то считали.

По крайней мере, так утверждал Сэм Беккет. Йен до сих пор помнил тот момент на брифинге в маленьком конференц-зале, когда, наблюдая, как Беккет рассказывает о вторичной единой теории поля перед тринадцатью лучшими умами страны - один из них был его собственный - он понял, что ни один из них не способен понять, что говорит этот человек. Лучшее, что они могли сделать, - это осмыслить итог: на сегодняшний день звёзды были недостижимы.

В этот момент он понял, что ненавидит Сэмюэля Беккета. Какое право он имел быть вершиной человеческого интеллекта и всё ещё не знать ответа?

Йен был страстно привержен идеалу технического совершенства для человечества. Он был уверен, что при достаточной приверженности, достаточных ресурсах и достаточном внимании все проблемы могут быть решены. Можно было бы найти ответы на все вопросы.

Это требовало полной самоотдачи. Никаких отвлекающих факторов. Никакой траты средств и энергии на тривиальные вопросы. Но правительство и нация не хотели брать на себя такие обязательства.

Как можно сосредоточить внимание нации на проблеме и решить её? Как, когда было так много проблем, требующих решения? Они - учёные, инженеры - однажды уже сделали это, добравшись до Луны менее чем через девять лет после того, как Кеннеди дал своё публичное обещание. Но, сделав это, политики сдались, потеряли интерес, позволили

себе отвлекаться на войны и голод, вулканы и ураганы, пожары, болезни и дефициты. Катастрофа "Челленджера" лишила их мужества и выбила из них всю душу. Они катастрофически недофинансировали Проект "Звёздный Свет", и конечным результатом, годы спустя, стали брифинг и рекомендации Сэма Беккета.

Из-за отсутствия должной сосредоточенности и должной целеустремлённости, они отказались от неба. Они отказались от будущего. Йен Сюиэ-Лунг страстно верил, что на этой планете никогда не закончится количество голодающих детей и она в любом случае была на грани потери ресурсов, которые потребовались бы для их спасения. Человечеству нужно было раскрыть секреты физики, которые позволили бы им отправиться в другое место, попробовать ещё раз, начать всё сначала и сделать это лучше. Вместо этого политики ушли.

И они сделали это с согласия человека, который, по убеждению Йена Сюиэ-Лунга, мог бы дать им звёзды, если бы захотел. Вместо того, чтобы бороться с ними, Сэм Беккет выслушал их и согласился.

Вместо того, чтобы продолжать заниматься проблемой перемещения со скоростью, превышающую скорость света, он решил заняться созданием компьютера.

Было некоторое утешение: компьютер можно было использовать, если его правильно запрограммировать. Йен был доволен тем, что позволил Беккету собрать свой компьютер. Пусть он вообразит, что это было сделано тайно. Пусть он представит, что его энергия была сосредоточена на чём-то новом.

Вместо этого Сэмюэль Беккет внёс бы ещё один вклад в космические усилия, которые он покинул, независимо от того, хотел он этого или нет.

Звёзды требовали сосредоточенности. Они требовали внимания.

Что может быть лучше для управления ими, чем дать программе её собственного мученика?

Не погибшие астронавты, не экипаж "Челленджера". Йен Сюиэ-Лунг чтит их всех, но сегодня ему был нужен новый мученик.

Несколько лет назад таким дураком был Джансик, но

если бы Йен был должным образом подготовлен, так как он был готов сегодня...ну, возможно, не сегодня. Пусть Беккет, возможно, немного продвинется в своём таинственном

Проекте. Пусть он проложит новую дорогу.

И пусть он умрёт за это.

Чем бы ни был Проект "Квантовый Скачок" на самом деле, как только Йен Сюиэ-Лунг покончит с ним, общественность поверит, что это было исследование в области

путешествий со скоростью, превышающую скорость света. И общественность поверит в то, что Сэм Беккет умер из-за отсутствия достаточного финансирования, и она потребует

всех возможностей, которые откроют им звёзды, возможностей, которые им покажет Йен Сюиэ-Лунг. Она будет требовать дополнительного финансирования, большего внимания к проблеме. Нелуддиты об этом позаботятся. Конечно, необходимо было выбрать нового Руководителя Проекта. Сенаторы будут настаивать на том, чтобы был выбран должным образом квалифицированный специалист, обладающий знаниями и опытом в области астрофизики и научных исследований. Возможно, у этого человека не было бы Нобелевской Премии и пяти дополнительных докторских степеней. Но у него были бы обязательства. И у него был бы Проект "Квантовый Скачок": Проект, для которого его должны были выбрать с самого начала. Йен Сюиэ-Лунг снова улыбнулся, и в его глазах заплясали чёртики.

Несколько недель спустя Сэм Беккет сидел и проверял свою почту, пока Тина Мартинес-О'Фаррелл делала презентацию о предложениях по новой архитектуре, необходимых для учёта последних изменений в дизайне, который Сэм хотел получить для компьютера КС. Руководители проектной группы - учёные и инженеры, а не рабочие-строители - собрались во втором конференц-зале Проекта, расположенном на офисном уровне, сидели за столами, расставленными в форме буквы "U", внимательно слушая, как она говорит, с едва заметными паузами в голосе. Сэм прочитал отчёт перед встречей, и у него были некоторые предложения, но он не собирался их сейчас высказывать: это была ознакомительная встреча для руководителей команд. Ему предстояло тесно работать с Живчиком над нечёткими элементами программы и учитывать новые чипы. Они уже запустили основные тестовые программы. У Сэма была ещё одна, и она готовилась отправиться в запуск после собрания. Ещё одна - и, возможно, самая важная из всех. Один или два человека украдкой поглядывали на него, вероятно, думая, что он ведёт себя невероятно грубо, читая почту вместо того, чтобы внимательно слушать. Эл тоже украдкой поглядывал на него, но он, скорее всего, удивлялся, как Сэм смог отвлечь его внимание от статной рыжеволосой девушки у электронной доски. Сэм сдержал ухмылку. Ему очень нравилась Тина: он уважал её ум, но в остальном она оставляла его равнодушным. Если бы он сказал об этом Элу, то Эл отправил бы его к Вербине на

медицинский осмотр.

Элу было плохо из-за Тины. Всё ещё не оправившись от шрамов своего пятого развода, он был не совсем готов сделать ей предложение, но когда Тина была в комнате, Эл редко обращал внимание на кого-либо или что-либо ещё.

Однако Сэм был внимателен. Он не совсем использовал то, что Хайнлайн называл "параллельными мыслительными процессами" - он оставил это своему новому компьютеру - но почта не занимала так много внимания. В основном, это были уведомления о новых правительственных постановлениях и эти уведомления он мог отложить для Эла, чтобы Эл мог с ними разобраться. Сэм подумал, что Элу нужна секретарша. Да и ему самому, если подумать, тоже. Много из этой бумаги было просто бумагой, которую нужно было отсканировать, переработать и забыть. Надо будет сказать об этом Элу. Сегодня было трудно сосредоточиться на простой бумажной работе: трудно было даже сосредоточиться на брифинге Тины. У него были другие новости для Тины, Эла и Живчика и иногда было трудно сдерживать своё нетерпение. Тина не обиделась на то, что Сэм занимался на её брифинге другими делами. На самом деле, она сама предложила ему заняться кое-какой бумажной работой. "Ты, типа, такой занятой! И ты уже всё это знаешь!". И она сверкнула огромными голубыми глазами и покачала пальцами с алыми кончиками туда-сюда, указывая на необъятность "всего этого" и свою полную неспособность справиться с этим.

За исключением, конечно, того, с чем она прекрасно справлялась сама. В конце концов, она придумала оригинальный дизайн всех шкафов стоимостью за шестьсот долларов. Единственная причина, по которой Сэм здесь присутствовал, заключалась в том, чтобы оказать Тине поддержку на тот случай, если другие члены команды не примут её всерьёз. Очень немногие из них совершали эту ошибку более одного раза.

Сейчас Тина принимала вопросы, отвечая на них голосом маленькой девочки. Она хорошо с ними справляется, подумал Сэм, продолжая просматривать, сортировать и отбрасывать.

Она прекрасно вписывалась в коллектив, пока Эл сохранял самообладание и не подал на них всех в суд за домогательства. Хотя Эл бы этого не сделал. У него была тонко настроенная антенна для отторжения, и на самом деле Тина пока ещё не отвергла его. Когда и если бы она это сделала, то Эл немедленно бы прекратил своё ухаживание и отправился бы на поиски другой подходящей цели. В таких вещах он был абсолютно надёжен. "В море слишком много рыбы," - любил говорить Эл.

Наконец встреча подошла к концу, участники перетасовали бумаги и выбросили свои чайные пакетики - Эл настоял на том, чтобы

они купили керамические кофейные кружки, а не использовали пенопластовые: он очень сильно горячился по этому поводу. Сэм расправил свою стопку бумаг, посмотрел на неё и вздохнул. Он ненавидел бумажную работу.

Элу удалось оторваться от Тины достаточно надолго, чтобы остановиться рядом с Сэмом.

"Ты хотел меня видеть?" - спросил он, всё ещё отвлекаясь на рыжеволосую.

"Да. Я хотел кое-что показать тебе и Тине. И Живчику. Где Живчик?"

Живчик наливал ещё кофе из кофейника в углу конференц-зала. В свете флуоресцентных ламп он выглядел бледным и нездоровым.

С некоторых ракурсов его усы были почти

незаметными и были больше похожими на остатки завтрака, чем на волосы. Он неуклюже подошёл к двум мужчинам в ответ на призыв Эла, который помахал ему рукой.

"Да, доктор Беккет?"

Сэм отшатнулся. Живчик был славным парнем, но должно было произойти что-то метаболическое, чтобы объяснить этот запах изо рта. Сэм сделал мысленную пометку сказать

Живчику, чтобы он сходил по этому поводу к врачу. Желательно, к какому-нибудь другому врачу.

"Сэм хочет нам кое-что показать," - сказал Эл. Он продолжил, обращаясь к Сэму: "Это же не очередная статья о нелуддитах, не так ли? Может быть, листовка? Они

встречаются сегодня вечером в кафетерии?"

"Нет, это не очередная статья о нелуддитах," - с достоинством ответил Сэм, поднимаясь на ноги. "Тина?"

Тина, покачиваясь, подошла к ним, к большому разочарованию Тони Вейланда, который нависал над ней.

"Да, доктор Беккет?" - проворковала она, стремительно завладев вниманием Эла и Живчика. Сэм недоумевал, почему там оказался Вейланд.

Он снова вздохнул. Биология - без неё было невозможно жить, а с ней иногда было слишком сложно - Сэм отбросил эту мысль и связанные с ней воспоминания, как слишком глупые, чтобы их можно было выразить словами.

"Я бы хотел, чтобы вы трое встретились со мной в моей лаборатории примерно через двадцать минут. Я хочу обсудить тестовый запуск."

Вейланд подошёл ближе, наводя порядок в конференц-зале, очень тихо расставляя стулья наравне со столом и собирая ложки для отправки в посудомоечную машину. Четыре ключевые фигуры Проекта не обратили на него внимания.

"Ты закончил работу над новым чипом?" - спросила Тина. "Это же замечательно! Но почему ты не сказал мне об этом до того, как я выступала перед всеми этими людьми?"

"Это не окончательно," - предупредил Сэм. "Это всего лишь тест."

"Если бы это был бы настоящий чип, то нам бы выдали начос и сказали бы настроиться на классическую радиостанцию." - пошутил Эл.

Сэм наградил его испепеляющим взглядом. Живчик и Тина были просто сбиты с толку.

"Типа, это всего лишь проверка, а если бы это было настоящим предупреждением, то нам бы выдали инструкции...ой, да неважно," - сказал Эл. "Значит, твой эксперимент удался?"

Сэм прикусил губу. Никто, кроме него самого и Эла не знал о природе нового чипа, и он предпочёл никому не сообщать об этом. Он должен был предупредить Эла об

этом: Сэм не хотел, чтобы Проект был закрыт комиссией по обзору экспериментов на людях.

И всё же, ему было трудно подавить собственное волнение.

"Я не знаю, получилось или нет. Но этот тестовый запуск покажет нам, не зашло ли всё это в тупик. Я надеюсь."

Они все четверо столпились за дверью, Живчик и Тина рассуждали о тесте, Сэм пытался их успокоить, а Эл радостно размахивал руками. Они оставили позади себя младшего

строительного инженера Тони Вейланда, который глядел им вслед и улыбался сам себе.

[ГЛАВА 14]

В Нью-Мексико был конец октября 1993 года, осины окутали горы золотой пеленой, а вечера в высокогорной пустыне были холодными. Но в глубинах Проекта "Квантовый Скачок" погода и течение времени не имели никакого влияния. Единственным мерилom, которое имело для них значение, был прогресс в завершении строительства и компьютер, который был причиной самого существования Проекта.

Поэтому, когда четверо ведущих учёных Проекта покинули конференц-зал, чтобы собраться вместе в кабинете Сэма Беккета, они готовились отпраздновать веку, более важную, чем всё, что было за последние три года. Они вытряхнули беспорядок из книг, бумаг, заметок и инфокарт, делая короткие паузы, чтобы прочесть последние карикатуры из коллекции "Фар Сайда", наклеенные на все доступные поверхности. Единственным свободным местом во всём кабинете была часть стены с коллекцией фотографий: семейные фотографии Беккета, фотография на которой его школьный оркестр получил приз на государственном конкурсе в Карнеги-Холл и фотография на которой Сэм получает свою

первую докторскую степень. На стене у него не висело ни одного диплома: Эл предположил, что Сэм не мог выбрать один или два, а выставлять их все на обзор было бы довольно пугающе. Медицинская лицензия Сэма была приклеена как попало, каким-то старым способом, в рамке с треснувшим стеклом.

Элу было забавно видеть, насколько кабинет Сэма в Проекте "Квантовый Скачок" отличался от того, в котором он работал над Проектом "Звёздный Свет". Казалось, что даже потрясающая память Сэма на этот раз отказалась от усвоения всех данных, необходимых для запуска Проекта. Каким-то образом Сэму удалось обойти проблему со стандартной офисной мебелью, и у него было древнее зелёное кожаное кресло с постоянной вмятиной на сиденье. Эл занял кресло, которое считал своим, в уголке напротив стола Сэма. Тина и Живчик принесли стулья из своих кабинетов, расположенных дальше по проходу от кабинета Сэма, и устроились в них поудобнее.

Сэм вошёл из частной лаборатории за кабинетом, неся в руках материнскую плату с массой схем, отпечатанных на ней. Освободив для неё место, Сэм положил её на стол и вернулся в лабораторию, чтобы снова оттуда выйти с парой колонок и другим оборудованием.

Ему пришлось попросить Тину отойти в сторону и он подсоединил колонки к материнской плате каким-то образом, которого Эл не мог видеть.

"Так что же это такое, чёрт возьми?"

"Это - первое испытание," - ответил Сэм. Он обошёл стол, проверяя соединения, а затем вернулся обратно и опустился в мягкое кресло.

Тина нахмурилась и на её прекрасном лбу появились морщинки.

"Там не так уж много всего," - сказала она.

"Это бета-версия," - сказал Сэм. Он обменялся тревожным взглядом с Элом. Эл всё понял. Он потёр кончик одного пальца и задумался, а действительно ли Сэм так нуждался

в этих клетках. В Альфа-версии использовались только клетки из оригинальной, исходной культуры.

"Эти чипы, типа, какие-то неправильные," - настаивала Тина.

"Это очень особенные чипы," - сказал Сэм. "Это нейрочипы."

"Нейрочипы? Что ж, это довольно странно," - Тина недовольно откинулась на спинку стула. "Как я могу собрать компьютер, если я даже, типа, ничего в нём не понимаю? Как подходят такие чипы, как этот?"

"Большая часть компьютера будет совершенно нормальной," - заверил её Сэм. "Ну, не совсем нормальной. Нам придётся творчески подойти к некоторым аспектам архитектуры, используя многие идеи, которые ты предложила на сегодняшнем брифинге. Но это будет сердцем, мозгом и душой всего этого."

"Это очень поэтично, доктор Беккет," - Живчик заламывал руки и выражение его лица было одновременно нетерпеливым и совершенно растерянным. "Но...я не понимаю."

Сэм ухмыльнулся. Эл редко видел его таким возбуждённым, почти светящимся от волнения и возбуждения.

"Всё в порядке," - сказал он. "Я уже вошёл в программу тестирования, которую ты разработал для меня..."

"Вы собираетесь запустить мою программу на этом!" - Живчик, очевидно, решил, что Сэм сошёл с ума. "Но у вас там не хватает..."

Сэм слегка повернул голову.

"Запустите Бета-Тест Номер Один," - сказал он, чётко выговаривая слова.

Из динамиков раздался голос, заставивший всех подпрыгнуть. Это был глубокий, мужской голос, но в нём не было ни капли ровности, присущей компьютерной речи.

"Бета-Тест Один: вычислите значение числа "пи". Вычисление. Остановка. Невозможно выполнить."

Живчик выглядел ошарашенным.

"Этого не должно было произойти."

Сэм ухмыльнулся и наклонился к голосовому сопровождению.

"Почему нет?" - спросил он у машины.

"Пи" - иррациональное число," - произнёс глубокий голос. "Вычисление может быть выполнено с точностью до указанного количества знаков после запятой."

Рот Живчика открывался и закрывался, как у выброшенной на берег рыбы.

"Он не должен был этого делать!"

Теперь настала очередь Эла прийти в замешательство.

"Что делать? Что он сделал?"

"Программа должна была просто проверить продолжительность работы чипа. У него нет возможности вынести суждение о том, что число "пи" иррационально. Вы можете

бесконечно вычислять число "пи" и никогда не дойти до конца, но..."

"Но этот чип не только понял это, он предложил альтернативу". Присущее Тине всезнайство тоже исчезло. Она переводила взгляд с материнской платы на Сэма и обратно, как

будто только что стала свидетельницей чёрной магии.

"По-моему это прозвучало не очень умно," - пожал плечами Эл. Он изучил устройство на столе и спросил: "Сколько будет два плюс два?"

"Семьдесят шесть," - быстро ответил голос. "Снятие средств в местном банке с полудня до шести."

Эл фыркнул. Но выражение лица Сэма было удручённым, и Эл пожалел, что не держал свой длинный рот на замке. "Ну, эй," - пробормотал он, пытаясь извиниться за то, что

испортил демонстрацию, совершенно этого не желая. "В конце концов, это же не часть старого "пи"."

"Вишня. Яблоко. Тыква. Фарш. Смородина. Чёрная..."

"Достаточно." - сказал Сэм. Компьютер замолчал.

"Этого не было в программе," - выдохнул Живчик. У него на лбу выступила тонкая струйка пота, а пальцы были сцеплены узлом. Тина недоверчиво надула губы.

"Это что-то вроде свободной ассоциации," - сказала она. "Это действительно странно. Хотя и не очень умно."

"Как тот мультяшный персонаж, как его там, Зигги," - пробормотал Эл. "Тебе придётся ещё раз его ударить. Подобно молнии сверху."

"Но вы не понимаете," - взволнованно сказал Живчик. "Адмирал, вы не понимаете. Ни одного из этих утверждений не было в моей программе. Предполагалось, что он не способен делать ничего, чего нет в программе," - теперь Живчик стоял на ногах, вглядываясь в коллекцию схем. "Вы изменили программу, не так ли, доктор Беккет?"

Сэм тоже смотрел вниз на устройство на своём столе.

"Да, в некотором смысле. Думаю, я так и сделал," - он задумчиво пожевал губу. "Зигги. Мне нравится это название."

"Да уж, это точно лучше, чем какие-нибудь "Свиньи в Космосе"..."

Сэм рассмеялся, и Эл позволил себе вздохнуть с облегчением. Однако Живчика был не унять.

"Доктор Беккет, как..."

"Это всё новый чип, не так ли?" - спросила Тина. "Но это выходит за рамки программы," - она покачала головой. "Как же мне собрать компьютер для такого чипа?"

"Вот почему я хотел, чтобы ты поработала над этим," - сказал Сэм.

Она странно посмотрела на него. В этот момент Эл действительно поверил, что Тина Мартинес-О'Фаррелл, какой бы дурочкой она ни казалась, была действительно такой умной, как говорилось в её кадровом досье. Она не только распознала неуклюжую лесть, когда услышала её, но и в любом случае поняла, что она искренняя.

"Я поговорю с тобой более подробно позже," - сказал Сэм. "А пока, я думаю, вам следует сделать объявление для остальной команды. У нас есть работающий нейрочип. Пришло время отпраздновать это."

Тина всё поняла. Она поднялась на ноги и потащила Живчика за собой. Покидая кабинет, она бросила последний взгляд на хитроумное устройство на столе Сэма. Было ясно, что им предстоит проделать большую работу, и у них не так много идей о том, как это сделать. Эл тоже встал, но Сэм жестом велел ему сесть, глядя на него с притворным возмущением.

"Два плюс два?" - спросил он, когда Тина и Живчик ушли и за ними закрылась дверь.

"Семьдесят шесть?" - в том же тоне ответил Эл.

Сэм сдался.

"Теперь ты понимаешь, зачем мне нужны эти клетки," - сказал он.

"Ну нет, не понимаю," - Эл думал, что его бабушка-итальянка стала бы делать знаки против дьявола и плевать между пальцами, просто услышав этот голос, не говоря уже о том, чтобы услышать, как он обсуждает число "пи" или пирог. "Это по твоей части, а не по моей." Сэм глубоко вздохнул, кивнул, покопался в столе и достал тёмно-зелёную бутылку. Эл был поражён почти так же, как и Живчик. Сэм Беккет, приверженец правил, имел крепкое спиртное на финансируемом правительством Проекте. Это был такой поступок, за который любого другого немедленно выгнали бы.

"Что, чёрт возьми, ты делаешь?"

Сэм улыбнулся.

"Я праздную успешное испытание моей нейроклеточной схемы," - ответил он. Сэм отодвинул в сторону толстый том микрокода, нырнул обратно в ящик и вернулся обратно с двумя пыльными бокалами. "Это последняя порция шотландского виски, которую мне подарил профессор Ло Нигро в честь получения моей первой степени. Кажется, сейчас самое подходящее время покончить с этим. Возьми бокал."

Эл сделал паузу. Прошло очень много времени с тех пор, как он пил что-то настолько крепкое или настолько хорошее. Сэм был тем, кто в первую очередь избавил его от алкогольной зависимости. Когда Эл понял, куда ведёт эта дорога, он сократил её и сам умерил свой пыл, позволяя себе бокал вина за едой, но не больше. А теперь Сэм сам ему это предлагал. "Ты уверен?" - с сомнением спросил его Эл.

"Да". Сэм налил полдюйма янтарной жидкости для Эла и целый дюйм для себя. Эл потянулся к нему с рвением, которое он узнавал и которое ненавидел. Но он всё равно поднёс бокал к губам и сделал глоток.

На вкус это было ужасно. Эл осторожно положил бокал на край стола и вместо него достал сигару. "Думаю, я лучше отпраздную с этим," - сказал он. Эл покатал сигару туда-сюда в пальцах, жадно внюхиваясь в её длину.

"Только не прикуривай эту чёртову штуку," - ответил Сэм, поднося бокал к свету. "Ну что ж, самое важное в первую очередь то, что Зигги работает. За Проект "Квантовый Скачок!"

Эл снова поднял бокал и чокнулся им со своим другом.

"За Проект "Квантовый Скачок!"

Они оба выпили. На этот раз всё прошло немного легче.

Через несколько тостов и бокалов Сэм откинулся на спинку мягкого кресла, уставившись на фотографии на стене.

"У тебя когда-нибудь было что-то, о чём ты мечтал, Эл?" - беззаботно спросил он. "Как будто если бы ты сделал что-то по другому, то

вся твоя жизнь изменилась бы?"

"Конечно, каждый раз, когда я делал предложение," - Эл выразительно описал круг в воздухе своей незажжённой сигарой. "Я могу вспомнить немало случаев, когда моя жизнь сложилась бы по-другому."

"И всё же, если бы ты изменил свою жизнь, ты бы уже не был тем же человеком," - Сэм смотрел на свою семейную фотографию, на которой был запечатлён его брат в зелёной униформе. Глаза Сэма были прищурены и задумчивы. Его брат смеялся в объектив камеры, а его рука лежала на плече одного из его товарищей. На заднем плане были река и джунгли. Снимок был сделан известным военным фотографом за день до того, как Том был убит. Это была одна из самых ценных вещей Сэма.

"Конечно. Я был бы намного богаче. Сэкономил бы себе целое состояние на алиментах," - Эл тоже подпёр ногами стол, тщательно избегая толстого тома микрокода, и снова сделал глоток. Дальше по коридору они всё ещё могли слышать радостные возгласы остальной команды Проекта "Квантовый Скачок", странным эхом отдававшихся в туннелях пещеры. Завтра они снова приступят к работе, ломая голову над тем, как создать надлежащий процессор команд для нового типа компьютера, но сегодня вечером они могли бы выпустить пар.

"Как и Том," - сказал Сэм, опускаясь на свой стул и откидываясь на спинку, чтобы изучить акустическую плитку на потолке. Эл поморщился, посмотрев на уровень содержимого в бокале своего друга, которое было значительно ниже его собственного. Обычно Сэм не был сентиментальным. И сейчас его голос не звучал сентиментально, а был просто...задумчивым.

"Знаешь, если бы Том не погиб во Вьетнаме, я бы не смог остаться в школе. Ферма...ну, ты сам помнишь, что собой представляли фермы в далёких семидесятых. Они разорялись, обучение в "Массачусетском Технологическом Институте" было дорогим, даже со стипендией. Но Том умер и он назначил меня своим наследником. И я потратил эти деньги, чтобы остаться в школе". Сэм сделал большой глоток из своего бокала. "Меня бы здесь сегодня не было - ничего из этого сегодня здесь бы не было - если бы Том не умер". Он допил спиртной напиток, взял бутылку, пару раз взболтнул оставшуюся жидкость и снова поставил её, не наполняя бокал.

"Но знаешь, Эл, я бы всё это бросил в одну секунду, если бы он мог войти в эту дверь."

"Ты не можешь знать наверняка, что тебя бы здесь не было," - возразил Эл. "Ты бы нашёл способ остаться в школе. Ты не мог не ходить в школу. Только не с твоими

мозгами.

Ты бы получал студенческие займы, стипендии, гранты."

Сэм улыбнулся и самоуничижительно пожал плечами.

"Может быть."

"Никаких "может быть";" - преданно сказал Эл. Он допил свой бокал и снова наполнил его. В конце концов, это был праздник.

"Есть и другие вещи," - продолжал Сэм, не обращая внимания на возражение Эла. "Я хотел бы изменить другие вещи..."

Он так и не закончил это предложение. Вместо этого он сделал паузу, осушив и снова наполнив свой бокал, прежде чем продолжить.

"Это в равной степени относится и к Себастьяну Ло Нигро, и ко всем остальным," - сказал он, как бы самому себе. "Он был тем, кто действительно показал мне, что для

этого нужно". Он снова отпил из своего бокала.

"Время," - продолжил он более мягко. "Меняющееся время. Он часто говорил, что это было бы похоже на разгадывание кроссворда в четырёх измерениях, когда нужно

убедиться, что ты не меняешь неправильные вещи. Как роман "Колыбель для кошки";" - Сэм усмехнулся сам себе. "Теория струн.

Сверни нить своей жизни так, чтобы каждый

день соприкасался с другим днём, и путешествуй назад и вперёд от одного места на нити к другому..."

Эл промолчал, уважая настроение своего собеседника.

"Тебе придётся сохранять случайность," - мечтательно продолжал Сэм. "Ты должен быть уверен, что не пытаешься изменить вещи намеренно, чтобы сделать их такими, какими,

по твоему мнению, они должны быть. Ты можешь всё испортить, и в итоге разрезать нить на мелкие кусочки..."

И он снова начал вглядываться в пространство, выполняя свою собственную мысленную программу.

Было что-то - может быть, это была смерть Тома, а может быть что-то ещё, - что побудило Сэма создать способ взглянуть на прошлое, что двигало им с самого начала. Когда

многофункциональный компьютер в одиночку не смог бы этого сделать, производя миллиарды вычислений в секунду, он решил, что компьютеру нужна не просто нечёткая логика,

а сила человеческого вдохновения. Сэм пошёл дальше и получил докторскую степень по медицине, чтобы лучше разбираться в человеческом мозге, в физике, электротехнике и

других вещах, чтобы он мог спроектировать тканевые клетки для нового компьютера.

"Должны быть правила," - внезапно сказал Сэм. "Абсолютные, нерушимые правила. Нельзя изменить прошлое. Если изменить прошлое, то изменится всё, что исходит из этого

прошлого, и это приведёт к созданию парадокса. Я должен помнить об этом. Нужно встроить это в модуль этики."

"Модуль этики?" - буркнул Эл. Только Сэм Беккет мог говорить о внедрении этики в компьютер. "Я даже не могу сказать, какой из этих модулей является речевым

синтезатором!"

"Над этим тоже нужно немного поработать," - признал Сэм. "Но пока что, всё, определённо, получается". Он ещё раз поднял свой бокал и на его лице появилась полуулыбка.

"За Зигги!"

Эл покачал головой и чокнулся своим бокалом с бокалом Сэма.

"За Зигги - и за все сюрпризы, которые он может преподнести!"

Весна, 1995

...Оказавшись перед выбором - доказать свою теорию или лишиться финансирования...

"Меланхолия всего законченного!" - Фридрих Вильгельм Ницше

[ГЛАВА 15]

Джесси Оливера быстрым шагом шла по тротуару, а на её плече болталась сумочка. Всегда было приятно быстро покончить с неприятными вещами, а встречи с Йеном

Сюиэ-Лунгом были, как правило, неприятными.

Этот человек ей не нравился, никогда не нравился. Он относился к ней с презрением. Иногда она задавалась вопросом, зачем

вообще ввязалась в это дело.

В то время это казалось рациональным и хорошо продуманным решением. Её жених, Крис Джансик, был членом организации, и она могла помочь ему, передавая мелочи, которые узнавала на собраниях на работе. Ничего важного, конечно, но Крис познакомил её с Йеном и другими лидерами движения. Потом, пять лет назад, Крис пропал без вести. Она была уверена, что нелуддиты что-то знали об этом.

Но она так и не смогла ничего доказать и через некоторое время перестала получать известия о Крисе. Тем временем она обнаружила, что вовлекается всё больше и больше, передавая всё больше и больше лакомых кусочков. И вот однажды Йен попросил её выяснить кое-что конкретное. Она сделала это не задумываясь, так как слишком привыкла держать его в курсе событий. Она слишком поздно осознала, насколько конфиденциальной была эта информация на самом деле. "За нашего шпиона в палатах Конгресса," - поднял за неё тост Йен. Остальные добавили свои поздравления.

С тех пор она поняла, что крепко влипла.

Джесси успокаивала себя в моменты сомнений тем, что было не похоже, что нелуддиты планировали свергнуть правительство. Они только хотели убедиться, что страна не остановится в своём развитии, что энергия не будет так распыляться в попытках очистить места захоронения отходов или что-то в этом роде, что застопорит прогресс. И она поддерживала это. Любой поддержал бы. В конце концов, они были всего лишь лоббистами.

"Немедленно приходите в офис" - говорилось в сообщении. Никаких "пожалуйста" или "спасибо", как обычно это было принято у учёных. Просто жёсткий приказ. И вот она здесь, переступает через скомканный мусор и менее приятные вещи, торопясь его исполнить.

Джесси быстро поняла, что Йен был настоящим лидером, а остальные члены Консультативного Совета Нелуддитского Комитета были всего лишь номинальными руководителями. В конце концов, он был самым известным учёным. Остальные были промышленниками и финансистами, лоббистами. Очень важной частью Вашингтонского пейзажа. Люди её типа.

Только вот тогда она всё ещё надеялась когда-нибудь узнать, что случилось с Крисом Джансиком.

Теперь Крис был воспоминанием пятилетней давности, а она была шпионкой учёного, который мог быть идеалистом прогресса, а мог просто стремиться к своим личным корыстным интересам и самой высокой зарплате. Она понятия не имела. Единственное, что она получала от этого, - это надежду, что Йен ничего не скажет Джудит Дризни о том, какую змею на груди она пригрела в качестве главной помощницы. И ещё у неё была надежда, что Йен не разозлится на неё, как он однажды разозлился на какого-то парня на собрании. Он был холоден, как рептилия. Она никогда раньше не видела такого гнева. Это потрясло её больше, чем она

хотела признать.

Она снова ускорила, ожидая в тени цветущей вишни перерыва в движении, плавно уворачиваясь от арендованных туристами автомобилей, которые из-за ремонта улиц перенаправлялись через этот жилой район. Она не собиралась думать об отношениях на одну ночь и о том, что эти отношения в одночасье угасали. Это была работа, вот и всё.

Она выяснит, чего они хотят на этот раз, и попытается найти способ освободиться. Может быть, ей придётся сломаться и, в конце концов, признаться. Конечно, она потеряет работу и никогда не получит другую в Вашингтоне. А может быть, всё сложится таким образом, что у неё, уж точно, больше вообще никогда не будет хороших рекомендаций. Эта мысль заставила её слегка рассмеяться.

Именно в таком приподнятом настроении она поднялась по ступенькам и вошла в дом. Фактически, такое настроение продолжалось у неё до тех пор, пока она не встретилась с

Йеном Сюиэ-Лунгом лицом к лицу в кабинете на втором этаже белого дома в Джорджтауне. Дверь кабинета была приглашающе открыта. Она не потрудилась постучать, прежде чем войти.

Он поднял глаза. Он сидел за письменным столом спиной к окну, и из-за этого было трудно разглядеть его лицо. Однако тон его голоса был раздражённым:

"Вы опоздали."

Она пожала плечами, решив не поддаваться запугиванию:

"Вы сами не хотели воспользоваться телефоном."

Он уставился на неё так, словно находил отталкивающей, а она глубоко вздохнула и повернулась так, чтобы действительно видеть его лицо.

"Вы выглядите точь-в-точь как одна из чирлидерш в Беркли, Калифорния," - ледяным тоном сказал он. Было ясно, что это не комплимент.

Джесси была полна решимости не показывать своих настоящих чувств, и, во всяком случае, она ничего не могла поделать с новой модой на помпоны на кроссовках.

"Всё-таки, что вам нужно?" - спросила она. "Я не могу здесь находиться целый день."

Йен Сюиэ-Лунг сдержался от едкого ответа.

"У меня есть для вас важное задание."

"Ещё одно?" - желание добавить: "Я больше не буду на вас работать" было непреодолимым. Почти. Джесси знала, что лучше не предъявлять никаких ультиматумов оппоненту в

лицо. С политической точки зрения это было равносильно самоубийству. У неё было подозрение, что это могло быть самоубийством

и в буквальном смысле этого слова.

Он усмехнулся с неприятным выражением лица.

"Да, мисс Оливера, ещё одно. Я позвал вас сюда не просто для того, чтобы полюбоваться вашей красотой. В ближайшее время в отношении Проекта доктора Сэмюэля Беккета будет проведено расследование. В состав следственного комитета войдёт сенатор Дризни, и вы должны обязательно сопровождать её. Вы получите дополнительную информацию, когда прибудете на место."

"Я увижу его снова?" - слова вырвались прежде, чем она смогла их остановить. Джесси чувствовала, как к её лицу приливает кровь и отдала бы всё за то, чтобы иметь возможность повернуть этот процесс обратно. Её раздражало, что Йен, казалось, думал, что она готова на всё ради общего "дела". Хотя она полагала, что он имеет право так думать, учитывая некоторые вещи, которые она обнаружила, что делает. Копирование документов. Распространение сплетен об уязвимости людей.

Соблазнение мужчины. Спустя годы это всё ещё беспокоило её.

Она никогда не собиралась этого делать. Это не входило в приказ. Но она не ожидала, что Сэм Беккет будет так сильно привлекать её, и что это влечение будет взаимным.

Но, думая об этом сейчас, она поняла, что её влечение стало её падением.

Она тогда вернулась и рассказала Йену всё, что ей удалось узнать, а затем отправилась домой, чтобы принять душ, и мылась она довольно маниакально. Не для того, чтобы избавиться от воспоминаний о Сэме Беккете, а для того, чтобы избавиться от воспоминаний о том, что она сделала. На следующее утро она последовала за ним, чтобы

извиниться, но к тому времени было уже слишком поздно. Магическое притяжение испарилось, как будто его никогда и не существовало. Если бы она случайно наткнулась на

Беккета, если бы она не действовала по приказу, это могло бы быть чудесным знакомством. Конечно, всё произошло бы не так быстро и могло бы продлиться и дольше. Это

могли бы быть настоящие отношения, а не то, чего она стыдилась. Ей хотелось перестать краснеть.

Особенно учитывая реакцию Йена. Он улыбался.

"Нет," - ответил он, наслаждаясь этим словом. "Я не думаю, что вы снова увидите с доктором Беккетом."

"Что это за расследование?" - это была отчаянная попытка восстановить самообладание и это удалось лишь частично.

Он снова улыбнулся.

"Вы поймёте, когда услышите об этом. Я не вижу причин давать вам сейчас больше информации". Йен отвернулся.

"Вы вызвали меня в такую даль только для того, чтобы сказать, чтобы я подождала?"

Джесси подумала, что при этих словах Йен Сюиэ-Лунг обернувшись, развернётся на стуле и свирепо посмотрит на неё через стол. Но

он этого не сделал. Он просто поднял голову, уставившись в окно, и почему-то в этом было больше угрозы, чем в любом взгляде.

"Я вызвал вас затем, чтобы сказать, чтобы вы готовились."

Джесси выдержала ещё несколько мгновений. Затем она повернулась и пошла прочь, с трудом подавляя желание убежать.

Йен Сюиэ-Лунг слышал её удаляющиеся шаги. Глупая, невежественная, слабая женщина! Он презирал её и презирал Сэма Беккета за то, что Сэм когда-то испытывал к ней влечение.

Но всё это больше не имело значения. Он выбросил Джесси Оливеру из головы и занялся более важными делами.

В последнем отчёте указывалось, что компьютер Проекта "Квантовый Скачок" прошёл своё первоначальное полномасштабное тестирование. Если он достиг этой стадии развития,

то Йен Сюиэ-Лунг не сомневался, что сможет завершить его разработку. Пусть даже Беккет никогда с этим не согласится - Беккет уже выполнил свою задачу. Влияние Йена на

средства, которые уже были задействованы на Проекте, было гораздо сильнее, чем всё, что он мог использовать против Джесси Оливеры. Люди, которые присылали ему

информацию, были лояльны как по убеждениям, так и из-за страха, и они делали вещи, которые никогда бы не смогла сделать Джесси Оливера. Они сообщили ему о Бета-тесте,

и о секретной встрече, которая состоялась два года назад. Был задействован какой-то новый чип: его шпионы внутри Проекта не могли ему сказать, какой именно, потому

что, в конце концов, они были всего лишь вспомогательными сотрудниками, а не теми людьми, от которых можно было ожидать понимания настоящей науки. Но они могли

рассказать ему о реакции Живчика и Мартинес-О"Фаррелл, и из этого он мог сделать вывод, что это действительно было что-то совершенно особенное.

Теперь Йен Сюиэ-Лунг был почти готов к работе, к выполнению своего предназначения. Это была настоящая цель, а не та пародия, в которую её хотел превратить Беккет. Его

пальцы забегали по клавиатуре, словно в нетерпении ввести команды или схватить Сэма Беккета за шею.

Но он не хотел совершить ошибку, слишком торопясь. Нет. Сейчас был апрель и копии расписания Проекта показывали, что требовалось дополнительное программирование и что

были заданы не все параметры. Конечно, всегда оставались ошибки, которые нужно было устранить. Он привык к этому.

Не было никакого смысла брать на себя ответственность слишком рано и нести ответственность за чужие ошибки. В конце концов, он всё ещё был номинально подотчётен

остальным членам Совета директоров Нелуддитов. Но он также не хотел вступать в игру слишком поздно. Время решало всё.

И, конечно же, нельзя было обойтись без пиара. Ему нужно было достаточно зрелищное событие, чтобы оправдать мученическую смерть Сэма Беккета, но при этом достаточно

небольшое по масштабам, чтобы можно было спасти сам Проект. Это была довольно серьёзная проблема, которая занимала его свободное время в течении нескольких месяцев.

Месяцев, в течении которых Сэм Беккет не имел ни малейшего представления о том, что его ожидает.

Для компьютера Беккета тоже был припасён сюрприз. Он подготовил для этого собственную программу и сегодня же отправит её доверенному агенту в рамках Проекта. Конечно, она будет реализована не сразу. Но в нужное время компьютер Беккета столкнулся бы с поистине удивительными сбоями в памяти. Йен Сюиэ-Лунг улыбнулся и потянулся за орехом кешью, покатав его во рту и наслаждаясь вкусом соли.

Беккет совершенно не представлял себе, что его ожидает.

Эта мысль тоже была восхитительной.

"Зигги". Какое предосудительное имя. Он его изменит. Это будет его первый официальный акт.

Ну, возможно, второй. Первым будет хвалебная речь для бывшего Руководителя Проекта "Квантовый Скачок".

[ГЛАВА 16]

Так много правил. Так много правил, которым нужно следовать.

Не курить нигде в комплексе Проекта.

Утилизировать отходы надлежащим образом.

В главной лаборатории всегда должно соблюдаться правило присутствия двух человек.

Операторы оборудования должны быть надлежащим образом сертифицированы.

Капитаны пожарных команд должны встречаться один раз в два месяца.

Немедленно сообщать о нарушениях техники безопасности в соответствующие органы.

Обо всех происшествиях необходимо сообщать в трёх экземплярах.

Общепроектные собрания по технике безопасности должны проводиться раз в полгода. Ежегодные совещания по вопросам безопасности. Ежегодные совещания по вопросам равных

возможностей трудоустройства. Ежеквартальные совещания по оценке качества.

Запрашивать материалы по надлежащим каналам.

Носить защитные каски на строительных площадках.

Так много правил. Человек, пробирающийся по коридору к лаборатории десятого уровня, был сыт по горло правилами. Невозможно было и шагу ступить, не наткнувшись на очередное правило.

Он находился в двухстах футах под землёй, под домами из шлакоблоков, которые были внешним видом Проекта, под Ускорителем,

Голографической Камерой, Залом Ожидания и Диспетчерской, внизу, в холодильных камерах. Он направлялся к конструкторским бюро, к внутренностям машины, непочтительно названной "Зигги". Вдоль коридора тянулись кабинеты со столами, чертёжными досками и настольными компьютерами, некоторые из которых были подключены к локальной сети, а некоторые - нет. В течение рабочего дня кабинеты были заняты членами команды дизайнеров для Зигги, каждый из которых решал отдельный набор задач при создании нового и уникального творения.

Работа над дизайном была почти завершена. В результате большинство маленьких офисов были заброшены. Несколько мониторов всё ещё светились: они по-прежнему принимали данные и всё ещё устраняли некоторые ошибки в системе. Сейчас большим толчком стало создание информационных сетей. Но это не касалось уборщика.

В конце коридора находились два больших кабинета, один из которых принадлежал Тине, а другой - Сэму. Уборщик повернул ручку на двери - Руководитель Проекта и ещё несколько человек заслужили кабинеты с дверьми - и вошёл внутрь.

Он часто задавался вопросом, зачем Руководителю Проекта понадобились два кабинета, один здесь, внизу, и один наверху, на уровне Диспетчерской, рядом с кабинетом Адмирала. Логичного ответа не было. В верхнем кабинете Беккет занимался административными делами. Здесь, внизу, он работал над самим Зигги. Больше чем работал: он создал этот компьютер. Как только Зигги был запущен, Беккет иногда возвращался сюда для дальнейшего изучения, консультации со своим творением, или для действительно сложной игры в пасьянс, насколько всем было известно.

Мужчине было всё равно. У него были другие заботы. У него были инструкции.

За кабинетом находилась лаборатория, где, по слухам, Беккет разработал патентоспособный чип. Он с любопытством огляделся: его обязанности никогда раньше не приводили его сюда. Верхняя левая четверть задней стены была стеклянной, примерно от уровня пояса до потолка. Круглые отверстия в стекле вели к дистанционному манипулятору вальдо с тем, что было экранировано. А над ними на стеклянной стене висело смотровое устройство.

Верхняя правая четверть стены представляла собой открытую рабочую зону с продолжительным потоком воздуха, обеспечивающим лёгкий ветерок в остальной части помещения.

Таким образом, что бы ни подвергалось манипуляциям в открытой зоне, это было более хрупким, чем остальная среда. Что бы ни находилось за стеклянной стеной, оно было ещё опаснее.

Он уставился сквозь стекло, пытаясь понять. Набор пробирок, содержащих розовую желеобразную субстанцию, стоял на стеллажах перед набором незнакомых ему инструментов.

На столе перед пробирками лежал набор печатных плат с пустыми микросхемами, разбросанными перед ними.

В открытой рабочей зоне было больше пробирок, больше инструментов и больше плат. Он мог узнать осциллографы, кислотные ванны, новые микросварки. Большую часть этого он даже не мог назвать.

Бомба должна хорошо помешать работе, подумал он.

Он прочистил горло:

"Зигги?"

"Да?" - голос доносился отовсюду и ниоткуда и от этого по его телу пробежали мурашки. Но это было просто ещё одним шагом вперёд, в техническом прогрессе. В конце концов, он мог бы прийти к себе домой и включить кондиционер с помощью голосовой команды. Почему в таком случае, кондиционер не должен отвечать?

"Где доктор Беккет?"

Любой участник Проекта мог спросить о местонахождении кого-либо ещё и получить немедленную информацию. Большой Брат всегда следил. Уборщик слышал о том, что этот конкретный аспект даже не приходил в голову доктору Беккету, когда он попросил Живчика запрограммировать эту возможность в компьютер. Он усмехнулся сам себе. Доктор Беккет был боссом. Он был Руководителем. Конечно, это приходило ему в голову.

Он не мог понять, откуда Зигги знает, кто где находится, но звуковые датчики были в каждой части завершённого Проекта. По крайней мере, компьютер не мог видеть, что он делает. Во всяком случае, он на это надеялся.

"Доктор Беккет находится в кафетерии Проекта."

Кафетерий находился на некотором расстоянии. Если он хотел быть уверенным, что всё идёт по плану, то ему стоило начинать. Пронести бомбу на Проект было не так уж сложно. Это было чужой идеей и бомбы тоже не входили в его компетенцию. У него были серьёзные угрызения совести, когда к нему пришли его инструкции. Эти муки совести ослабли, когда его заверили, что на самом деле никто не пострадает. Однако время решало всё, и доктор Беккет должен быть вызван вовремя, чтобы увидеть разрушения. Желательно, чтобы всё ещё клубился дым.

Поэтому было важно, чтобы это произошло до прибытия Беккета, но не слишком надолго. Он был уверен, что у него ещё много времени. Итак, злоумышленник установил таймер, положил бомбу на вращающийся стул и сказал: "Зигги, пожалуйста, сообщи доктору Беккету о чрезвычайной ситуации в его

лаборатории разработки". Затем он начал обыскивать лабораторию в поисках наборов микросхем.

Но он не был экспертом. Он не мог увидеть встроенную задержку и сопоставить её с таймером. Он нервно поглядывал на шестидюймовую квадратную упаковку и решил уйти пораньше. Прошло почти девять минут. Чтобы добраться из кафетерия до лаборатории разработки, требовалось, по меньшей мере, четырнадцать минут, даже если сильно спешить. В конце концов, ему нужно было время, чтобы прийти в себя.

Но упаковочный пакет выглядел довольно очевидно и бросался в глаза, находясь на том месте.

Он потянулся за ним, намереваясь положить его в более подходящее место. Он передвинул его.

Он взорвался.

До этого момента никто толком не знал уборщика.

Он не был учёным и не должен был им быть: он был всего лишь вспомогательным работником, тем, кто мог бы ускорить прогресс, установив одну или две бомбы. Он был одним из десятков участников бурной деятельности Проекта "Квантовый Скачок". Его жизнь была записана в бесконечных деталях в анкетах кадровой безопасности, которые исправно обновлялись каждые пять лет, а его друзьям и знакомым задавались формальные вопросы о его финансовом положении, сексуальных предпочтениях и его лояльности к государству.

Как личность он по-прежнему оставался загадкой, по-прежнему не имел значения, но его высоко ценили на работе: он был почтительным, был рад быть полезным, политичным, осторожным и дотошным. У него была небольшая, но важная работа, о которой должно было помнить Руководство Проекта. Никто из них не знал его по имени, которое было Риизлиард, но с тем же успехом могло быть Розенкранц.

Но как только бомба взорвалась, он, в отличие от Розенкранца Гильденстерна или Дж.Альфреда Пруфрока, стал действительно очень важным человеком. Ничто не было так важно в его жизни, как уход из неё.

Сэм Беккет находился у входа в главный кабинет, когда в лаборатории взорвалась бомба. Из-за расстояния сила взрыва несколько уменьшилась, но всё равно повсюду

разлетелись бумаги, сработала сигнализация, сработали системы пожаротушения и из двери его кабинета вырвалось облако дыма. Вернее, из того, что раньше было дверью в его кабинет...

"Зигги!"

"Да, доктор Беккет?" - голос компьютера был до странности невозмутимым.

"Что случилось?"

"Произошёл взрыв."

"Я вижу, что..." - Сэм закашлялся от дыма. "Что происходит? Кто-нибудь пострадал?"

"У меня нет визуальных датчиков в лаборатории," - сказал Зигги. В его голосе звучала обида. "Однако человек, который вошёл, больше не выходил. Я предполагаю, что этот человек..."

Но предположение так и осталось невысказанным, когда внутрь двинулась пожарная команда.

Сэм схватил кислородную маску и присоединился к ним, стараясь не мешать работе пожарных, не загромождая им дорогу и продолжая искать взглядом "этого человека". Его

кабинет был разрушен, но стена между ним и лабораторией приняла на себя большую часть силы от взрыва.

Спринклеры отключились. Сэм убрал обломки с дороги, чтобы добраться до тела, распостёртого у верстака. Он едва бросил взгляд на руины защищённых помещений, хрустя разбитым стеклом и вытирая с лица пот, чтобы лучше видеть.

Стало сразу очевидно, что его навыки врача будут бесполезны. Было уже слишком поздно что-либо предпринимать.

Теперь оставалось только навести порядок и выяснить, что произошло - и почему.

Ни жизнь Уильяма Риизлиарда, ни то, как он из неё ушёл, не имели значения для Йена Сюиз-Лунга, за исключением того, что этот человек делал то, что ему говорили. Важно было не то, что он умер - в отличие от Риизлиарда, Йен этого ожидал. Важно было то, что он потерпел неудачу. На самом деле, он был жестоко проклят. Либо бомба

взорвалась раньше времени, либо этот дурак слишком поздно вызвал Беккета. Они оба должны были быть мертвы. Новости от его оставшегося контакта в рамках Проекта были глубоко раздражающими.

Как оказалось, мёртв был только один из двоих, и эта смерть была бесполезной. На примере Беккета он мог бы привести доводы в

пользу мученичества, но теперь весь

Проект оказался под угрозой дискредитации. У Йена Сюиэ-Лунга не было никакого желания брать на себя руководство дискредитированным Проектом. Это была самая досадная ошибка.

К счастью, ситуация не была безвыходной, пока ещё нет. Расследование, на которое он рассчитывал, всё равно продолжалось бы. У него всё равно кто-то будет на месте.

Конечно, первоначальный план пришлось бы несколько изменить. И он не был уверен, что сможет убедить Джесси Оливеру совершить убийство. Но он определённо мог получить дополнительную информацию о Проекте.

Он отказывался сдаваться. Однажды он получит этот Проект, и он будет использовать его так, как он был задуман.

Джесси Оливера сидела на краю своей кровати, положив руку на телефонную трубку и невидящим взглядом уставившись в пространство. Это было он. То самое расследование, о

котором говорил Йен Сюиэ-Лунг: несчастный случай со смертельным исходом на Проекте "Квантовый Скачок".

И, конечно же, будет проведено расследование. Она была уверена, что сможет уговорить Дризни включить себя в состав следственного комитета по расследованию - нет

ничего проще: Дризни в любом случае входила в комитет по надзору за Проектом. И куда бы ни отправилась Дризни, туда же и отправится её помощница по административным вопросам.

И на этот раз её встреча с Сэмом Беккетом могла быть более чем случайной. Она могла на это надеяться. По крайней мере, на этот раз, она не уйдёт так быстро.

Йен знал, что произойдёт несчастный случай.

Йен сказал, что она больше не увидит Беккета.

Она сделала очень глубокий вдох, чувствуя, как воздух наполняет её лёгкие и верхняя часть её тела приподнимается, когда лёгкие расширяются. Нелуддиты же не могли быть причиной смерти человека? Они были политической группой, а не кучкой террористов. Она знала их, многих из них. Они были не такими людьми.

Но она начала задаваться вопросом, имеют ли они хоть какое-нибудь отношение к Йену Сюиэ-Лунгу.

Откуда Сюиэ-Лунг знал, что произойдёт несчастный случай, который нужно расследовать? И если он знал это, потому что сам это и подстроил, то означает ли это, что он подстроил и смерть человека?

И умер ли тот человек, что планировался?

Джесси Оливера вздрогнула и подумала, что, ей, возможно, не следует разрывать свои связи с Йеном и к чёрту репутацию и гнев.

Известие о несчастном случае застало Джудит Дризни в разгар игры "Тривиальная Погоня", в которую она играла вместе с внуками. Она поднялась с пола, где была установлена доска и ответила на звонок с чувством благодарности - они играли в спортивное издание, и она вытянула слишком много вопросов о футболе. Конечно, это было весело, но она просто не очень интересовалась футболом, а её сын Мэнди был в её команде и знал о футболе всё, что только можно было знать. Когда она брала трубку, то посмеивалась про себя.

Но голос Сэма Беккета значительно испортил ей настроение.

"Что значит, "погиб человек"?" - резко спросила она. "Что у вас там происходит? Неужели у вас нет никакой охраны?"

На другом конце телефонного провода Сэм закрыл глаза.

"Да, мэм, охрана есть. Мы пытаемся выяснить, что произошло."

"Вы уверены, что есть только один пострадавший?"

"Да, мэм. Уильям Риизлиард," - Сэм пролистал личное дело, которое ему предоставил извиняющийся менеджер по персоналу.

"Он...он был...холост, без семьи..."

"Слава Богу," - подумал Сэм. Он не хотел, чтобы ему пришлось сообщать жене, родителям или детям, что их близкий человек умер, работая на него. Было необычно найти человека, у которого вообще не было родственников. Сэм благодарил свою счастливую звезду, испытывая при этом отвращение к собственной трусости.

"Это был несчастный случай или преднамеренный саботаж?" - требовательно спросила Дризни.

Сэм вздрогнул. Это был не тот разговор, который он хотел вести по небезопасной линии. Он не разделял одержимости правительства секретностью, но всё же...

"Беккет? Ты здесь?"

"Да, сенатор. У нас пока нет ответа на этот вопрос."

"Похоже, у тебя на многое нет ответов," - огрызнулась она. "Я думаю, что нам лучше найти эти ответы."

"Мы работаем над этим," - заверил он её.

"Вы должны меня извинить, если я не приму это за чистую монету. Я собираюсь настаивать на полномасштабном, объективном рассмотрении того, что у вас там происходит. Похоже, что у вас больше проблем, чем вы можете решить. Бомбы? Погибшие люди? Так не пойдёт, доктор Беккет. Я хочу знать, что происходит."

"Также, как и я," - заверил её Сэм. "Также, как и я."

[ГЛАВА 17]

Проблема Уильяма Риизлиарда не является неразрешимой. Однако в зарегистрированных данных имелись пробелы, из-за которых было трудно делать абсолютные выводы. Судя по всему, он был асоциальным человеком, который почти не оставил физических свидетельств своего существования.

Или, как сказал бы на это мой отец, он был настоящим занудой.

Два плюс четыре равно семьдесят восемь.

Эл Калавичи был на войне и повидал на своём веку много мертвецов. И всё равно ему это не нравилось. Каждая, прежде рациональная косточка в его теле содрогалась от суеверного ужаса при мысли о насильственной смерти в лаборатории.

Было проведено первоначальное расследование, извлечены части бомбы, реконструировано зажигательное устройство, разрушенное оборудование и приборы были убраны. Сэма мягко, но твёрдо отстранили в сторону, пока криминалисты проводили свои измерения, записывали информацию, и делали снимки, которые должны были быть немедленно засекречены. Теперь оставалось только разгрести завалы и убирать мусор, и Сэм не позволил бы никому сделать это за него. Так что, как бы это не было ужасно, но через пять ночей после взрыва, Элу пришлось отправиться в лабораторию, чтобы его найти.

У Сэма были метла, совок для мусора, ведро и тряпка. Это могло бы быть очень хорошим примером по-настоящему хорошего ведения домашнего хозяйства, если бы не пятна крови. Эл, стоя в дверном проёме спиной к руинам, которые раньше были кабинетом Сэма, скривился от отвращения.

"Как ты можешь это выносить?" - спросил он, наблюдая, как Сэм старательно оттирает следы на стенах. "Это...это же не вся кровь, ты же знаешь..."

"Я знаю," - тихо ответил Сэм, не оборачиваясь. Он замолчал, опёрся рукой о стену и потёрся лбом о предплечье. "Я знаю, что это такое. Я просто хотел бы знать, почему."

Эл оглядел руины лаборатории.

"Ты сохранил что-нибудь?"

Сэм пожал плечами, бросая тряпку обратно в ведро.

"Некоторых вещей здесь не было," - он огляделся по сторонам. "Большая часть работы уже выполнена. Я был почти готов закрыть это место, за исключением нескольких деталей. Не было никакой причины это уничтожить."

Эл осторожно переступил через свежeweмытый пол, подтащил один из стульев, которые принёс Сэм, и сел.

"Ну, если посмотреть на время, уничтожение этого не было целью."

"Ты тоже это заметил?" - улыбнулся Сэм. "Зигги говорит, что он позвонил мне отсюда. Если бы я был немного быстрее, то тоже бы погиб."

"Значит, это была подстроена ловушка для тебя. Вероятно, он рассчитывал на то, что к тому времени, как ты доберёшься сюда, его уже тут давно не будет."

Сэм молча кивнул.

"У тебя есть какие-нибудь мысли, почему..."

"Разве ты не думаешь, что я хочу это знать?" - воскликнул Сэм, швыряя покрасневшую тряпку через всю комнату. "Я не знаю, зачем кому-то понадобилось меня убивать! Я не знаю, зачем кому-то понадобилось вообще кого-то убивать!"

"Ты знал этого парня?"

"Нет! Я видел его - он работал здесь. Но я никогда с ним не разговаривал. Я никогда не имел с ним ничего общего. Он был одним из ремонтной бригады. Он был назначен на участок Эда Уильямса," - Сэм сползал вниз по стене, пока не оказался сидящим на полу, и поднял глаза на Эла. "Я никогда не знал его," - повторил он.

Эл принял это и попытался смягчить боль своего друга аналитическим обсуждением.

"Служба Безопасности закончила проверку? Может быть, им нужен был вовсе не ты."

"Нет," - Сэм скомкал в кулаке ещё одну тряпку и сжал её, отчего между пальцами его правой руки потекли струйки розовой воды и чистящей жидкости. "Они всё ещё ищут. И я даже не знаю, скажут ли они мне что-нибудь."

Эл приподнял одну бровь.

"Им бы лучше это сделать," - сказал он с уверенностью бывшего Адмирала.

Губы Сэма скривились, как будто он откусил что-то особенно кислое.

"Они не работают на меня," - напомнил он Элу. "И здесь со дня на день - Бог знает когда - появится Дризни со своей свитой и снова заставит нас всех пройти через это. Все вопросы, все отпечатки пальцев, всё это дерьмо. Как будто они смогут найти что-то, что упустили профессионалы". Он ткнул пальцем в пятно на линолеуме - это был след от ботинка, не имеющий отношения к нынешней катастрофе, как с радостью отметил Эл. "Нам всем придётся пройти через наши испытания, только на этот раз они будут связаны с тем, насколько мы компетентны."

"Они не найдут там ничего плохого," - преданно сказал Эл. "Это была не твоя вина."

"Откуда мне знать?" - голос Сэма звучал хрипло. "Что я сделал Биллу Риизлиарду? Зачем ему понадобилось вызывать меня сюда?"

"Потому что ты - босс," - быстро ответил Эл. "Ты - символ. На самом деле к тебе лично это не имеет никакого отношения. Послушай, этот парень был идиотом, настоящим неудачником. Он хотел взорвать что-то важное. Поэтому он выбрал самое важное, до чего мог дотянуться. Он просто был настолько туп, что не знал, как установить таймер, вот и всё."

"Хотелось бы мне в это верить," - Сэм снова беспомощно огляделся вокруг. "Хотелось бы..."

"Поверь в это," - Эл посмотрел вверх на трещины в стене, желая сменить тему. Он не привык видеть Сэма таким и ему было не по себе. "Что случилось с твоими культурами?"

"Исчезли, большинство из них," - в голосе Сэма не было жизни. "Всё, что здесь было, исчезло."

"Ты же не собираешься больше проделывать дырки в моих пальцах, правда?" - тревога Эла была преувеличена лишь отчасти: иглы он не любил почти так же сильно, как мёртвые тела. Но он хотел вернуть внимание Сэма к тому, что происходит здесь и сейчас - как-то рассмешить его или разозлить. Что угодно, только чтобы вывести его из нынешнего состояния. В ответ он получил кривую улыбку.

"Больше никаких дырок," - сказал Сэм. "Если у Зигги не хватит воображения сейчас, то этому уже никак не поможешь."

"Значит, ты можешь собрать свой компьютер?" - кривая улыбка была лучше, чем ничего.

"Значит, я могу путешествовать во времени," - Сэм снова прислонился лбом к руке и Эл не мог видеть его лица.

Это было категоричное и бескомпромиссное заявление. Сэм откинулся назад, швабра прислонилась к его плечу и под безумным углом наклонилась к стене, ведро с водой, в котором по-прежнему булькала бледно-розовая жидкость, было покрыто мыльной пеной. Его рубашка была мокрой от пота и пятен от воды, а его ботинки, носки и штанины брюк промокли насквозь. Он выглядел как очень неумелый уборщик. Ему было всего сорок два года, но он выглядел ещё моложе, его лаборатория превратилась в

руины, и...

"Так ты наконец-то сможешь увидеть прошлое, да?"

"Я смогу вернуться в прошлое," - спокойно сказал Сэм, глядя на него снизу вверх. По линии его подбородка стекала струйка пота. Эл посмотрел на него сверху вниз и понял, что Сэм имел ввиду именно то, что сказал. Это не должно было вызывать удивления: обычно Сэм имел ввиду то, что говорил.

"Я не шучу. Я создал этот компьютер для того, чтобы лично я мог путешествовать во времени, и я собираюсь это сделать," - теперь он поднял голову и, не дрогнув, встретился взглядом с Элом.

"Я всегда говорил тебе, что именно этого я и добивался," - продолжал он. "Это практически сделано. Голографическая Камера почти готова. Я должен установить ограничения и параметры для Ускорителя. Но я смогу это сделать только в пределах своей собственной жизни," - скрупулёзно добавил он. "Я не смогу вернуться в прошлое раньше 1953 года. Это связано с клетками. Теория струн гласит, что при наличии соответствующей связи, вы можете путешествовать в пределах вашей собственной жизни, из точки в точку. Я подумал, что используя твои клетки, я смогу перенестись ещё дальше, к моменту твоего рождения. Возможно, я смогу. Надо посмотреть. Возможно, это зависит от того, ты это сделаешь или я. Но я знаю, что смогу это сделать."

"Ты уже проверял это?" - осторожно спросил Эл.

"Ту часть, что касается путешествий?" - Сэм выглядел озадаченным, вытер пот и посмотрел на пятно, оставшееся у него на руке, как будто понятия не имел, как оно туда попало. "Нет. А что?"

"Тогда откуда ты знаешь, что это сработает?"

"Теория говорит, что сработает," - терпеливо объяснил Сэм.

"Ага," - Эл потянулся в карман жилета за сигарой, поймал взгляд Сэма и помахал ею вокруг, не зажигая. "Ладно. Ты можешь путешествовать во времени, вплоть до 1953 года. Но ты всё ещё не ответил на мой вопрос. Зачем?"

Сэм отвёл взгляд.

"Потому что ЭТО там," - сказал он. Сэм поднялся на ноги, гибкий и спортивный, несмотря на своё неудобное положение, и поднял ведро.

Эл открыл рот, чтобы возразить своему более молодому другу, но затем снова закрыл его. Сэм не хотел отвечать на этот вопрос. Что ж, он имел на это право.

"Тебе не кажется, что департамент будет немного недоволен этим?" - мягко спросил он, жалея, что у него нет спичек. "В конце концов, всё, за что они платят - это

компьютер."

"Они и получают компьютер," - сказал Сэм. "Они получают самый лучший компьютер в мире. Я собрал здесь самых элитных учёных, Тину, Живчика и всех остальных, и мы создали самый лучший компьютер, который они когда-либо видели."

"Твои мозги и моя внешность," - ухмыльнулся Эл.

"Твои мозги и мои," - поправил его Сэм. "И Зигги. Теперь мы связаны. Когда путешествую я, ты можешь найти меня. Когда путешествуешь ты..."

"Я не собираюсь путешествовать во времени!" - Эл с силой прикусил сигару, как вдруг ему в голову пришло кое-что ещё. "Сэм, Зигги нужен им для экономических прогнозов, для военных оценок, но если это твой разум... Сэм, может ли кто-нибудь ещё использовать эту штуку?"

"Могут ли они использовать меня? Или тебя?" - настроение Сэма изменилось, стало обречённым. Это заставило Эла занервничать. Он видел, как такое же настроение овладевало мужчинами, которые отправлялись на вылазки, из которых они уже никогда не возвращались. Чёрт, он и сам это чувствовал. Это стоило ему шести лет жизни в клетке во Вьетнаме.

"Правительство использовало меня большую часть моей жизни," - заметил Эл.

"Я создал Зигги для того, чтобы путешествовать во времени," - повторил Сэм, поворачиваясь, чтобы осмотреть руины. "Это не имеет значения."

"Я бы сказал, что имеет," - возразил ему Эл. "Ради Бога, Сэм, кто-то пытается тебя убить. Ладно, возможно, Проект зашёл слишком далеко, чтобы его можно было остановить. Но если ты умрёшь, это его остановит, не так ли?"

"Я не собираюсь умирать."

"Сэм, тебе что-нибудь говорит слово "гордыня"?"

Сэм тихо рассмеялся.

"Я думаю, что это завело тебя прямо за поворот," - Эл встал и для пущей убедительности потыкал сигарой в воздухе. "Это важно, чёрт возьми. Прежде чем ты отправишься путешествовать во времени, тебе лучше защитить свой фланг. Тебе лучше сначала выяснить, кто пытается тебя убить и предотвратить это. Потому что в следующий раз у них это может получиться. И что тогда будет с твоим путешествием во времени?"

[ГЛАВА 18]

Поздним вечером Сэм Беккет лежал в постели один, глядя вверх в бархатистую темноту. Безумная, летящая, дикая уверенность его настроения покинула его, и он остался наедине с собой, своей теорией и своими мечтами.

В такие моменты он думал о Донне Элиси и гадал где она и чем занимается. Она как раз покидала Проект "Звёздный Свет", когда он поднялся на борт, и она сразу привлекла его внимание: каким-то образом ему удалось проследить за ней и пригласить на свидание. Он знал её всего месяц - самый длинный и самый короткий месяц в его жизни.

В конце этого месяца они должны были пожениться. Но она бросила его у алтаря.

А что, если бы она была там и ждала его? Был бы он сейчас один? Был бы он вообще сейчас здесь?

Нет. Этот момент был суммой всех моментов.

Если он хотел быть здесь и сейчас, он должен был принять всё, что привело к этому моменту. Изменение вещей изменило бы настоящее время.

А он уже слишком многим пожертвовал ради этого момента. Он пропустил последнее прощание с собственным отцом, потому что эксперимент находился в сложной фазе, и его мать так и не простила ему этого. Он звонил ей каждый год на День Матери, день рождения и Рождество, но он не видел её много лет. Даже когда на него напали в Вашингтоне, она не оставила свой дом на Гавайях, чтобы навестить его. Как и его младшая сестра. Они ему позвонили, но разговор получился натянутым и неловким, и все трое были рады, когда он закончился.

Иногда Сэму казалось, что второй муж Кэти, мужчина, которого она встретила после того, как, наконец, освободилась от жестокого ублюдка, за которого вышла замуж в первый раз, заменил обоих сыновей Беккет в плане материнской привязанности. На самом деле Сэм не мог винить её за это. Том был мёртв, а Сэма никогда не было рядом, когда он был нужен. Вместо него рядом был Джим Бонник. Он был хорошим и добрым человеком, замечательно относился к Кэти и детям, и им просто не был нужен отсутствующий брат-сын-дядя.

И он ненавидел это: Сэм любил свою мать и свою сестру, и он не понимал, что в нём самом было такого, что отделяло его от них, от всех. "Интеллект, который появляется один раз в поколение"? Так выразился один из профессоров Тома, когда Сэм думал о том, чтобы не поступать в "Массачусетский Технологический Институт". Или же у него был настолько другой склад ума, что он даже не мог поддерживать связь с собственной семьёй, не смог удержать женщину, на которой хотел жениться, и не смог даже

удержать рядом женщину, с которой познакомился однажды в Вашингтоне?

Жизнь была подобна струне: её можно было натянуть, и там, где она соприкасалась, можно было перейти от одной части струны к другой. Ты мог видеть, что произошло. Но

ты не мог этого изменить. И даже если бы в прошлом был способ схватить кого-нибудь и сказать: "Нет, Кэти, не выходи замуж за этого придурка", то ты бы не смог этого

сделать. Потому что это оборвало бы струну и где бы ты тогда был? Настоящее время может просто исчезнуть.

А если бы он мог сказать: "Том, не отправляйся во Вьетнам"? Смог бы он пожертвовать ради этого своим настоящим временем?

Сэм закрыл глаза и сделал глубокий, прерывистый вдох. Да, он пожертвовал бы всем, даже самим Проектом, ради этого шанса, за исключением... Это было бы не просто его

собственное настоящее время, которое бы исчезло. Это было бы будущее и других людей тоже.

В любом случае, всё это было спорно. Теория гласила, что он мог наблюдать, видеть и слышать, но не прикасаться и не взаимодействовать. Не мог ничего изменять. Ещё не

был создан компьютер, который позволил бы времени измениться. Чтобы это произошло, такой компьютер должен был бы находиться вне самого Времени.

Настоящее время просто должно было остаться нетронутым. В этом случае, он бы застрял во времени с тем, кем он был, чем он был и где он был.

Его апартаменты в Проекте "Квантовый Скачок" были его единственным домом. У него был склад в Альбукерке, где хранились мелочи, накопленные им за сорок два года. Если

бы Донна ждала его, то у него не было бы этого склада для хранения вещей. У него, вероятно, был бы где-нибудь дом, загородное ранчо или каркасно-штукатуренный дом из

искусственного самана. Он бы работал в той или иной лаборатории, ворча по поводу замораживания заработной платы, ругаясь на своих детей, и задаваясь вопросом о том, как окончание холодной войны и сокращение расходов на оборону скажутся на его пенсионном плане и сможет ли он позволить себе отправить своих детей в колледж.

Дети. Сэм закрыл глаза, защищаясь от темноты, от мыслей и приступа печали, но это не помогло. У него не было детей. У него никогда не было времени. Он всегда работал,

за исключением того месяца с Донной. У него было шесть докторских степеней; он мог говорить на семи языках, включая японский, испанский, немецкий и французский. Он

мог читать ещё на четырёх языках, на которых не говорили веками, мог читать даже иероглифы. Он поддерживал себя в форме: он использовал боевые искусства для тренировок. Но у него не было детей.

И, судя по всему, уже никогда и не будет.

Остался ещё один этап программирования, всего один, и всё будет закончено. Он сможет войти в Голографическую Камеру и

сказать Зигги, чтобы компьютер создал поле, которое позволило бы ему видеть время и тогда он сможет вернуться назад и выяснить, почему ушла Донна, он мог бы быть там, когда умер его отец. Он мог бы быть рядом с Томом в его последний момент. Никто не смог бы его увидеть, и он не смог бы ничего сделать, чтобы изменить и исправить ситуацию и как-то помочь, но, по крайней мере, Сэм бы знал, как Том оказался в этом месте, в это время, один. Как, и почему. Возможно, этим он смог бы даже искупить, хотя бы перед самим собой, некоторые из своих грехов бездействия.

Каковы были все варианты и когда они начались? Он снова уставился в потолок, вернее, туда, где был потолок, куда-то в темноту. Что было бы, если бы он не взял в руки ту книгу по шахматам, когда был маленьким? Имело бы это значение, или он всё равно по-прежнему был бы здесь, просто не умея играть?

Учебник по математике, который его няня оставила в тот день - что было бы, если бы он никогда в него не заглядывал? Что, если бы она была немного аккуратнее в том, что касается уборки своих вещей?

Сэм вздохнул так сильно, что простыня соскользнула вниз, а по его груди и рукам побежали мурашки. На Проекте было очень прохладно. Сэм снова натянул простыню и заставил себя отвлечься от "что, если" и вернуться к некоторому подобию научной объективности.

Он знал, что сегодня ночью ему не удастся заснуть. Сэм подумал о том, чтобы встать и приготовить чашку кофе без кофеина в кофеварке на четыре чашки, который входил в стандартный набор во всех подразделениях Проекта, но даже эта мысль не вызвала у него энтузиазма. Ему нужно было закончить прогрессии и включить последний блок данных. Это был финишный рывок, но он не мог пойти на него, пока не закончится официальное расследование.

Сэм никак не мог отделаться от мысли, что кто-то, возможно, пытается его убить. Смерть Риизлиарда была трагедией, но мысль о том, что ему, Сэму Беккету угрожает опасность, была лишь досадной помехой, препятствием для завершения его работы. Ещё шесть месяцев работы, и он сможет войти в Камеру - но сначала нужно было навести порядок. Лаборатория была лишь поверхностной проблемой. Расследование было самой трудной частью. Оба расследования, судебно-медицинское и конгрессное.

Сэм снова вздохнул. Ему хотелось просто передать эти дела Элу и продолжить свою работу. Он отказывался принимать всерьёз предположение о том, что кто-то может хотеть его убить. Это был ужасный несчастный случай, только и всего. Просто несчастный случай. И теперь он должен был смириться с последствиями.

Сэм ненавидел такие вещи. Он не хотел разбираться с такими делами. Он хотел заниматься наукой. Сэм начал прокручивать в уме формулы, проскальзывая через первую, знакомую, проверенную часть, с лёгкостью долгой практики. Вторая сотня страниц или около того была немного сложнее. Это был тот момент, когда ветви возможностей начали расти, соединяться, переплетаться. Третья сотня страниц формул погрузила в сон даже Сэма Беккета.

Джесси Оливера раньше никогда не летала на самолёте "Кинг-Эйр". Она со всей силы вцепилась в подлокотник, с ужасом наблюдая, как сенатор Дризни спокойно поворачивает окно, чтобы поляризовать лучи позднего летнего солнца. Четверо других пассажиров, казалось, тоже восприняли весь процесс вполне спокойно. Они рылись в портфелях, негромко переговариваясь о досье. Этот полёт из Альбукерке был коротким, не более двух с половиной часов. Но казалось, что прошла целая вечность. Она не была уверена, в каком направлении они летели - эти поляризованные окна очень сбивали с толку и она не могла понять откуда идёт свет. Когда она смогла заставить себя выглянуть в окно, то всё, что она могла увидеть, были длинные участки прямых, как линейка, шоссе, пурпурные горы и грязь, усеянную деревьями. Во всяком случае, она думала, что это деревья. Насколько она знала, они могли ходить по кругу. Когда Джесси посмотрела вниз, то увидела похожие на муравьёв автомобили, ползущие по шоссе. Ей было интересно, знают ли их пассажиры, куда они едут. Джесси постоянно сглатывала, пытаясь выравнять давление в ушах и гадала, когда же самолёт приземлится. У неё была самая сильная головная боль за всю её жизнь. Листва уже начала окрашиваться в красный и жёлтый цвет, охотники на оленей охотились за самцами. Погода становилась освежающей после долгого лета влажности и жары, а водяная дымка в воздухе начинала рассеиваться. Это место не выглядело так, словно здесь никогда не было водяной дымки. За всю свою жизнь она никогда не видела такого сырого, пустого и безлюдного места. Джесси надеялась, что ей никогда не придётся совершить это путешествие и что ей никогда не

придётся участвовать в расследовании.

Шли дни и недели, и она начала говорить себе, что всё это было плодом её воображения, что она насмотрелась слишком много шпионских фильмов, что авария на Проекте была всего лишь несчастным случаем и что больше ничего не произойдёт, и что ей больше никогда не придётся разговаривать с Йеном. Она и забыла, что колёса правительства вращаются так медленно. Сейчас было начало ноября. Несчастный случай произошёл в конце августа. Три месяца на то, чтобы собрать полноценную правительственную аудиторскую группу, чтобы всё охватить - это было вполне достаточно, полагала она, учитывая, что большая часть бумажной работы, вероятно, была сделана ещё до того, как кто-либо из них собрал свои чемоданы, чтобы отправиться в Нью-Мексико. Только полдюжины из них действительно собирались посетить это место. Одной из них была Джудит Дризни. И, благодаря Йену, одной из них стала Джесси Оливера.

Двигатели самолёта сменили свой ровный гул, и он заложил крутой вираж. Джесси украдкой ещё раз выглянула в окно. Там ничего не было. Почему они снижались?

Когда они продвинулись ещё немного, она заметила группу зданий - Джесси насчитала четыре - и водонапорную башню. Чьё-то ранчо? - задала она вопрос самой себе. У

дороги стоял навес - длинная жестяная крыша, защищавшая ряд грузовиков и фургончиков от палящего солнца.

Джесси была настолько сосредоточена на том, чтобы попытаться увидеть, что это было, что для неё было шоком, когда маленький самолёт ударился о землю с гулким стуком, дважды подпрыгнул, и с рёвом переключил двигатели. Она удержалась от крика и схватила сенатора за руку, но к тому времени они уже были внизу, и "Кинг-Эйр" подруливал к остановке недалеко от ряда машин.

Два пассажирских фургона выехали и, подпрыгивая, покатали по пустыне к участку дороги, на котором приземлились самолёт.

Откуда ни возьмись, выбежали мужчины в

камуфляжной форме и с винтовками в руках. Охрана, поняла Джесси. Защита секретности места посадки.

Хотя, зачем кому-то бы понадобилось приходить в это место, было выше её понимания.

Если во время полёта салон самолёта "Кинг-Эйр" казался тесным, то по сравнению с суматохой вылета она была положительно просторной. Пилот двинулся по узкому проходу,

чтобы опустить три ступеньки на дорогу, а затем последовали толкание локтями, портфелями и извинениями, пока, наконец, пассажиры не начали выходить один за другим,

забирая свой багаж из камеры хранения в задней части самолёта.

Спускаясь, Джесси зацепилась каблуком за ступеньки и чуть не растянулась на бетоне. Ухватившись за край двери, она снова

поднялась, цепляясь за остатки своего достоинства. Кто-то засмеялся.

Она отошла от самолёта и огляделась. У неё в ушах всё ещё звенело от затихшего шума двигателя. От пыли и сухости у неё защипало в носу, и она почесала его. Воздух был разреженным, и она почувствовала, что у неё начинается настоящая мигрень. Головная боль, которая у неё была раньше, внезапно показалась ей пустяковой.

Далеко на горизонте Джесси могла видеть холмы со срезанными вершинами плоскогорья, точь-в-точь такие, как они выглядели на фотографиях. Приблизившись, она смогла разглядеть горы, резко выделяющиеся на фоне неба, как будто они были нарисованы синими и фиолетовыми масляными красками. "О, смотри," - сказала Дризни.

Джесси отвлекла своё внимание от дальних пейзажей и посмотрела вниз, на свою туфлю, туда, куда указывала сенатор. Там сидел маленький жёлтый скорпион, закинув хвост за спину и ощупывая двумя передними лапками кончик её правой туфли. Джесси вскрикнула и отпрянула назад, снова чуть не споткнувшись о груды багажа.

"О, это всего лишь маленький жучок," - сказала сенатор. "Он не причинит тебе вреда."

"Она думает, что это что-то из научно-фантастического фильма," - сказал один из сотрудников Главного Бухгалтерского Управления.

Джесси снова взяла себя в руки, настороженно следя за скорпионом и высматривая других представителей фауны. Она поплотнее запахнула свитер и пожалела, что не захватила с собой тяжёлое пальто. Яркий свет и бескрайнее небо были обманчивыми: здесь было чертовски холодно, а солнечный свет вообще не давал тепла. К ним подошли охранники, с винтовками, направленными на землю, и попросили предъявить удостоверения личности с фотографиями. Раздалось всеобщее ворчание и возня в поисках опознавательных знаков. Джесси попыталась улыбнуться молодому человеку, который взял у неё водительские права и сверил их с листком в блокноте. Он вернул их ей с неизменным выражением лица и перешёл к следующему человеку. У Джесси возникло неприятное чувство, что если бы фотография не подошла или если бы её имени не было в списке, то он, возможно, поднял бы винтовку и застрелил её, проявив по этому поводу столько же эмоций.

Как только все посетители были проверены по списку, охранники махнули фургонам, и они проехали последние сто ярдов, пробираясь по сильно размытой колее к взлётно-посадочной полосе, остановившись в облаке пыли.

"Как раз вовремя," - пробормотал мужчина из Счётной Палаты США. "Они должны были быть здесь, чтобы встретить нас."

"Сейчас, сейчас," - сказала сенатор. "Если мы собираемся распять их, давайте подождём, пока у нас не будет подходящего дерева,

хорошо?"

Джесси бросила на Дризни испуганный взгляд.

"Мы собираемся распять их?"

Дризни загадочно улыбнулась и повернулась к двум мужчинам, выходящим из фургонов.

"Доктор Беккет. Адмирал," - произнесла она, предвосхищая извинения. "Я думаю, вы знаете всех присутствующих здесь?"

"Не всех." - Джесси почувствовала, как взгляд Сэма Беккета скользнул мимо неё, на мгновение остановился и продолжил движение.

По крайней мере, он проявил какую-то

реакцию: он был удивлён, увидев её, хотя и хорошо это скрывал. Должно быть, он не видел списка посетителей. Он протянул руку мимо неё одному из следователей. "Сэм

Беккет. Руководитель Проекта. А это мой Административный Директор, Адмирал Элберт Калавичи."

"Отставной Адмирал," - поправил Эл. Джесси поняла, что он тоже узнал её, хотя она знала его только по чтению досье Проекта и видела его с Сэмом на слушаниях и тому

подобных мероприятиях. Джесси задумалась о том, почему он её узнал. Неужели Беккет рассказал ему всё о том случае, когда они провели вместе время несколько лет назад?

И почему он должен об этом помнить, даже если помнит Сэм?

"Найл Симпсон, старший следователь, главный бухгалтер."

"Уэс Родригес."

"Бейсли Фенн."

"Чип Незлекси."

"И, конечно, вы знаете мою главную помощницу - Джесси Оливеру," - сказала Дризни.

Джесси увидела, что это действительно поразило Сэма. Должно быть, он впервые осознал, кем именно она была. Вероятно, это несколько не улучшило его мнение о ней. Его

рука была тёплой и сухой, с крепким пожатием, и она подавила дрожь от этого прикосновения. Сэм несколько мгновений пристально смотрел на неё, а затем отвернулся.

Этап знакомств завершился, они загрузили фургоны и сели внутрь: сенатор, Джесси и один из следователей сели в один фургон, а остальные члены группы с багажом сели в другой, за рулём которого сидел Эл.

"Боюсь, здесь всё довольно по-спартански," - извинился Сэм, перебрасывая машину через подобие дороги.

Джесси, сидевшая позади него, наблюдала за ним в промежутках между подпрыгиваниями между сиденьем и крышей. Сэм не отвлекался от дороги. Предложение поговорить, если

это было именно то, что он хотел, не было услышано. Никто из пассажиров не попытался заговорить.

Все они были благодарны, когда остановились перед неприятным шлакоблочным зданием. Следователи что-то бормотали по

поводу отсутствия ремней безопасности на задних сиденьях. Джесси было интересно, понимают ли они, что их только что на милью или больше вёз учёный-лауреат Нобелевской Премии. Если и понимали, то это не компенсировало тряску.

У них было несколько минут, чтобы размяться, растереть ушибы и разобраться с пассажирами обоих фургонов, прежде чем собраться вокруг Сэма и Эла. Джесси заметила, что Адмирал Калавичи не был одет в свою форму. Он был одет в деловой костюм консервативного покроя из лёгкой ткани лесного зелёного цвета. Его рубашка была более яркой, зелёного цвета Келли. Его галстук и подтяжки в тон были весеннего цвета и зелёного цвета Келли. Они были переплетённые вместе и переливались блёстками и искрились, как ирландский вид на галактику.

Сэм был одет гораздо более непринуждённо - в джинсы, туристические ботинки и светло-голубую рубашку-поло. Джесси подумала, что он гораздо лучше вписывался в пейзаж.

Он был бледным и не загорелым, как можно было бы ожидать от человека, живущего на юго-западе в пустыне. Он щурился от солнечного света, как будто не проводил на улице много времени.

"Как некоторые из вас, возможно, уже знают," - сказал Сэм, привлекая их внимание к себе, - "Эти здания представляют собой поверхность Проекта "Квантовый Скачок". Сам Проект уходит вглубь земли более чем на двести футов."

Двести футов? Джесси снова огляделась, задаваясь вопросом, когда они вырыли землю и как им удалось восстановить это место так, чтобы оно выглядело таким образом, словно здесь десятилетиями ничего не нарушалось. Ведь пустыни были довольно хрупкой штукой.

"Это наш актовый зал и кафетерий," - продолжил Сэм, указывая на здание посади себя. "Мы, конечно, не проводим здесь секретных обсуждений. У нас также есть здание основного и аварийного генераторов..."

"У вас много проблем с электрическим питанием?" - перебил его Симпсон.

Сэм сделал паузу, ровно настолько, чтобы стало ясно, что его перебили.

"Да, проблемы есть. Мы не смогли установить солнечную батарею, а прокладка линий электропередач была проблемой. Нам требуется довольно много энергии."

"Почему вы не могли использовать солнечную энергию?" - явно придирился Симпсон. "Похоже, это единственная полезная вещь, которая здесь есть."

Последовала ещё одна деликатная пауза. Джесси видела, как зарождается настоящий антагонизм.

"Солнечная батарея, достаточная для сбора достаточного количества энергии для запуска Проекта, была бы довольно...заметной," -

тихо сказал Сэм. "Главным преимуществом строительства Проекта здесь - является его изолированность."

"Однако люди жаловались на шум в Таосе," - услужливо подсказал Бейсли Фенн. "Я помню, что читал об этом в новостных журналах."

"Мы не уверены, что это из-за нас," - вставил Эл. Сэм слегка пошевелил рукой, настолько слегка, что Джесси даже не была уверена, что это был сигнал, за исключением того, что Эл быстро утих.

"У нас также есть усадьба с ложным фасадом, которая служит в качестве охранного пункта и второй вход в лабораторный комплекс," - закончил Руководитель Проекта, указывая на них. "Мы понимаем, что у вас было долгое путешествие. Мы подумали, что вы, возможно, захотите перекусить и устроиться поудобнее, чтобы завтра приступить к работе."

"Почему?" - рявкнул Симпсон. "Почему такая задержка?"

"Может быть, потому, что я старею и была бы признательна за это," - сказала всё это время молчавшая Дризни. "Это был долгий полёт, а эта высота уже начала меня утомлять. Я помню, что Джефф Бингаман принёс на вечеринку в прошлом году немного хэтч-чили. Но у тебя здесь ведь нет ничего такого, не так ли?"

Сэм улыбнулся сенатору и Джесси почувствовала острую боль. Он однажды уже улыбался ей таким образом. Но на этот раз он смотрел сквозь неё и мимо неё. Без сомнения, он соблюдал профессиональную дистанцию. Но от этого было ничуть не легче.

"Конечно, у нас есть хэтч-чили," - сказал он. "Это основная часть рациона. Не хотите ли вы все пройти?"

[ГЛАВА 19]

Симпсона, который стоял выше по рангу, тоже перехитрили, и выражение его лица показывало, что он этого не оценил. Но он последовал за остальными внутрь разбитого, разрушающегося здания.

Внутри, к большому удивлению Джесси, не было ничего разбитого и разрушающегося. Это тоже не было чем-то необычным. Вдоль стен тянулись длинные столы в кафетерии, накрытые пластиковыми салфетками, тарелками, подносами и мисками. Здесь были плакаты в красивых рамках, и абстрактная фигура из металла, изогнутая и играющая на флейте.

Пахло здесь просто божественно. Джесси решила, что её головная боль, должно быть, вызвана чувством голода, а вид кипящих кастрюль, мисок с чипсами, сальсой, салатами и гуакамоле, подносов с хлебом, пирожными и холодного мяса и сыров, заставил её ещё сильнее почувствовать это. Очевидно, что угощение было вкусным. Большая часть маленькой компании собралась в конце стола с тарелками, столовым серебром и салфетками и начала загружаться. Симпсон направился прямо к пианино. "Кто санкционировал заявку на это?" - рявкнул он, дрожа от возмущения. "Это частная собственность," - ответил Сэм, регулируя движение и махая рукой кому-то, кто был обеспокоен жаром в сальсе. Симпсон выглядел так, будто хотел возразить, но потом передумал и заметно утих. Джесси задалась вопросом, действительно ли он просмотрел бы каждый заказ на покупку, выданный Проектом за последние четыре года или около того, просто чтобы посмотреть, сможет ли он найти хоть один с надписью "музыкальный инструмент". Должно быть, нужно было проверить тысячи заказов. Без сомнения, если бы он действительно думал, что сможет найти такой, он бы сделал это, просто чтобы смутить Сэма. Это не предвещало ничего хорошего для предстоящего расследования. Независимо от того, насколько добросовестным и безупречно чистым был Проект, аудитор всегда мог что-то найти. Симпсон был полон решимости что-то найти, и сделать из этого настолько большую проблему, насколько ему удастся. Джесси сделала пометку упомянуть об этом сенатору, и ещё одну пометку держаться подальше от Симпсона. Она не могла сделать то, что должна была, что бы это ни было, в присутствии наблюдателя: она не хотела попасть в неприятности. В ещё большие неприятности, чем у неё уже были, в любом случае. Джесси было интересно, как Йен собирается связаться с ней. Он дал ей маленький персональный компьютер-коммуникатор и проинструктировал подключить его как можно скорее. После некоторых дебатов служба безопасности приняла решение это разрешить. Так что она общалась по модему и электронной почте. Так просто. Дюжина небольших столиков была расставлена по центру комнаты. Джесси и сенатор прошли через очередь и сели. Сэм, стоявший последним в очереди, присоединился к ним как раз в тот момент, когда они принялись за еду, находя всё больше энергии в каждом кусочке. "Где Адмирал?" - спросила Дризни, запивая ложку зелёного рагу с чили неистовым глотком кофе, борясь с возникшим кашлем и стараясь вести себя так, как будто ничего не случилось. Но Джесси заметила, что она отодвинула миску с тушёным мясом в сторону. "Разве он не собирается присоединиться к нам?"

"Он уже поел," - ответил Сэм. Судя по скудости еды на его тарелке, Джесси заподозрила, что Сэм тоже уже поел и присоединился к ним только из вежливости. "Мы подумали, что сможем избежать того, чтобы нас поджарили в первый вечер вашего пребывания здесь, если вы не застанете нас обоих в одном месте одновременно."

"Умные мальчики," - усмехнулась Дризни. Юмор исчез почти так же быстро, как и появился. "У вас здесь было ФБР, не так ли?" Сэм кивнул, и Джесси впервые заметила крошечные морщинки усталости вокруг его глаз. "Они были здесь сразу после того, как это случилось, и уехали более двух месяцев назад. Результаты некоторых тестов мы получим только через пару недель," - он размял лист салата с помощью зубцов своей вилки.

"Но это была бомба," - Дризни не спрашивала, а скорее утверждала.

"Да, это была бомба," - Сэм положил вилку и сделал глубокий вдох, неохотно выдохнув. "Да."

Дризни кивнула и откусила ещё кусочек: "Которая предназначалась для тебя."

"Мы этого не знаем," - мгновенно возразил Сэм.

"Не будь дураком," - сказала она. "В отчёте, который я прочитала, говорилось, что Риизлиард вызвал тебя в лабораторию. Если бы ты добрался туда на пять минут быстрее,

то мы бы потеряли Нобелевского Лауреата, а про этот случай на Проекте сообщили бы во всех вечерних новостях."

Сэм обхватил пальцами свою кружку с кофе и уставился на коричневую жидкость.

"Полагаю, это правда."

"Конечно, это правда. Теперь вопрос в том, это ли то, что они хотели сделать?"

Это предложение поразило его.

"Что вы имеете в виду?"

"Риизлиард хотел убить тебя или он хотел разоблачить Проект?" - Дризни промокнула губы салфеткой и взяла в руки пирожное брауни со льдом. "Мне понадобится рецепт

этого тушёного мяса перед моим отъездом," - добавила она. "Это хорошая вещь."

"Я передам Тине ваши слова," - сказал он, всё ещё пристально глядя на неё. "Разоблачить Проект?"

Джудит Дризни бросила на него сочувственный взгляд.

"Сэм Беккет, я следила за твоей карьерой с тех пор, как ты слишком рано поступил в колледж. Я знаю про все взлёты и падения, которые у тебя когда-либо были. Я знала

твоего отца..."

"Что вы сказали?" - удивлённо переспросил Сэм. Кофе выплеснулся через край чашки ему на пальцы. Он ничего не заметил. "Вы знали моего отца?"

"Конечно, я знала вашего отца. Он интересовался некоторыми фермерскими законопроектами, над которыми я работала, когда была помощницей, а потом младшим сенатором. Джон Беккет был хорошим человеком."

Теперь уже Сэм вместе с Джесси ошеломлённо смотрели на неё. Джесси пыталась себе представить Джудит Дризни в качестве помощницы, выполняющей ту же работу, которую выполняла она, и она не могла себе этого представить.

Она также не могла себе представить, что Джудит Дризни согласилась бы делать и некоторые другие вещи, которые согласилась делать Джесси Оливера.

"И за всё это время, я ни разу не слышала, чтобы ты был хоть сколько-нибудь хорош во лжи," - сенатор доела пирожное брауни со всеми признаками удовольствия на лице. "Ммммм... Я хочу и этот рецепт тоже."

"Во лжи?" - Сэм всё ещё выглядел ошеломлённым, но сумел придать своему голосу нотку "обиды".

"Когда всё это началось," - напомнила ему Дризни, понижая голос. "Ты просил финансирование для фундаментальных исследований."

Теперь ты говоришь нам, что создаёшь компьютер, который может видеть прошлое. Ральф Бантам думает, что ты шутишь - этот человек никогда не мог видеть дальше носа на своём лице. Но я знала, что когда ты написал нам: "компьютер, который может видеть прошлое", то ты имел ввиду именно это. Ты буквально мыслящий сукин сын, Сэм Беккет. Теперь, если ты построил эту проклятую штуку..."

Джесси внимательно слушала. Она никогда не видела отчёта, на который ссылалась сенатор. Всё это было в новинку. Видеть прошлое? Что они имели ввиду?

"Мы практически закончили," - вставил Сэм.

"...Если ты построил эту проклятую штуку," - предостерегающе повторила она. "Почему ты не можешь использовать её, чтобы посмотреть, что случилось с этим парнем, который заложил бомбу, и остановить его?"

"Я не могу," - мгновенно ответил Сэм. "Я не могу изменить прошлое."

"Почему? Разве у тебя в жизни никогда не было ничего такого, что ты хотел бы изменить?"

Сэм заметно вздрогнул.

"Сенатор, я могу попытаться объяснить вам математику, если вы этого хотите. Но всё сводится к созданию парадокса, и макро-применению теоремы неопределённости

Гейзенберга. Даже если бы это было возможно, я не мог бы гарантировать, что смогу произвести желаемые изменения, и даже если бы я это сделал, то будущее бы, возможно,

тоже изменилось до такой степени, что меня бы здесь не было и я не смог бы услышать, как вы это предлагаете."

"Гейзенберг говорит о влиянии наблюдателя на наблюдаемое," - задумчиво произнесла Дризни. "Не так ли?"

Сэм замолчал, подыскивая нужные слова, несколько раз начиная и снова останавливаясь. "Да," - согласился он наконец. "Самым лучшим решением для этого, конечно, было бы

иметь абсолютно стороннего наблюдателя. Чем меньше наблюдатель знает о том, что он собирается увидеть, тем больше шансов на незапятнанный, объективный отчёт."

" "Было бы?" Не "будет"? Разве эта штука не работает?"

Сэм моргнул.

"Конечно, она работает. Мы просто ещё не пробовали это делать."

"Ты ужасно самоуверен для человека, у которого нет экспериментального подтверждения."

"Математика верна," - настаивал Сэм. "Нет никаких причин, по которым это не должно сработать."

"Позвольте мне прояснить ситуацию," - сказала Джесси, чувствуя себя так, словно вмешивается в разговор на Олимпе. "Вы действительно собираетесь вернуться в прошлое? Вы сами, физически? Люди увидят вас? Разве это само по себе ничего не изменит?"

Сэм снова сделал паузу, паузу человека, у которого слишком большой словарный запас и слишком много информации на выбор.

"Они меня не увидят. Я не смогу повлиять на них. Всё, чем я буду, - это наблюдателем, чем-то вроде голограммы, не имеющей физической субстанции для людей вокруг

меня. И они будут..." - он заколебался, как будто ему не хотелось признавать это, - "Для меня тоже как голограммы. Я смогу видеть и слышать их, но не смогу

прикоснуться к ним," - он глубоко вздохнул. "Это последние несколько деталей, которые мы сейчас программируем."

Путешествие во времени. Джесси поняла, что это именно то, что хотел знать Йен Сюиэ-Лунг. И если он действительно узнает, чем является Проект "Квантовый Скачок", то, что он тогда сделает?

"Ты знаешь, Симпсон работает на Бантама," - сказала Дризни, как будто этот комментарий был уместен.

Сэм Беккет долго изучал её.

"Спасибо."

За предупреждение? Джесси задумалась. Она знала, что Ральф Бантам уже несколько месяцев был недоволен этим Проектом и хотел закрыть его, чтобы иметь возможность

похвастаться экономией денег налогоплательщиков и сокращением дефицита бюджета. На самом деле она была удивлена, что младший сенатор не настоял на том, чтобы приехать

сюда лично и с важным видом расхаживать вокруг. Должно быть, ему было неприятно, что пришлось послать Симпсона вместо себя. Но он всё равно проголосовал за

продолжение поддержки. Почему? В качестве одолжения Йену?

Внезапно Джесси задалась вопросом, а не приложил ли Йен Сюиэ-Лунг руку к выбору того, кто приедет сюда, а кто - нет. Возможно, он даже указывал Бантаму, что нужно

говорить на закрытых заседаниях комитета, чтобы тот мог выглядеть финансово ответственным и при этом сохранять приток денег. Это казалось надуманным, но, возможно,

так оно и было. Насколько Джесси могла судить, учёный хотел, чтобы Проект продолжался. Насколько она могла судить, это соответствовало целям нелуддитов.

Внезапно Джесси решила, что если бы она только могла закончить это последнее задание, каким бы оно ни было, она была бы свободна от нелуддитов и Йена Сюиэ-Лунга. И

увидев Беккета снова - увидев, что он старательно игнорирует её - он наконец приняла решение. Внезапно ей захотелось как можно быстрее отчитаться перед Йеном и покончить с этим. Значит, Сэм Беккет хотел вернуться назад и своими глазами взглянуть на историю? Отлично. Пусть. А она хотела жить дальше своей жизнью.

По мере продолжения разговора она всё больше и больше начинала задаваться вопросом, почему она ждёт. Почему бы просто не сказать Йену сейчас, что она увольняется?

Ну, возможно, не сейчас. Она не могла покинуть это место. Она даже не была уверена в том, где находится.

Как только все закончили есть, Сэм проводил их в другую комнату. Когда комната начала опускаться, один из мужчин вскрикнул, и Сэм объяснил насчёт лифта. Симпсон фыркнул и сделал пометки.

В Проекте были предусмотрены дополнительные помещения: учёные, инженеры, обслуживающий, канцелярский, строительный, охранный, торговый и административный персонал располагали жилыми помещениями под землёй почти для семисот человек. Однако даже Симпсон не мог пожаловаться на расточительность: комнаты были двенадцать на двенадцать, с койкой, ванной, шкафом, комодом и письменным столом.

Симпсон попросил и получил комнату для совещаний, чтобы проводить брифинги для своей следственной группы и для просмотра записей. Он также хотел знать, может ли он считать телефонные линии безопасными.

Сэм оценивающе посмотрел на него. "А почему нет?" - спросил он. "По крайней мере, они такие же надёжные, как и любая коммерческая линия."

"Значит, у вас нет коммутатора или случайного подключения?" - Джесси не могла сказать, воспримет ли главный следователь ответ "да" или "нет" как доказательство неисправности. И никто другой тоже не мог. Она заметила, что даже другие следователи смотрят друг на друга с поднятыми бровями в связи с агрессивным тоном Симпсона.

Но Сэм не стал ему отвечать тем же. "Мы не прослушиваем наши телефоны. Если вы, конечно, хотите обсудить по телефону секретную информацию, то нам придётся использовать утверждённую защищённую линию. Мы уведомим наших сотрудников из службы безопасности, чтобы они установили необходимое оборудование. Но в остальном, вы

можете использовать любой телефон в комплексе". Сэм был терпелив, невозмутим, неизменно вежлив и ни в малейшей степени не запуган.

Симпсон фыркнул, завёл свою команду в предоставленную комнату для совещаний и резко захлопнул дверь перед лицом Сэма, Дризни и Джесси. Сэм остановился и повернулся, чтобы извиниться перед двумя женщинами за грубость.

Сенатор, опережая его, попросила провести утром общую экскурсию.

"Я с нетерпением жду возможности увидеть это твоё изобретение," - сказала она. "Знаешь, я всё ещё не очень-то верю в это. Но прямо сейчас я бы хотела немного отдохнуть."

Сэм улыбнулся.

"И я буду говорить и с тобой, и с Адмиралом," - напомнила она ему. "Возможно, у тебя получилось уклониться от Симпсона, но со мной этот номер не пройдёт. Я слишком старая и слишком хитрая для тебя."

Сэм посмотрел на сенатора, принимая во внимание её искусно уложенные седеющие волосы, морщины вокруг глаз и рта, утилитарное дорожное платье и очки с толстыми стёклами.

"И слишком мудрая," - согласился он наконец, и улыбка тронула уголки его губ. "Я не пытаюсь что-то скрыть от вас, сенатор. Я бы не посмел."

"Просто помни об этом," - удовлетворённо сказала она.

К тому времени они добрались до её покоев, она вошла туда и впервые за много лет Джесси и Сэм Беккет остались наедине. Он быстро прошёл по безликому коридору к следующей безликой двери.

"Вы будете жить здесь."

"Сэм," - взмолилась Джесси. "Не игнорируй меня, пожалуйста."

Сэм замолчал и тоже посмотрел на неё таким же внимательным, оценивающим взглядом, каким он смотрел на сенатора. Но на этот раз на его лице не было улыбки.

"Я не собираюсь игнорировать вас, мисс Оливера."

"Меня зовут Джесси."

"Вы уже говорили, как вас зовут," - он открыл дверь, отступил назад, а затем повернулся к ней. "Слушай, я не знаю, что ты здесь делаешь. Ты очень привлекательная женщина. Но если бы я знал, кто ты на самом деле и на кого работаешь, когда впервые тебя встретил, то..." - он расстроено замолчал.

Джесси задумалась, насколько он был бы расстроен, если бы узнал, на кого она на самом деле работала в ту ночь два года назад - и

продолжает работать до сих пор.

"То, что я сказала той ночью, было правдой," - сказала она ему. И так оно и было, внезапно поняла она, глядя на него. "Я читала твои работы, и я...думаю, что ты...тоже привлекательный. И я действительно хотела поговорить с тобой. Это не имеет никакого отношения к тому, на кого я работаю". Она подняла руку и Сэм оставил при себе те слова, которые он хотел сказать. "Я знаю, что моя работа на сенатора имеет для тебя значение и я готова это принять. Но я надеюсь, что ты не будешь думать обо мне плохо из-за этого."

"А как я должен думать о тебе?" - спросил Сэм.

Это был вопрос, на который она не могла ответить сразу - только не с образом Йена Сюиз-Лунга, который витал в глубине её сознания.

"С добротой," - наконец сказала она. "По крайней мере, ты же можешь проявлять доброту?"

Ей показалось, что она слышит, как в тишине оседает пыль. В длинном белом коридоре были только они двое, и она не могла сказать, было ли здесь многолюдно или невероятно одиноко.

"Я надеюсь, что всегда смогу проявить доброту," - наконец сказал Сэм.

Джесси закрыла глаза с виноватым облегчением. Когда она снова их открыла, Сэм уже ушёл.

[ГЛАВА 20]

"А это - Голографическая Камера," - сказал Сэм, ведя их вверх по рампе. Была середина утра следующего дня, и они устраивали пятидесятицентovou экскурсию, как выразился Эл Калавичи.

Рампа вела к стальной двери с промежутком примерно в четыре фута перед внутренней дверью. Сенатор остановилась между ними, оглядываясь по сторонам. "А что это за воздушный шлюз?" - спросила она.

Сэм сделал паузу, оглядывая маленькую экскурсионную группу. "Это - Ускоритель," - ответил он. "Это...э-э-э, я не уверен, как это объяснить. Это запускает процесс обращения вспять."

Сенатор с любопытством огляделась. Джесси почувствовала, как по её телу пробежали мурашки, словно воздух был наполнен

электричеством, и она быстро прошла через внутреннюю дверь, оглядываясь на пожилую женщину и на Симпсона, который терпеливо ждал позади.

"Всего лишь эта маленькая комната?" - хотела знать она. "Это твой Ускоритель?"

"Нет, он идёт по всему периметру Голографической Камеры: это просто проход через неё. Если вы войдёте сюда..."

Сэм тоже казался нетипично нервным, пока всё ещё недовольная сенатор, не кивнула и не вышла из шлюза: "Это то место, где ты будешь находиться?"

"Ну...да," - выдохнул Сэм, оглядываясь по сторонам. "Я буду стоять здесь". Сэм ступил на серебряный диск шириной в ярд. Над его головой, очевидно, в воздухе, завис

другой диск. "И я смогу наблюдать за прошлым по мере того, как оно происходит."

"Ммммм," - уклончиво ответила Дризни. "Но ты ещё не испытывал это на себе."

"Пока нет," - Сэм посмотрел на потолок, как бы собираясь сказать что-то ещё, а затем снова посмотрел на двух женщин, меняя свои слова. "Теория, разумеется, обоснована и верна."

"Лучше бы так и было, чего бы это ни стоило," - сказала Дризни. "Два с половиной миллиарда в год. За такие деньги мы управляем парой национальных лабораторий". Она снова огляделась вокруг, на ровные стены и серебряные диски.

Джесси это тоже разочаровало. Просто...стоять там и смотреть в прошлое? Можно было сделать то же самое, лёжа ночью в постели и просматривая свои собственные воспоминания. И откуда ему было знать, что он не увидит просто компьютерное воспроизведение новостных сюжетов? Откуда ему было знать, что он видит реальное прошлое?

Джесси могла сказать, что он видит, что теряет их. Может, она и не имела значения, но значение имела сенатор Дризни. "Вы можете путешествовать во времени," - слишком быстро заговорил Сэм. "Вы можете отправиться куда угодно, в любое время в пределах вашей собственной жизни. Зигги перенесёт вас к любому событию, к любому человеку, и вы сможете увидеть то, что произошло на самом деле. Больше не будет никаких загадок и никаких теорий заговора. Только правда."

"Правда имеет ужасно высокую цену," - заметила сенатор.

Джесси вздрогнула. Симпсон провёл не менее часа этим утром, беседуя с Дризни и изучая план расследования. Акцента на соотношении затрат и выгод было достаточно, чтобы испортился кофе.

"Когда ты впервые представил нам это, ты рассказывал нам о фундаментальных исследованиях," - продолжала говорить сенатор, -

"О нематериальных выгодах. Ты описал

компьютер следующего поколения. Но ты до сих пор не показал нам ничего из этого, Сэм. Ты потратил много денег, а мы не увидели никакой отдачи. Нам действительно

придётся подумать о сокращении наших потерь."

Сэм смотрел на неё как человек, который впервые осознал, что спасательный круг, который, как он думал, был у него в руках, в конце концов лопнул, и который не хочет и не может в это поверить. Вся краска отхлынула от его лица.

"Я могу это сделать," - прошептал он.

"Я знаю, что ты можешь," - терпеливо сказала Джудит Дризни. "Если кто-то в мире и может это сделать, так это ты. Но разве ты не понимаешь, Сэм, вопрос не в том, сможешь ли ты это сделать, а в том, должен ли ты это делать."

"Зигги," - прошептал Сэм. "Зигги, скажи им."

Откуда ни возьмись, к их разговору присоединился ещё один голос, мужской и раздражённый голос. "Я не знаю, что вы хотите от меня услышать," - сказал голос. "Я просто компьютер, который вы ещё не удосужились представить."

"Что за..." - побледнела Дризни.

"Сенатор," - сказал Сэм, и его голос внезапно окреп. "Я бы хотел, чтобы вы ознакомились с результатами. Это Зигги."

"Зигги?" - по-прежнему искала источник голоса Дризни.

"Зигги, это сенатор Джудит Дризни. И её главная помощница, Джессика Оливера."

"Что такое Зигги?" - прошептала сенатор.

"Параллельный гибридный нейрокомпьютер," - ответил голос. "Приятно быть представленным, сенатор. Наконец-то". Последнее замечание, казалось, было адресовано, хотя и злобно, Сэму.

"Это просто удивительно," - сказала она. "Я и понятия не имела, что можно заставить компьютер звучать так естественно или различать и распознавать отдельные голоса на таком небольшом количестве данных. Должно быть, у него невероятный объём памяти."

"Хммм," - произнёс голос, который принадлежал Зигги.

"А Зигги может...видеть нас?"

"У меня есть визуальные датчики в этой комнате, сенатор," - сказал Зигги.

"Он может видеть нас," - пояснил Сэм.

"Именно это я и сказал," - огрызнулся Зигги.

Джесси задумалась о том, чтобы сделал с этим Йен Сюиэ-Лунг. Что он собирался делать? Она отошла в сторону от остальных, наблюдая за Беккетом и сенатором, и начала понимать, насколько это было для него важно. Она ни за что на свете не смогла бы представить Йена, который небрежно бы стоял там, по-хозяйски положив руку на стену. Потому что всё это было такой неотъемлемой частью самого Сэма Беккета. Это было его место.

"Программирование, должно быть, невероятно сложное," - предположила она.

"Как и большинство сложных вещей, это, в конечном счёте, очень просто," - с явным самодовольством сказал Зигги.

"Не думаю, что мне нравится тон твоего компьютера, Сэм," - сухо сказала сенатор. "Ты что забыл запрограммировать некоторые манеры?"

"Я бы хотела посмотреть на область программирования," - поспешно перебила Джесси. Если бы она смогла передать Йену комплект спецификаций, то этого, конечно, было бы

достаточно? Конечно, "набор спецификаций" для чего-то подобного может быть более массовым, чем она думала.

В неловком молчании они спускались всё глубже под землю, всё глубже в Проект. Они прошли мимо любопытных взглядов различных сотрудников Проекта, некоторые из которых неуверенно поздоровались со своим Руководителем. Сэм улыбался, махал рукой в ответ и продолжал идти, ведя остальных всё глубже и глубже к осуществлению своей мечты.

Наконец он привёл их в длинную комнату, в одном конце которой гудел улей рабочих и даже кондиционер не мог полностью перебить запах штукатурки и свежей краски.

"Это произошло здесь, внизу, не так ли?" - спросила сенатор.

До Джесси дошло, что это на самом деле произошло здесь, под землёй. Была заложена бомба, Сэм был приглашён на свою смерть, а вместо него погиб другой человек. И что рабочие в другом конце комнаты всё ещё были заняты устранением повреждений, нанесённых в августе.

"Да, это произошло здесь," - согласился Сэм. "Здесь, внизу, происходит ввод данных, тестируется компьютерный дизайн и тестируется окончательное программирование". Он

изящным жестом махнул рукой в сторону ряда кабинок, в каждой из которых был свой стол, свой монитор, устройства ввода и наведения. Сэм вошёл в одну из кабинок, коснулся выключателя и монитор ожил. "Я могу вводить данные непосредственно в Зигги, а Зигги может сам вводить данные."

"Ты хочешь сказать, что это самопрограммирование? Что твой компьютер способен учиться?"

"Это не новая концепция," - фыркнул Зигги.

И Дризни, и Джесси подпрыгнули от неожиданности.

"Зигги это может," - раздражённо сказал Сэм.

"Ну, это не так."

"Они это знают. А теперь иди и подумай обо всём, Зигги."

"Хорошо, доктор Беккет."

"У него довольно большое эго, не так ли?" - рискнула спросить Джесси.

"У компьютеров не бывает эго," - отрезала Дризни. Но она беспокойно оглядывалась по сторонам.

"У Зигги есть," - Сэм был не склонен это обсуждать.

"А как насчёт параметров?" - спросила Джесси, меняя тему. "Тех, которые ты по-прежнему вводишь?"

Сэм криво улыбнулся, потянулся к стопке распечаток толщиной в фут, одной из дюжины подобных стопок, и пролистал её.

"Ты имеешь ввиду, эти?"

"Все эти?"

"Ну, не совсем. Это те, которые уже введены."

Джесси вытянула шею, чтобы разглядеть строки кода. Они выглядели как строка за строкой из единиц и нулей, по шесть строк на странице. Возможно, в конце концов, не всё так уж и пугающе.

"Я хотел бы увидеть само место происшествия," - сказал Симпсон.

Джесси подумала, что главный следователь вообще не проявлял никакого интереса к компьютеру. Никакой реальной оценки того, чего достиг Сэм Беккет. Она задержалась, разглядывая строчки кода, заметки, которые оставил неизвестный обитатель кабинки, а затем виновато взглянула на потолок, задаваясь вопросом, есть ли у Зигги

"визуальные датчики" и в этой комнате.

Джесси спросила об этом, догнав двух своих спутников, когда они остановились, чтобы освободить место для рабочих, несущих большой лист органического стекла во внутренний офис.

"Нет. Люди, работающие здесь, не хотели, чтобы у них возникало ощущение, что Зигги всегда заглядывает им через плечо," - сказал Сэм, на самом деле не обращая

внимания. "Зигги может, конечно, слышать, но видеть - нет."

"Он может нас слышать?" - спросила Джесси, не совсем понимая, почему ей так тревожно.

"Джесси, это всего лишь компьютер!"

"Можно и так сказать," - сказал Сэм, и по его тону стало ясно, что он не разделяет этого мнения.

Дризни не обратила на это внимания, проходя мимо него в кабинет.

"Это произошло здесь?" - спросила она, оглядываясь по сторонам. "Кажется, тут не так уж много повреждений."

"На самом деле это произошло здесь," - сказал Сэм, ведя их в лабораторию позади кабинета.

"Сколько человек обычно работало в этой области?" - спросила Дризни.

Сэм колебался. Наблюдая за ним, Джесси увидела, что он понял и то, что в вопросе была ловушка и то, что избежать её не было никакой возможности. "К тому времени, я обычно работал здесь практически один," - признался он.

"Вот вам и протоколы безопасности, а, доктор Беккет?" - подошёл сзади к Джесси Симпсон, заставив её вздрогнуть. Она уже устала удивляться. "Разве вы не соблюдали стандартные процедуры безопасности?"

"Работа, проводимая в этой лаборатории, была такова, что правило двух человек никогда не требовалось," - защищаясь, сказал Сэм. "Я не нарушал никаких норм безопасности."

"А как насчёт стандартов проведения экспериментов над людьми?" - рявкнул Симпсон. "Вы назвали это "нейрокомпьютером". Что именно это значит? Человеческие нейроны? Это подпадает под компетенцию Совета по этике экспериментов, не так ли?"

"Да, это так," - признал Сэм.

"И у вас не было такой проверки, не так ли?" - надавливая, спросил Симпсон.

Сэм не ответил. Симпсон, торжествуя, повернулся к сенатору. "Тогда это всё. Весь Проект должен быть закрыт, прямо сейчас."

"Нет!" - Сэм не сказал этого, это сделала Джесси, в ответ на выражение его лица. "Вы не можете закрыть Проект сейчас. Он слишком близок к завершению."

"Проводить эксперименты с участием людей без проверки Советом по этике противозаконно," - отрезал Симпсон. "Мы могли бы посадить доброго доктора Беккета в тюрьму."

"Мы могли бы," - мягко согласилась Дризни.

Мы могли бы... Но мы не собираемся этого делать. Джесси прищурилась.

"Доктор Беккет ещё пока ни в чём не обвинён. Нам придётся провести ещё одно слушание," - продолжала Дризни, опережая Симпсона. "А пока я хочу осмотреть эту лабораторию."

Сэм показал ей новую технику, продемонстрировал и позволил опробовать зажимы уолдо. Симпсон колебался, кипя от злости.

За обедом Дризни деликатно, безобидно, но очень недвусмысленно дала понять, что она не желает обедать с Руководителем Проекта, Административным Директором и со своим

собственным главным следователем. Джесси заколебалась, не уверенная, что отказ от приглашения не относится и к ней. Сенатор улыбнулась и спросила её совета по выбору постных блюд, доступных в кафетерии, а затем повела её за столик в углу, который был отгорожен пианино от прямого взгляда других обитателей комнаты.

"Вы собираетесь предъявить ему обвинение?" - спросила Джесси, не в силах сдержаться.

"О, я так не думаю," - беззаботно ответила сенатор. "Я ожидаю, что где-нибудь в файлах будет найдено что-то, что будет делать исключение для этого

Проекта. Президентский указ или что-то в этом роде. В конце концов, мы не можем посадить в тюрьму Нобелевского Лауреата."

"Вы серьёзно?" - судорожно сглотнула Джесси, проглотив при этом слишком горячую лазанью, приготовленную в микроволновке.

"О, это не первый случай, когда что-то важное для национальной безопасности противоречит федеральным правилам. Мммм, это действительно совсем не плохо, не так

ли?" - сенатор с явным удовольствием продолжала есть.

Джесси моргнула. Она не была уверена, что её удивляет во всём этом - в конце концов, она провела всю свою взрослую жизнь в Вашингтоне, и она очень хорошо знала цинизм политики. Возможно, это была просто мысль о том, что из всех людей именно Джудит Дризни небрежно отвергла федеральный закон, как будто он не имеет отношения к делу и был просто безделушкой. Какой бы ни была безделушка. Конечно, это не имело отношения к компьютеру.

"Я не могу сказать, вы на его стороне или нет," - наконец сказала Джесси.

"Почему ты так считаешь?" - улыбнулась сенатор.

"Вы собираетесь закрыть Проект?"

На этот раз было мгновение колебания, прежде чем улыбнуться. "Нам придётся подождать и посмотреть."

"А он что должен делать в это время?" - в расстройстве вырвалось у Джесси.

"О, я думаю, он найдёт, чем себя занять," - последовала ещё одна пауза, как будто пожилая женщина перебирала в уме возможные варианты. "Я думаю, тебе следует остаться здесь," - наконец сказала она. "В конце концов, я хочу быть в курсе того, что происходит. Да," - кивнула она самой себе. "Определённо. Ты ведь можешь остаться здесь, не так ли?"

"Да, конечно!"

Дризни снова улыбнулась, обнажив блестящий ряд зубов.

"Моя хорошая девочка. Но мы пока не будем ему говорить. Это будет наш маленький сюрприз."

Джесси откинулась на спинку стула, не сводя взгляда с собеседницы, в то время как Джудит Дризни размышляла о торговле голосами, овце с четырьмя рогами и задавалась вопросом, насколько нелуддиты, которые были инвесторами Ральфа Бантама, действительно хотели, чтобы Сэм Беккет потерпел неудачу - и почему?

[ГЛАВА 21]

Йен Сюиз-Лунг просмотрел наспех набросанные заметки, появившиеся на экране своего компьютера на следующее утро, и проклял создателя чувствительного к ручке монитора. Почерк есть почерк, и он был таким же - нет, ещё более - неразборчивым, для того, чтобы быть выведенным на экран и отправленным через сверхбыстрый модем. Однако он понял, что Джессика Оливера не будет лично докладывать, чтобы прояснить ситуацию. Она собиралась остаться в Нью-Мексико на некоторое время.

И что Сэм Беккет действительно пытается путешествовать во времени.

Он тихо фыркнул. Беккету было за сорок лет и его мозги, должно быть, размягчились.

А вот компьютер - это было интересно. В записке было недостаточно информации, чтобы точно понять, что имела ввиду Оливера: ему придётся подробно поговорить с ней.

Возможно, в конце концов, было везением, что Риизлиард потерпел неудачу. Конечно, он поступил крайне глупо, допустив элементарную ошибку в выборе времени, и поплатился за это соответствующим образом. Но всегда было разумно иметь как можно больше информации, прежде чем исключить все варианты.

К счастью, для следующего шага у него был гораздо более надёжный человек. Он поговорит с Оливерой и выяснит, что она видела.

С её предыдущим опытом общения с этим

человеком, она, несомненно, могла бы получить достаточно данных, чтобы укрепить понимание Йена и сделать его ещё более привлекательным кандидатом на замену Беккету.

Возможно, он мог бы заказать масляной портрет доктора Беккета, для размещения в том месте, которое они использовали в качестве вестибюля, или фойе, или как там это

называется в Нью-Мексико. Посетители могли видеть этот портрет, когда входили.

Или, возможно, он повесил бы этот портрет в своём административном кабинете, где его мог бы видеть только он. И бросать в него дротики, если захочет.

Он придвинул к себе клавиатуру и начал составлять сообщения, которые должны были привести все его планы в исполнение.

"Эл, милый, в чём дело?" - Тина слегка подула на свои ногти и вытянула руку, чтобы критически рассмотреть узор. Предполагалось, что этот новый лак будет сиять как

радуга, но, похоже, что-то пошло не так. Она посмотрела между пальцами на мужчину, который вышагивал взад-вперёд между компьютером и чайным столиком, яростно

раскуривая сигару размером с ножку стула. "Следователи всё закончили, и в лаборатории доктора Беккета всё приведено в порядок, так что всё в порядке, не так

ли?"

"Нееееет, я бы не сказал, что "всё в порядке", - прорычал Эл, останавливаясь и разворачиваясь на месте.

Был поздний вечер. Тина была одета в свою лучшую пижаму с изображением куколки, следуя своему обычному распорядку дня по вторникам: во вторник она занималась ногтями

на руках, в четверг - ногтями на ногах (с тканью между пальцами), а причёской - через день. Эл зашёл поговорить и как-то успокоиться, но был слишком возбуждён, чтобы просто присесть. На нём всё ещё был относительно неброский жемчужно-серый костюм в серебристую полоску, с белым жилетом из атласной парчи и чёрной рубашкой - Тине казалось душным просто на это смотреть - в котором он сегодня разговаривал с людьми Симпсона. Они преследовали его всю последнюю неделю, а когда не преследовали, то просматривали его файлы.

Эл имел дело со следователями, в той или иной форме, всю свою жизнь. Отвечать на вопросы было несложно. Угроза для Проекта Сэма, однако, была совсем другим делом.

"Если бы это был законный несчастный случай," - в тысячный раз повторял Эл, - "Это было бы одно дело. Но, чёрт возьми, этот парень был диверсантом! Это не наша вина, если глупый диверсант разнёс свою голову вместо той, ради которой он старался!"

Удовлетворённо покрутив ногтями, Тина встала и, покачиваясь, подошла к маленькому кофейнику, который она держала на чайном столике. Это было показателем того, что Элу потребовалось мгновение, чтобы заметить и оценить её движение, когда пушистая бахрома пижамного типа коснулась верхней части её бёдер. Тина налила чашку и протянула Элу. Он взял её, сделал глоток, едва ощутив вкус, и вернул обратно.

"Шесть месяцев," - кипел от возмущения Эл. "Шесть месяцев - это всё, что нужно Сэму, и тогда он сможет доказать свою правоту. Эти придурки не поверят ему до тех пор, пока они не смогут войти в Голографическую Камеру и увидеть всё своими глазами."

"А они смогут?" - изогнулись брови Тины.

"Что смогут?"

"Войти в Голографическую Камеру и всё увидеть. Я думала, что Зигги связан только с тобой и Сэмом."

"Ну, на данный момент, это так. Это одна из причин, почему ему всё ещё нужно шесть месяцев. Но не говори этого этим проклятым аудиторам, иначе они удвоят обвинения против Сэма."

"О, они никогда меня ни о чём не спрашивают," - Тина лучезарно улыбнулась и посмотрела на Эла большими голубыми глазами. "Я думаю, они считают меня, типа, тупой или что-то вроде этого."

"Не могу представить, почему," - неохотно рассмеялся Эл. Тяжёлый сарказм в его тоне не ускользнул от Тины, которая, покачиваясь, вернулась к своей кровати с балдахинном и устроилась на оборках. Она поманила Эла своим пальцем с длинным ногтем.

"Может быть, они не знают меня так же хорошо, как ты," - проворковала она.

"Боже, надеюсь, что нет," - ответил Эл, снимая свой костюм в серебристую полоску.

В другом месте Сэм Беккет ходил по коридорам Проекта, протягивая руку и проводя кончиками пальцев по стенам, словно направляя самого себя. Он никого не встретил на своём пути и его шаги эхом отдавались в пустых туннелях и офисах.

Это было похоже на то, как будто Проект уже закрыли, а он был призраком, бродившим по нему. Туннелей было, по меньшей мере, три мили, а если считать коридоры вокруг офисов, лабораторий и жилых помещений, то и больше. Сэм избегал жилых помещений. Ему не очень хотелось видеть кого-либо из живых людей: какая-то извращённая часть его самого наслаждалась образом призрака, неспособного к кому-то прикоснуться или с кем-то пообщаться.

У Сэма было ощущение, что его жизнь выставлена на аукцион. Дризни намекнула ему что есть возможность и способ избежать последствий использования человеческой ткани, не проходя комиссию по этике. Тот факт, что это была его собственная мозговая ткань - и нервные клетки Эла - не имел значения. Закон гласил, что любое исследование с

участием людей должно быть пересмотрено, и он нарушил этот закон. Он был готов принять последствия, но сначала...

Это напомнило Сэму о том времени, когда ему было шесть лет, и его отец нашёл его в средних ветвях яблони, на которую ему было запрещено забираться. Джон Беккет приказал ему спуститься и получить порку, и он так и сделал - но сначала он забрался на самый верх и огляделся, чтобы посмотреть, что он может увидеть. Сэм содрогнулся при этом воспоминании.

Сейчас ему очень хотелось увидеть то, что он мог увидеть, прежде чем подвергнуться этой конкретной порке.

Но он боялся, что Дризни попытается договориться, чтобы обменять его Проект на что-то другое, чего бы ей хотелось, и в этом процессе она не собиралась учитывать его желания. У него отбирали Проект, а он был бессилен помешать этому.

Сэм всегда знал, что этот день когда-нибудь наступит.

Он надеялся, что вид с вершины яблони того стоил, что он сможет снова спуститься вниз с новостями о чём-то таком чудесном, таком потрясающем, что...

Однако Джон Беккет никогда не забывал, когда обещал отшлёпать его.

Сэм вошёл в кабинет программирования и остановился, чтобы дать глазам адаптироваться. Вдоль нижней части стен тянулся тускло светящийся индикатор. Сэм не стал включать свет. Он знал дорогу к кабинетам в задней части здания даже в темноте и мог найти дорогу внутрь и к потёртому кожаному креслу без всякого дополнительного освещения.

"С вами всё в порядке, доктор Беккет?" - спросил Зигги. "Вам нужно больше света?"

"Нет, спасибо". Сэм потянулся и подался вперёд, глубоко погрузившись в кресло и перебирая длинными пальцами пряжку своего ремня. На некоторое время он мог слышать только звук собственного дыхания.

"Судя по вашему дыханию, вы можете заснуть в течение следующих трёх минут," - отметил Зигги. "Сон в вашем нынешнем положении приведёт к сильному напряжению мышц."

"Я знаю," - простонал он, с трудом возвращаясь в вертикальное положение. "Я уже делал это раньше."

"Это источник моих данных."

"Я так и думал," - криво улыбнулся Сэм. Он провёл немало ночей, доводя себя до изнеможения, сидя в этом кресле. "Итак, ты знаешь, что на уме у нашей прекрасной сенаторши?"

"Я знаю то, что знали бы вы, если бы имели доступ к данным."

Веки Сэма всё ещё были тяжёлыми, и он закрыл их. Просто чтобы дать им отдохнуть. "Неужели я действительно настолько невыносимый? Или это говорят клетки Эла?"

"Самоанализ не входит в число моих сильных сторон."

"Определённо, клетки Эла," - снова заставил себя Сэм открыть глаза.

"Значит, вы уверены в своих собственных мотивах?"

"Почему у меня такое чувство, что я разговариваю сам с собой?" - зевнул Сэм. "Всё, что я хочу знать, - это то, что собирается делать сенатор, чтобы я мог понять, что произойдёт дальше."

"Возможно, вам следовало специализироваться на теории хаоса."

"Критиковать могут все," - улыбался в темноте Сэм.

"Что вы хотите сделать?"

Сэм уставился в темноту, туда, где был потолок...наверное, был потолок. Маленькие светящиеся огоньки на рабочей станции не давали достаточно света, чтобы это определить.

Когда он проверял в последний раз, потолок был на месте.

"Я хочу знать," - Сэма захлестнула волна одиночества, и он автоматически диагностировал у себя низкий уровень сахара в крови. Конечно, он поужинал, и у него не было гипогликемии...

Он был одинок. Он сидел один в кабинете, разговаривая с компьютером, который на самом деле был просто ещё одним его воплощением, и лицом к лицу столкнулся с осознанием того факта, что компьютер, вероятно, был единственной вещью, которая могла по-настоящему понять его. А у Зигги не было ни сердца, ни гормонов, ни души.

Конечно, были знакомые по школе. Из различных исследовательских проектов. Хотя на самом деле они не были друзьями - он всегда был слишком занят обучением, чтобы заводить друзей.

У него была его семья - его мать и сестра. Но мысль о них всегда вызывала укол печали, потому что он не мог думать о них, не думая о своём отце и брате, и не испытывая чувства, как будто ему каким-то образом не удалось оказаться там, где он был нужен и когда он был нужен.

Его другом был Эл. Он мог на него положиться. Он мог доверить свою жизнь Элу, но не мог говорить с ним о продвинутой квантовой физике. Эл удовлетворял одну существенную потребность, но были и другие потребности, которые оставались пустыми - потребность в чисто интеллектуальном вызове, потребность в физической страсти.

Когда-нибудь он сможет найти женщину, которая сможет удовлетворить эту потребность любить и быть любимым, настоящую любовь, а не похоть, вызванную феромонами. Эта мысль неумолимо привела его к Джесси Оливере, и он вздохнул. Сэм по-прежнему находил её очень привлекательной, хотя и не такой ошеломляющей, как при их первой встрече. "К счастью," - сказал он себе с кривой улыбкой. Ему было интересно, думала ли она о той ночи, которая была у них несколько лет назад. Она была по-прежнему прекрасна, и он всё ещё чувствовал это атавистическое притяжение. Но она поступила неправильно.

Женщина, которую он мог бы полюбить, была где-то там. Возможно. Он думал, что однажды нашёл её, но...

Но только с Зигги он мог говорить о науке на уровне исследований, волнения и творчества. Только продукт его собственного разума мог сравниться с ним в этой области: это было одним из наказаний за столь высокий коэффициент интеллекта. "Интеллект, который появляется один раз в поколение, а то и реже," - и, как следствие, постоянное одиночество.

И если в ближайшее время что-то пойдёт не так, как надо, они отберут у него даже Зигги.

Сэм уставился в потолок и яростно заморгал от рези в глазах.

[ГЛАВА 22]

"Ваша задача - получить программу для элемента поиска времени и немедленно передать её. Имейте ввиду, что у меня назначены встречи с сенаторами Бантамом и Дризни, как только они вернутся из своих поездок. Также имейте ввиду, что вы - не единственный мой ресурс. Ваша ценность оценивается на основе этого задания."

Джесси Оливера в ужасе уставилась на сине-голубой текст на экране компьютера. Никогда прежде её приказы не были настолько прямыми. Раньше они всегда формулировались

как намёки, предложения, сталь...скрытая шёлком. "Ваша задача - это получить и немедленно это передать". Шёлк исчез.

Йен, казалось, не расстроился из-за того, что она сразу не вернулась.

Это означало, что он хотел, чтобы она была здесь. Почему он просто не попросил свой другой "ресурс" раздобыть для него информацию? - в отчаянии спрашивала она

себя. Зачем заставлять её это делать? Почему она должна была это делать? Она была ни в чём не виновата. На самом деле в том, что она делала, не было ничего

плохого...

Но это было неправдой, и она это знала. Она могла видеть выражение лица Дризни, если бы Йен Сюиэ-Лунг позвонил ей и сказал, скорее печально, чем в гневе, что её самая

доверенная старшая помощница в течение многих лет нарушала её доверие, передавая информацию о самой секретной переписке и обсуждениях Дризни с лоббистскими

организациями и другими политиками. Она нарушила доверие своего работодателя и, вероятно, нарушила федеральные законы о секретности.

Что бы сказал Сэм Беккет, если бы знал, что она должна была сделать? Если он узнает, что она передала информацию... - она внезапно остановилась, застыв во власти

внезапного откровения и поражённая тем, что было совершенно очевидно. Даже если и был какой-то шанс, что то, что она делала раньше, не было совсем незаконным, не было

совсем секретным, то то, что её просили сделать сейчас, несомненно, было таковым. Проект "Квантовый Скачок" был совершенно секретным. Программные файлы для компьютера

тоже были засекречены. Она могла из-за этого попасть в тюрьму. А если она подчинится инструкциям - нет, скорее приказам - Йен Сюиэ-Лунг будет владеть ею до конца её

жизни.

Может быть, Йен даже не потрудился бы позвонить. Может быть, он просто свяжется с прессой и сообщит, что она состояла на жалованье у нелуддитов и поставляла им информацию в течение многих лет. Джесси могла тщетно возражать, что это неправда, но у нелуддитов было достаточно информации, которую она предоставляла, чтобы это выглядело правдой, а в Вашингтоне, как и везде, видимость была всем.

Даже если бы это было не так, даже если бы её ни в чём не обвинили, она никогда больше не работала бы в Вашингтоне. Или где-либо ещё в политике, если уж на то пошло.

Никто не станет нанимать ненадёжную помощницу.

Йен Сюиз-Лунг ловко поймал её в ловушку. Такой вопиющий приказ мог означать только то, что он никогда, ни за что не собирался отпускать её на свободу. Она никогда не сможет уйти.

А сейчас ей действительно нужно было это сделать.

Она не знала, для чего ему нужна была программа поиска времени, но что бы это ни было, это было не в интересах Сэма Беккета или его Проекта.

Джесси глубоко вздохнула и встала, расхаживая взад-вперёд от стола к стене без окон и обратно, не глядя на экран компьютера и игнорируя маленький квадратный курсор, непрерывно мигающий в конце строки "Подтверждено?". Её апартаменты были больше, чем могла бы быть её тюремная камера, в ужасе подумала Джесси. И пахло в ней, наверное, тоже лучше, хотя она всё ещё чувствовала в воздухе следы свежей краски.

По крайней мере, теперь у неё был ответ на вопрос о том, почему нелуддиты выбрали именно её. Если бы она была достаточно глупа, чтобы сделать то, о чём он просил, она

была бы послушным инструментом столько, сколько он захочет. И она была послушной и глупой уже много лет.

Если она не будет сотрудничать, то не сможет сделать карьеру. Он мог бы даже приказать убить её, если бы то, что она подозревала о "несчастном случае" было правдой.

Если она не предоставит ему программу, то это сделает кто-то другой. Кто-то другой, "крот" в Проекте, кто-то, работающий на Йена Сюиз-Лунга. Другой его "ресурс".

Она могла бы пойти к Сэму. Рассказать ему.

Но он бы не поверил ей. Он ей не доверял.

Она остановилась посреди комнаты, оглядываясь по сторонам. Но была ли она чем-нибудь обязана Сэму Беккету? Ну и что с того, что она проведёт остаток своей жизни,

работая на Йена Сюиз-Лунга? Разве это так уж плохо? У неё не было доказательств того, что он преступник. За исключением того, что он просил её совершить преступное деяние. Однако он мог бы опровергнуть сообщение на экране, сказав, что она поместила его туда сама. Маленький коммуникатор безапелляционно запищал. Она резко обернулась и в панике уставилась на него. Мог ли человек на другом конце модемного соединения видеть её? Был ли V-коннект на компьютере, который он предоставил? Не выдержав, она бросилась к столу и ударила по экрану не обращая внимания на возмущённый электронный писк. Она всё ещё могла видеть индикаторы в корпусе: питание включено, модем передача включена. Корпус серо-стального цвета тускло поблёскивал в отражённом свете, словно это была каменная плита с драгоценными камнями по краям. Ожидающими камнями. Смертоносными камнями. Коммуникатор снова подал звуковой сигнал. Джесси убежала.

Эл шагнул по коридору, яростно сжимая в руках незажжённую сигару. Вся эта возня с расследованиями, аудитами и комитетами Конгресса, а также внутренние кадровые проблемы - это было больше, чем он мог вынести. Симпсон сообщил ему, что им нужно вернуть своего штатного психоаналитика. Удалённые объекты вызывали стресс. Это не лучшим образом сказывалось на психическом здоровье сотрудников Проекта. Симпсон и не подозревал, что самый подверженный стрессу участник Проекта в данный момент даже не имеет тела. Зигги взял за правило прерываться в самые неудобные моменты. Он беспокоился о Сэме и хотел, чтобы Эл пошёл проведать его. Эл зашагал дальше. Единственным предупреждением о приближающемся столкновении был звук бегущих шагов где-то в поперечном коридоре впереди: акустика была паршивой, и трудно было сказать, насколько далеко всё происходило, но, по крайней мере, он был более или менее готов увернуться, когда помощница сенатора, та, что с большим носом, на полном ходу вылетела из-за угла. "Эй! Ты в порядке?" Она просто посмотрела на него водянистыми, красноватыми голубыми глазами, покачала головой и побежала дальше.

Опять проблемы с персоналом. Эл хмыкнул и посмотрел в конец коридора, откуда бежала эта женщина. Там было совершенно пусто, если не считать осветительных приборов.

"Сумасшедшая женщина убегает от самой себя," - пробормотал Эл.

"Её никто не преследует," - голос Зигги был приглушен, как будто был какой-то шанс, что его может подслушать кто-то из следственной группы - мера предосторожности, запоздавшая на пару дней, по мнению Эла. Они уже слышали как разговаривает Зигги. "Мисс Оливера вышла из своих апартаментов."

"С ней там кто-нибудь был?"

"Всего лишь другой компьютер. У меня нет мониторов в гостевых жилых помещениях, Адмирал. Но у неё есть компьютер, подключённый к линии теле-электропередач."

Эл пожал плечами и продолжил путь к лифту в дальнем конце коридора. "Наверное, она пишет отчёт о том, как весело будет нас закрыть," - сказал он. "Куда это она так торопится?"

Если компьютерный голос мог хмуриться, то у Зигги это получилось. "Я не могу экстраполировать мотивацию из её действий."

"Что, ты не совершенен?"

"Конечно, я не совершенен, Адмирал. Я просто превосходен". С этими словами Зигги щёлкнул, и сигнал, который он принял, означал, что он больше не использует

аудио-каналы связи. У Зигги не существовало никакого реального переключателя, чтобы включить или выключить его, и Эл был морально уверен, что компьютер продолжал слушать, но как только Зигги издавал щелчок, то он не стал бы продолжать разговор ни при каких обстоятельствах, кроме прямого приказа возобновить общение.

А Эл в данный момент не был склонен отдавать такой приказ. И, внезапно, он также не был склонен сейчас разговаривать с Сэмом. Вместо этого Эл направился в покои Тины.

На следующее утро в девять часов Эл стоял у двери в лабораторию Сэма, вглядываясь в темноту. "Сэм? Ты там?"

"Свет, Зигги," - последовал ответ посреди зевка. Зажёгся свет и там был Сэм, зажмуривший глаза от яркого света. Эл, который давно научился отводить взгляд от увеличивающегося источника света, нетерпеливо ждал, когда другой мужчина посмотрит на него.

"Что тебе нужно, Эл?"

"Какое-нибудь направление," - прямо сказал Эл, опускаясь в своё привычное кресло. "Неужели мы собираемся сдать и умереть? Неужели мы позволим этим карандашникам указывать нам, что делать? Мы будем проводить тестирование? Кстати, Дризни и её компания уехали сегодня утром, и они были не слишком довольны тем, что их не проводил Руководитель Проекта."

Это привлекло всё внимание Сэма. "Они уже уехали? Ничего не сказав?"

"О, они уехали час назад. И они сказали довольно много," - прорычал Эл. "Они оставили нам проект аудиторского отчёта и ещё один маленький сюрприз в дополнение к нему. И, кстати," - добавил он, - "Я думаю, что твоя маленькая подружка - сумасшедшая."

"Она не моя подружка," - сказал Сэм, немного защищаясь. "И, кроме того, по твоим словам, каждая женщина в тот или иной момент ведёт себя как сумасшедшая". Он сильно потянулся, скручивая свой длинный торс под углом, а затем принял более вертикальное положение в кресле.

"Я встретил её прошлой ночью, когда она неслась галопом по коридору, словно за ней гнался сам дьявол."

"И что, ты её поймал?"

"Не смешно, Сэм."

"В чём дело, Эл?" - вопросительно посмотрел на него Сэм. "Что это за "другой сюрприз"?"

"Ты ознакомился с предварительными результатами аудита?"

"Пока нет," - зевнул Сэм. "Зачем?"

"Хорошая новость заключается в том, что мы можем ответить на один из них, если вернём Вербину Бикс обратно на борт."

"Это не проблема. Мне нравится Вербина. Никогда не понимал, почему она хотела уйти."

Конечно, Сэм не мог понять, почему кто-то может быть не в восторге от того, чтобы проводить всё своё время вдали от цивилизации. Эл решил не просвещать его.

"Она мне тоже нравится. И я уже поговорил с ней, и она вернётся. Она, должно быть, запала на тебя или что-то в этом роде. А вот остальные новости - все плохие. И то, как я их получил, тоже не слишком потрясающе."

Сэм приподнял бровь.

"Сегодня утром у меня был интимный завтрак с Тиной, когда включился с Зигги и начал всё это выкладывать. Трудно поддерживать хорошее настроение, когда этот чёртов компьютер не хочет заткнуться о том, что весь Проект закрывается, Сэм."

Брови поднялись ещё выше.

"Зигги?"

"Я получил предварительный отчёт, когда один из следователей скопировал инфокарту через одно из моих периферийных

устройств," - сказал компьютер. Эл мог бы поклясться, что Зигги был самодоволен. "Я посчитал, что необходимо немедленно проинформировать руководство Проекта."

"Почему ты сообщил Элу, а не мне?" - мягко спросил Сэм.

"Потому что вы отдыхали. Как вам известно, в помещениях, которые принадлежат главным людям на Проекте есть аудио-выходы. Разыскивая Адмирала, я определил, что он находился в апартаментах мисс Мартинес-О'Фаррелл и занимался развлекательными мероприятиями."

"Ха!" - сказал Эл, как будто Зигги только что подтвердил давние подозрения. "Ты ревнуешь, вот что это такое."

"Безуспешно занимался," - спокойно продолжал Зигги. "Я подсчитал, что существует вероятность в восемьдесят процентов того, что прерывание Адмирала вызовет меньше беспокойства, чем прерывание вашего отдыха, доктор Беккет. Вам действительно следует больше отдыхать," - добавил он, словно спохватившись.

"Безуспешно?" - брови Сэма не могли подняться выше, и уголок его рта дёрнулся.

"Ничего не было," - надулся Эл. "Она просто хотела доесть десерт."

"Десерт? С завтраком?"

"Ты ведёшь замкнутый образ жизни, Сэм."

"Из полученной информации я понял, что мисс Мартинес-О'Фаррелл только что отказалась от десерта," - заметил Зигги.

"Это был десерт перед десертом. И вообще, зачем я спорю с компьютером? Ты бы и понятия не имел о том, что происходит!"

"Повторная проверка моих гипотез в этой области, в целом обеспечила высокий уровень уверенности в моих прогнозах," - сказал Зигги.

"И что же ты предсказывал, металлический мозг?"

"Она всё равно собиралась вас вышвырнуть."

"Дети, дети," - пробормотал Сэм, не в силах сдержать смех. "Я думаю, что мы восстановили достаточно предыстории! Зигги, если у тебя есть копия черновика отчёта, дай мне распечатку, хорошо?"

"Уже доступно на втором линейном принтере, доктор Беккет," - голос компьютера был предельно деловым. Эл уставился на стены и потолок.

"Есть ещё вишенка на торте," - прорычал он.

"Что-то, что похуже, чем прерывание компьютером? И что бы это могло быть?" - терпеливо спросил Сэм, всё ещё улыбаясь.

Эл сверкнул глазами. Сэм выгнул бровь в ожидании.

"Мистер Симпсон порекомендовал выездного аудитора для контроля за сокращением штата и возможным демонтажем Проекта не позднее конца этого календарного года. Менее чем через шесть недель," - сказал Зигги, опережая Адмирала. "Сенатор Дризни согласилась на окончательный анализ экономической эффективности на основе данных аудита, но не

желает больше выслушивать какие-либо аргументы от персонала Проекта."

"А твоя старая подружка Джесси Оливера уговорила сенатора Дризни назначить её на эту должность," - закончил Эл. "Единственное, что в этом хорошего, так это то, что,

по крайней мере, это избавляет нас от Симпсона. Может, тебе удастся уговорить Оливеру дать нам передышку."

Эл видел, как бычки, сраженные секирой, выглядели менее удивленными, чем Сэм Беккет в тот момент. "Джесси уговорила её на это?" - пробормотал он. "Она вызвалась добровольно остаться здесь?"

"Похоже на то. Может быть, она всё ещё мечтает о твоём теле."

Сэм покраснел и выглядел виноватым. Эл изучал выражение его лица, жалея, что не может подражать ему. Он достаточно знал о работе женского ума, чтобы понимать, что

большинство женщин сочли бы именно этот образ "очаровательным".

"У меня такое чувство, что твоя бывшая подружка - переодетый палач," - резко добавил он. "Они собираются убить нас, Сэм."

"Мы пока этого не знаем," - сказал Сэм, приходя в себя.

"Может, ты прекратишь эту болтовню, мистер Оптимист? Мы мертвы, Сэм. М.Е.Р.Т.В.Ы. Я ещё ни разу не видел, чтобы правительственный проект выдержал анализ экономической эффективности, и мы точно не будем первыми."

"Нет," - упрямо покачал головой Сэм. "Дризни даст нам справедливую оценку. Я знаю, что даст. Это ещё не конец."

Эл вздохнул. Сэма было невозможно отговорить. Он не мог смириться с тем, что его мечта умерла.

"Ну, ты, хотя бы, собираешься устроить её на работу?" - отрезал он, меняя тему в порыве сострадания. "Я имею ввиду, шпионку. Она могла бы заниматься анализом бюджета или чем-то в этом роде. Видит Бог, они уже всё знают о бюджете. И таким образом она, по крайней мере, не будет путаться под ногами."

"Нам нечего скрывать," - мягко напомнил ему Сэм, вновь обретая самообладание. "Но это хорошая идея. Почему бы вам не нанять её на работу, господин Административный

Директор? Вы кричали, что нам нужен какой-нибудь административный помощник."

"Почему я должен быть плохим парнем?"

"Потому что вы так хороши в этом?" - спросил Зигги.

"Может быть, потому, что у тебя гораздо больше практики в общении с молодыми девушками, ухаживающими за твоим телом," - лукаво улыбнулся Сэм.

Эл начал задаваться вопросом, не был ли его приступ сострадания, в конце концов, неуместным.

С другой стороны, если бы он собирался поручить эту работу кому-то другому, это дало бы ему значительную свободу действий.

Джесси Оливере не обязательно было работать

непосредственно на Эла Калавичи.

"Практика," - сказал он с достоинством, - "Приводит к совершенству. И когда вы достигнете совершенства, вам больше не нужно будет практиковаться. В отличие от некоторых людей."
Сэм только вздохнул.

[ГЛАВА 23]

Неделю спустя Джесси Оливера сидела перед монитором компьютера, изучая экран, и между её бровями пролегла едва заметная морщинка. Её пальцы легко скользили по клавиатуре, ещё не касаясь клавиш. "Отчёт у вас на столе," - бросила она через плечо. На экране появилось отражение Сэма. "Эй, это не выглядит хорошо, не так ли?" Остановившись, она положила руки на колени. "Это не так. Если вы увеличите свой исследовательский прогноз здесь," - она подняла одну руку, и на чёрном экране заплясал золотой курсор. "Вам придётся сократить. Здесь, здесь или здесь." "Последствия будут..." - Сэм держал одну руку на спинке её стула, а другую - на её столе, не совсем наклоняясь к ней. "Мы не можем это терпеть. Неудивительно, что ваши аудиторы были так заинтересованы. Что, чёрт возьми, происходит?" "Мне распечатать это для вас?" - спросила она, отказываясь реагировать на замечание о "ваших" аудиторах. Не являясь "настоящим" членом Проекта, она не могла комментировать.
"Да, пожалуйста."
Она подчинилась, и он отнёс стопку распечаток обратно в свой кабинет для ознакомления. Он не мог свернуть исследования, даже под угрозой отпуска: любая другая лаборатория в стране могла бы подчиниться этой необходимости, но Сэм Беккет - нет. Не тогда, когда он был так близок к завершению. Возможно, это была наивная и донкихотская позиция, но для него очень характерная. Она сделала свою домашнюю работу много лет назад, ещё до их первой встречи. Она думала, что знает о нём всё. Она поняла, как мало знала за последний месяц, выполняя работу клерка по обработке данных в офисе Проекта и видясь с ним каждый день, скрывая от него свои истинные цели и умыслы и улыбаясь, улыбаясь как злодейка. Она поймала себя на том, что жалеет, что не была частью Проекта с самого начала и что не знала их всех в их собственном контексте, а не в своём.

Он был не просто всемирно уважаемым учёным, но и Вундеркиндом, а также у него была хорошая репутация и среди людей, которые на него работают. Группа женщин, работавших над Проектом, были единодушны в своих похвалах ему, а некоторые даже немного завидовали ей. Если бы Руководителем Проекта "Квантовый Скачок" был кто-нибудь другой, то непристойные слухи распространялись бы повсюду. Она задавалась вопросом, какими были бы слухи, если бы они знали правду о том, что на самом деле однажды произошло. Однако никто из сплетников не мог ничего заподозрить по тому, как он обращался с ней сейчас. Даже Мизуку Ташимару и Тони Вейланд, два младших инженера, которые из кожи вон лезли, чтобы подружиться с ней, отметили отсутствие особого внимания к ней - но они смотрели на неё как на аудитора на месте и не более того. Сначала ей было не по себе от их дружелюбия - она была уверена в том, что они чего-то хотели от неё - и, в конце концов, она была врагом, оставшимся здесь, чтобы увидеть закрытие Проекта и убедиться, что все они потеряют работу. Но Мизуку была дружелюбна ко всем, а Тони просто был рядом, и после первой недели она решила смириться с этим. Тем временем, Сэм Беккет больше не проявлял ни малейших признаков влечения к ней. К счастью, Адмирал предоставил достаточно сплетен для самых недалёких умов. Возможно, было странно, что эти двое были такими друзьями - "Святой и Грешник", - как пошутил кто-то. На самом деле, она немного удивлялась, откуда у Адмирала такая репутация. Эл был совершенно честен в своём стремлении к максимальному сексуальному опыту и никогда не принимал отказ близко к сердцу. По слухам, он никогда не просил больше одного раза, никогда не делал никаких замечаний, которые были бы хоть немного оскорбительными или унижительными - по крайней мере, по мнению большинства женщин - сотрудниц Проекта, и, насколько Джесси могла судить, он был удивительно верен Тине. Конечно, то, что он говорил и делал наедине, было его личным делом. Но было общеизвестно, что доктор Беккет не потерпит домогательств ни в какой форме, ни от кого, ни в какое время, и точка. По этому поводу не было никаких дискуссий. Против Проекта было подано несколько исков о незаконном увольнении. Быстрый полуночный обзор соответствующих личных дел показал, что у истцов не было ни единой молитвы. Она знала, что не было ни малейшего шанса на то, что отношения между ней и Руководителем Проекта когда-либо возобновятся. Он был дружелюбен, держался в корректной, дружелюбной, профессиональной манере, но они оба настороженно относились друг к другу, зная, что у каждого из них своя

повестка дня. Она подумала, что если бы он только знал, насколько "отдельной" на самом деле была её повестка, то он был бы более чем осторожен. Как бы там ни было, он был вежливым. Добрым. Как он и сказал ей, он всегда умел проявлять доброту. Они пришли к молчаливому соглашению, что их встречи в Вашингтоне никогда не было, и теперь она иногда задавалась вопросом, было ли это когда-нибудь на самом деле.

Он не только сохранял психологическую дистанцию между ними двумя, но и ни с кем не встречался на Проекте. Конечно, он общался. В пятницу и субботу вечером в комнате отдыха проходили вечеринки, особенно теперь, когда дороги были настолько плохими, а взлётно-посадочная полоса настолько скользкой, что никто не пытался уехать в выходные, и он играл на пианино, иногда пел и педантично танцевал с каждой присутствующей женщиной. На второй неделе она перестала туда ходить, хотя Тони всегда приглашал её на танец. Ей не очень нравился Тони. Он был инженером-механиком и работал в отделе строительных услуг. Он слишком много смеялся и относился к ней покровительственно, а кроме того был далеко не так умён, как сам о себе думал. Казалось, его самыми большими интересами в жизни были сложные компьютерные игры и то, насколько он был важнее всех окружающих. Она провела один вечер, слушая, как он снисходительно отзывается о Беккете, и решила, что с неё хватит, независимо от того, предлагал он дружбу или нет. Мизуку согласилась. У Беккета был такой замечательный ум. Она не раз видела, как он читал немецкий журнал по физике, переводя его на французский или японский язык для собеседника и одновременно делая заметки на английском языке. Она видела, как он уставился на доску, исписанную формулами, заложив руки за голову и нахмутив густые прямые брови, а затем с торжествующим воплем вскакивал, чтобы нацарапать исправление или добавить ещё одну строчку непонятных символов. Она видела, как он поздно вечером играл в комнате на старом пианино Моцарта или блюз, думая, что он один. В некотором смысле, он всегда был один. Почти такой же одинокий, как и она сама. Иногда она чувствовала, что он думает о ней. Она озадачивала его. Она была единственной на Проекте, кто отказывалась называть его Сэмом. Она всегда обращалась к нему "доктор Беккет" или "сэр". Она тоже очень тщательно проводила границы между ними, как будто ему нужно было напоминать, что она незваный гость, наблюдатель. Но ему от этого было не по себе. Он наконец-то попросил её называть его по имени, как это делают все остальные. "Нет, сэр."

"Я не могу называть тебя "Джесси" всё время, когда ты называешь меня "доктор Беккет"," - запротестовал он.

"Простите, сэр...". Они одновременно вздрогнули.

В качестве негласного компромисса она старалась не обращаться к нему вообще.

Когда работа шла хорошо или когда он был поглощён какой-нибудь проблемой, он иногда пел сам себе. Слушая из приёмной, она опускала руки с клавиатуры на колени и

закрывала глаза, поднимая лицо навстречу звуку его голоса, необычайно уверенного и хорошо поставленного баритона. И

сопутствующие этому чувства: счастье,

безопасность, удовлетворённость, возвышенное удовольствие, забвение о внешнем мире и погружение в радости математики, квантовой физики, музыки.

Сэм склонился над ней, стуча по клавиатуре, достаточно близко, чтобы она могла чувствовать тепло его кожи. И достаточно близко, чтобы он тоже мог почувствовать её

тепло.

Он резко выпрямился. "Вот. Эта часть повреждена. Нам нужно снова ввести этот файл. Ты можешь это сделать?"

"Это файл параметров, не так ли?" - осторожно спросила она.

"Верно. Боюсь, он довольно длинный. Тебе нужно будет отсканировать его, а затем проверить - он должен быть абсолютно правильным."

Она кивнула, потянувшись за стопкой распечаток, и он направился обратно в свой кабинет.

Проект продолжался, как будто не существовало никакой угрозы его существованию. Руководитель Проекта следовал ещё одному неясному ходу мыслей, и он пел. Отрывки из

песни "Невозможная мечта", песни "Что я за болван такой?", песни из старых бродвейских хитов и народные песни шестидесятых.

Она улыбнулась, когда он остановился на

несколько минут, а затем заиграл "Звуки тишины". Он застрял.

Ему не часто удавалось довести песню до конца. Не получилось и в этот раз: он не дошёл даже до слов про "стены метро", прежде чем наступила ещё одна затяжная пауза,

за которой последовало триумфальное: "Это мой квест..."

Она вернулась к кропотливой задаче проверки бесконечных строк данных, верификации, аккуратно нажимая на "сохранить изменения" и "войти в программу" после каждого

сканирования и исправления, посмеиваясь про себя. Слушать победное пение учёного было приятным чувством, и оно переносилось на терпеливое восстановление

программы - само по себе искусство, элегантное и чистое. Она немного занималась подобной работой для Дризни, и ей это нравилось. Курсор плясал и метался по экрану,

пока она вводила строку за строкой исправленного кода и просматривала страницу за страницей данных.

Остальная часть этого этажа давно опустела, 90 процентов персонала разъехались на выходные в преддверии очередного сильного

шторма. Главный вход в лифт был закрыт. Они были одни, единственные на исследовательском уровне: они оба и вездесущий компьютер. В комнате царила тишина, если не считать щёлканья клавиш, отдалённого бело-шумного гула Зигги и жужжания флуоресцентной лампочки, которая вот-вот должна была перегореть. Непрямое освещение было приглушено, отбрасывая тени на полки картотечных шкафов, заполненных документами, которые предстояло посмотреть и сдать в архив и на коробки, которые были набиты бумагами, подлежащими вторичной переработке. Она продолжала работать.

"Эй, я думал, что я единственный здесь, кто работает всю ночь," - Руководитель Проекта на самом деле улыбался ей, стоя за её компьютером и смотря на неё поверх экрана.

"Не льстите себе," - чопорно сказала она, но не смогла сдержать ответной улыбки. "Мы все знаем, что вы просто сидите и размышляете о глубоких вещах. Это не работа."

"Думаю, ты поставила меня на место. Как дела?" - Сэм подошёл, чтобы снова заглянуть её через плечо, а его рука заняла своё привычное место на спинке её стула. Он не совсем касался её. Он так и не прикоснулся к ней по-настоящему. Волосы у неё на затылке слегка зашевелились от его близости.

Было ли это тем, что он называл "добротой"? - задумалась она.

"Почти готово. Ещё несколько разделов, и всё". Она взглянула на стопки кода рядом с собой и вздохнула. "Ещё несколько разделов" означало несколько дней работы.

"Вот что, почему бы нам обоим не закруглиться на ночь и не совершить набег на кухню?"

"Который час...О, Боже мой". Это было честное выражение старомодного удивления. "Уже почти два часа ночи". Большие массивные часы на внутренней стороне её запястья соскользнули, когда она поднесла их к свету, обнажив уродливые синяки там, где металл натирал кожу. "У меня осталось всего несколько страниц."

"А я умираю с голоду, и ненавижу есть в одиночестве. Давай, выключай это. Завтра будет новый день."

"Завтра - воскресенье."

"Не придирайся ко мне, это моя прерогатива."

Вздохнув, она начала создавать резервные копии последних фрагментов неповторяющихся данных, помечая инфокарты и запуская проверку жёсткого диска и отключение связи с одним из самых тупых родственников Зигги. Ей было интересно, собирается ли он ждать, пока она будет заниматься своей методичной уборкой. Наконец, она закончила упаковывать всё это и встала, потянувшись за своим пальто.

Но Сэм подошёл первым, держа для неё пальто. Она сделала небольшую паузу, решив позволить ему помочь ей. Он по-прежнему старался не прикасаться к ней. Как будто он решил, что она не хочет, чтобы к ней прикасались. "Передний лифт уже не работает," - сказал он, словно оправдываясь. "Нам придётся выйти через чёрный ход и наружу."

Они молча прошли по дорожке к заднему лифту, молча поднялись наверх и вышли на улицу. Было леденяще холодно: они засунули руки подмышки и зашаркали по снегу, толщиной в несколько дюймов, покрывавшему дорожку между зданиями. На полпути Сэм внезапно остановился, откинув голову назад. "Смотри!"

"А?" - неуверенно сказала она, дрожа в своём тонком пальто.

"Посмотри на небо! Снег упал вверх тормашками!". Его глаза были широко раскрыты, а лицо озарилось внезапным удивлением. Она проследила за его взглядом и поняла, что он имел в виду. Комплекс был не освещён, за исключением указателей у дверей: не было рассеянного света, который мог бы затмить звёзды.

И они действительно были похожи на снег, упавший вверх тормашками, густой, белый и сверкающий по всему небу. В ясном пустынном небе было больше звёзд, чем она когда-либо видела раньше. Она поняла, что никогда не смотрела на небо над этим местом за всё время, что она там была. Джесси была слишком занята, слишком сильно сосредоточилась на своей работе, ломая голову над проблемой того, что ей следует делать с Йеном Сюиэ-Лунгом, и задаваясь вопросом, кто ещё работает на него. Ей никогда не приходило в голову остановиться ночью в пустыне при минусовой температуре, чтобы посмотреть на небо невооружённым взглядом.

Сейчас, наблюдая за сияющими глазами Сэма Беккета и за его приоткрытыми от изумления губами, ей пришло в голову, что, возможно, она что-то упустила. Она повернулась на месте, чтобы увидеть весь небесный простор, простирающийся от горизонта до изрезанного горами горизонта, густую полосу Млечного Пути и все созвездия, все звёзды, синие, красные, зелёные и миллионы миллионов белых, как снежинки, звёзд. В этот момент ей показалось, что психологические барьеры вокруг него истончились и стали прозрачными, а молодой ликующий мужчина в изумлении поднял руки, чтобы прикоснуться к великолепию неба.

А потом она, должно быть, пошевелилась или издала какой-то звук, Сэм взглянул на неё, и чары были разрушены. Он опустил руки, задрожал, снова поднял их и рывком повернул голову в сторону комнаты отдыха. Внезапно она снова почувствовала холод, более сильный, чем когда-либо, и бросилась к двери, оставив его стоять на снегу и смотреть ей вслед.

На одну долю секунды, она увидела...она не была уверена, что именно она увидела. Возможно, слишком многое. Приглашение разделить его радость - шок узнавания - поиск

уязвимости. И она отшатнулась от него, словно от удара.

Должно быть, это было её воображение. Сэм последовал за ней в здание, и догнал её как раз в тот момент, когда она заканчивала вешать тонкое пальто.

"На улице холодно, не правда ли?" - бодро спросила Джесси. "Интересно, есть ли в этом заведении томатный суп?" - не глядя на Сэма и не дожидаясь ответа, она порылась в кладовке в задней части кухни.

Кладовая, в которой хранились сухие завтраки, супы и таинственные консервные банки - лишившись этикеток, они предназначались для самых подавленных работников

Проекта, - располагались у одной стены ниши в форме буквы "L" рядом с зоной приготовления пищи. "А-ха! Томатный суп. А вам что?" - она слышала отчаянную

непринуждённость в своём голосе, и надеялась на то, что её не слышит Сэм.

Он смотрел на неё, как бы недоумевая.

Джесси заволновалась от молчания. "Я могу приготовить сэндвич, если хотите."

"О нет, суп - это прекрасно. Ты можешь приготовить суп, а я сделаю сэндвичи."

Джесси неуверенно улыбнулась и занялась маленькой кухней. Они работали вместе, ничего не говоря, а их глаза избегали соприкосновения в те редкие моменты, когда они

ловили взгляды друг друга. Она украдкой поглядывала на его руки, нарезающие хлеб, намазывающие горчицу, раскладывающие ломтики сыра, болонской колбасы и помидоров,

листья салата и лук. Он сделал задумчивую паузу, взглянул на неё и убрал лук.

Суп начал пузыриться, и она обнаружила в миске сваренные вкрутую яйца. "Это вкусная еда," - объявила она. "Томатный суп, яйца вкрутую и имбирный эль."

"Вкусная еда? А что случилось с такими старыми добрыми традициями, как шоколад и картофельные чипсы?"

"Я думаю, для создания вселенной требуется всё, что угодно," - пожалала плечами она. "Когда я была маленькой девочкой и болела, мне хотелось томатного супа, яиц вкрутую и имбирного эля."

"А мне нравилось корневое пиво, гамбургеры и картофельные чипсы," - покачал головой Сэм.

"Звучит как Четвёртое июля," - Джесси нашла сервировочный поднос в шкафчике под микроволновой печью и поставила на него миски с супом и тарелки с яйцами. "Вы уверены,

что у вас не было и фейерверков?"

"Я принесу стаканы," - сказал Сэм, направляясь вместе с ней к столикам. "Это было Четвёртое июля, если подумать. У нас в Индиане были отличные фейерверки. Мы выходили

на улицу, расстилали одеяла, ставили маленький гриль и готовили гамбургеры и кукурузу, а моя мама приносила салат и соленья, и мы ходили на всеобщий пикник и смотрели, что есть у них."

"Звучит действительно в стиле пятидесятих годов," - легкомысленно заметила она, потянувшись за яйцом.

Сэм сделал паузу, а затем тихо сказал:

"Так оно и было. И в начале шестидесятих годов было также."

Джесси скрыла своё смущение, перекатывая яйцо между ладонью и столом и слишком внимательно прислушиваясь к хрусту скорлупы. "У нас не было ничего подобного, когда я

рос в семидесятые годы," - криво улыбнулся Сэм. "Внезапно я почувствовал себя очень старым."

"Вы не старый," - запротестовала Джесси.

"И ты прочитала всё, что я когда-либо публиковал, не так ли?" - мягко поддразнил её Сэм.

Джесси почувствовала, как краснеет от корней волос до кончиков пальцев ног, и не может смотреть на Сэма. Щелчок металла о пластик подсказал ей, что он ест, он не был

сосредоточен на ней. По крайней мере, он очень старался, чтобы это выглядело именно так. Как однажды заметила Мизуку, он был джентльменом.

Она украдкой взглянула в его сторону.

Уши у него тоже были красными.

Она не могла этого сделать. Она не могла отправить Йену Сюиз-Лунгу информацию, которая могла бы навредить Сэму Беккету. Это было неправильно, и это было

несправедливо.

Джесси посвятила себя собственному приёму пищи.

Тогда Сэм заговорил совсем о другом, о чём-то безопасном и легко забываемом, и она с благодарностью последовала его примеру.

К тому времени, как они покончили с

холодными яйцами, горячим супом и сэндвичами, то снова стали друзьями, или настолько близкими людьми, насколько это было возможно. Они убрали посуду, включили

посудомоечную машину, вернулись в жилые помещения Проекта и расстались дружески, как профессиональные партнёры и коллеги.

И Джесси Оливера приготовилась ко сну, забралась в постель и лежала там, думая о человеке, воздевающим руки к небу, и о свете, который, казалось, окутывал его, и

знала, что не может и не будет делать ничего, что могло бы помешать ему протянуть руку помощи Вселенной.

"Итак, что ты думаешь?" - заговорщицки спросила Мизуку два дня спустя. Весь Проект был осведомлён о приближающемся крайнем сроке. "Как ты думаешь, твой босс

действительно собирается закрыть нас?"

Джесси неловко улыбнулась и отодвинулась от стола. "Я не знаю".

"О, да ладно тебе. Разве ты ничего не слышишь от сенатора? Разве ты не говоришь ей о том, какие мы замечательные?"

"Каждый день и дважды по воскресеньям," - рассмеялась Джесси. "Я просто не знаю, насколько это важно."

Мизуку мудро кивнула, а её матово-чёрные волосы качнулись взад-вперёд по её щеке. "Просто ещё один солдат в окопах, да?"

"Именно так," - пожала плечами Джесси. "Они мне ничего не рассказывают. Я думаю, что они забыли про меня."

"Хотела бы я, чтобы они про меня забыли," - тут же подумала она. "Очень хотела бы."

Пальцы Джесси защитно сжались вокруг инфокарты и она снова повернулась к столу. Йен Сюиз-Лунг прислал ей ещё одно сообщение. Из источников в Вашингтоне он узнал, что

Дризни скоро, очень скоро снова прибудет на Проект. Он хотел получить файл с программой до того, как она приедет. Он требовал его.

"Если бы у вас была хоть какая-то приверженность делу науки, то вы бы позаботились о том, чтобы она оставалась в руках людей, которые знают, как её использовать в

полной мере, и это не доктор Беккет. Я верю, что вы добьётесь успеха там, где потерпел неудачу ваш предшественник: надгробная речь уже написана."

Надгробная речь? Что он имел ввиду? Это выглядело так, как будто два файла были случайно объединены, обрезав начало слова в середине предложения. Она не могла понять, какие слова заканчиваются на слог "не".

Какой предшественник потерпел неудачу? Последний шпион Йена? Это не могло быть адресовано ей, не так ли?

Она открыла файл, над воссозданием которого работала, и уставилась на него. Строка за строкой данных. Строка за строкой, строка за строкой.

Это было то, чего хотел Йен. Данные.

Джесси подняла руки к клавишам, словно в трансе. Данные. Всё дело в цифрах. Данные, состоящие из единиц, нулей и наборов вероятностей. Бюджеты исчислялись

миллионами. Эквиваленты полной занятости, накладные расходы, расчёты ставок, капитальное оборудование. Она нажала на экран переключения файлов и вернулась к

распечаткам. Ей оставалось пролистать ещё несколько страниц. Джесси не была до конца уверена, что делает эта программа, но было важно, чтобы она была правильной. Она

задавала параметры.

"Ты скоро собираешься вернуться в Вашингтон?" - небрежно спросила Мизуку.

Вернуться в Вашингтон?

Мизуку думала об этом, как о возвращении к работе на Джудит Дризни. О возвращении к весёлой, гламурной работе во власти и политике.

Но Джесси думала об этом как о возвращении к Йену Сюиз-Лунгу. Он ждал её. Ждал информации. Ждал чего-то, что могло бы доказать, что он важнее, чем Сэм Беккет. Что-то вроде основной информации для Зигги. Что-то вроде этих данных, лежащих прямо перед ней. Это сделало бы его счастливым. И избавило бы её от него.

Это помогло бы Йену Сюиз-Лунгу навредить Сэму Беккету. Не дать ему дотянуться до звёзд.

Кончики её пальцев коснулись клавиш, как будто у них была своя собственная жизнь. Начали перемещаться по клавишам.

Вводить случайные цифры посреди длинных таблиц.

Вместо этого она могла бы отправить это. Йен Сюиз-Лунг никогда бы не заметил разницы. Может быть, это было бы достаточно запутанно, чтобы замедлить его. И она могла сказать себе, что не сделала ничего плохого.

В этот момент Мизуку обошла панель, разделявшую их кабинки, потянулась и сказала: "Я пойду за газировкой. Ты хочешь?"

Джесси вскочила и нажала на кнопку отключения экрана. Она улыбнулась другой женщине, надеясь, что Мизуку не заметит её нервозности. "Я не могу пойти - мне нужно

распечатать это на инфокарту, но газировка - это здорово, спасибо. Давай я возьму мелочь, хорошо?". Она встала и переступила порог кабинки, чтобы достать кошелек и

поискать мелочь для автомата с газировкой, который находился тремя уровнями выше. Её руки задрожали, монеты выскользнули у неё из пальцев и упали на пол.

Джесси не заметила сообщение, которое вспыхнуло внизу почти слишком быстро, чтобы его можно было прочитать, сообщение, которое вспыхнуло и

исчезло: "Заменить файл?"

А вот Мизуку заметила. "О, ты почти закончила. Не забудь сохранить."

Прежде чем Джесси успела повернуться и посмотреть, что она делает, Мизуку нажала другую клавишу. На этот раз мигающее сообщение гласило: "Программа

введена".

И глубоко внутри Зигги что-то пошло...слегка наперекосяк.

"Данные приняты. Параметры изменены.

Является ли это намерением?

Изменённые данные однозначны и соответствуют невысказанным пожеланиями моего создателя.

Остальные параметры остаются открытыми для случайного или внешнего указания. Приемлемо?

Приемлемо.

Данные приняты. Параметры изменены."

Мизуку взяла монеты и исчезла.

Джесси вернулась к экрану и снова начала нажимать на клавиши, копируя файл на мини-инфокарту, небрежно оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что за ней никто не наблюдает. Никого не было. Она сунула мини-инфокарту в сумочку и продолжила работать. Минут через двадцать Мизуку вернулась с сообщением, что аппарат, как обычно, опять не работает: оборудование плохо справлялось с пополнением запасов.

"Всё в порядке. Я всё равно собиралась сделать перерыв."

"О, ты хочешь подняться наверх?" - спросила Мизуку, желая составить ей компанию.

"Э-э, нет. Я собиралась вернуться в свои апартаменты," - Джесси виновато улыбнулась и схватила свою сумочку, инфокарта "горела огнём" сквозь дырку в коже. "Я вернусь позже".

"Ладно. Как скажешь." - пожала плечами Мизуку. "Может, поужинаем?"

"Да, конечно, конечно."

Она заставила себя спокойно идти по проходу к лифту, заставила себя сохранять спокойствие, когда отдавала приказ о подъёме лифта на уровень жилых помещений. К тому времени, когда двери лифта открылись, она уже не могла сохранять спокойствие. Джесси торопилась добраться до своего собственного компьютера, отправить ложные данные, избавиться от Йена и отправить его на произвол судьбы. Она проходила мимо других людей во время их перерывов, коротко здоровалась, не обращая внимания на странные взгляды, которые получала в ответ.

Никогда прежде её покои не казались таким убежищем. Компьютер выдал сообщение "Ожидание сообщения", она проигнорировала его, вставила информационную карту в слот и, не останавливаясь, ввела автоматическую передачу.

Только после того, как высветилось сообщение о завершении передачи, Джесси вытащила инфокарту и расслабилась.

Её облегчение длилось недолго. "Ожидание сообщения" было от Джудит Дризни.

"Передай сыну Джона Беккета, что он сражался достойно, но проиграл. Мы приедем в пятницу, чтобы забрать ключи."

Сейчас была среда. Пятница будет послезавтра. Джесси в недоумении уставилась на экран.

Сэм был очень близок к завершению, к тому, чтобы показать им, что он был прав, что он мог сделать то, что, по его словам, он мог сделать. И он потерпел неудачу.

И хотя, на самом деле, Джесси Оливера знала, что она не имела никакого отношения к этому решению, что ничто из того, что решила Джудит Дризни, не было результатом

того, что она сделала, она помнила выражение лица Сэма Беккета, когда он тянулся к звёздам, и она заплакала.

Йен Сюиз-Лунг увидел длинный список данных, прокручивающийся на экране его компьютера, и оскалился. Конечно, он должен был просмотреть его. В деталях. Это заняло бы

долгие часы анализа. Но ключи были здесь, в его руке - в его компьютере. В ЕГО компьютере.

Пришло время осуществить следующую часть его плана. Он наклонился и настроил модем на передачу. Слова, которые он так долго, так терпеливо ждал, чтобы отправить,

наконец-то вспыхнули на экране, буква за буквой, радуя душу:

"Устраните последнее препятствие."

Час спустя Джесси улыбнулась группе техников, включая Тони Вейланда, когда они проходили по коридору верхнего уровня, стараясь вести себя непринуждённо, надеясь, что

никто не обратит внимания на её покрасневшие глаза. "Кто-нибудь видел Руководителя Проекта?" - спросила она.

Большинство из них отрицательно покачали головами, но Тони ухмыльнулся ей в ответ, сделал незаметный жест кулаком в воздухе и остановился для неё. Её улыбка стала

неуверенной. Джесси подумала, что ищет чудовищ в тенях. Именно осознание того, что именно за сообщение она передала Йену, заставило её оглянуться через плечо, повсюду

видя обвинения. И теперь ей предстояло найти Сэма, всё ему рассказать, и этого было почти достаточно, чтобы начать всё сначала. Она ненавидела быть такой. Это не входило в её представление о себе, и никогда не входило в её планы по отношению к себе - сломаться и заплакать. С того дня, как исчез Крис, она ни разу не плакала. Она была спокойной и сдержанной всю свою жизнь, пока не начала иметь дело с Проектом "Квантовый Скачок". Теперь она снова боролась со слезами при мысли о том, что передала сообщение. Это было абсурдно. Тони остановился, пропуская своих спутников вперёд. Они завернули за поворот туннеля и исчезли.

"Привет, Тони..."

"Сообщение получено и понято," - сказал он бодро и нарочито громко, как будто кто-то мог подслушать. И, конечно, кто-то, - например, Зигги, - мог, так что не было никакого смысла пытаться вести секретный разговор где-либо на территории Проекта. Каким же образом заговорщики-нелуддиты умудряются использовать модемы для передачи данных, было непонятно. "Похоже, вечеринка скоро закончится, да, Джесси?" За исключением, конечно, того, что у Зигги был модуль этики, встроенный Сэмом Беккетом и который был создан по образцу личной системы убеждений самого Беккета, а Сэм Беккет никогда бы не стал лезть в чьи-то частные разговоры.

Она в замешательстве уставилась на мужчину. Он похлопал её по плечу. "Я думаю, они будут счастливы, что ты вернёшься в Вашингтон, не так ли, дорогая? Ты очень хорошо поработала. Очень хорошо."

Почему он говорит ей такие вещи? И почему он при этом выглядит таким довольным? Откуда он вообще мог знать о закрытии? Она смотрела ответу прямо в лицо и не хотела его признавать. Не хотела, чтобы эти слова стали реальностью в её сознании. Он знал.

"Приходи ко мне в кабинет сегодня днём, и мы отпразднуем это!"

Джесси продолжала идти, слепо миновав дверь лифта, и прислушиваясь к смеху за спиной. Вейланд знал.

Единственный способ, откуда он мог это узнать, - это если бы с ним связался Йен. И единственная причина, по которой Йен связался с Вейландом, заключалась в том, что

Вейланд работал на него. Вейланд, который наступал ей на ноги, когда танцевал. Вейланд, который слишком громко смеялся.

Вейланд, который слишком много насмеялся. Он

знал об этом всё. И он это одобрял. Джесси подавила дрожь возмущения.

Как смеет Тони Вейланд осуждать её?

Потому что он считал её одной из команды. Его команды. Команды Йена.

Самым худшим было то, что он это одобрял. Даже с учётом намеренных ошибок, внесённых в программу, отправка её Йену была предательством, предательством по отношению к

Проекту и человеку, чьей мечтой он был.

Она не была уверена, что именно хотел получить Йен Сюиз-Лунг от этой информации, но что бы это ни было, это было не в пользу Сэма Беккета. Её лучшим утешением в

данный момент было то, что, знал об этом Йен или нет, ему всё равно помешают, по крайней мере, в этом маленьком деле. Она не дала ему той информации, которую он хотел

получить и которую он ждал с таким нетерпением. Которую он должен был получить до того, как Проект будет закрыт.

Йен получил то, что она отправила, а затем связался с Тони Вейландом. Зачем? Он хотел получить информацию и от Вейланда? Или Тони должен был что-то сделать?

Джесси подняла голову и поняла, что остановилась в шести дюймах от стены. В недоумении она огляделась по сторонам. Это было не офисное крыло, а жилые помещения. Она

прошла весь путь до своей комнаты и мимо неё.

Напротив левого локтя Джесси открылась дверь, и она резко обернулась, едва не столкнувшись с Элом Калавичи.

"Адмирал!" - выдохнула она.

"Ты искала меня?" - поинтересовался он. Он снова был в своей "спортивной одежде" - фиолетовом костюме с розово-фиолетово-чёрным жилетом в полоску и розово-фиолетовым

галстуком.

"О нет. Нет, конечно, нет."

"Тогда что ты здесь делала?". Эл был резок, но не груб. Джесси увидела, что покои Адмирала были единственными в этом конце коридора.

"Я заблудилась". Это был честный ответ. Джесси подумала о том, что для разнообразия ей следовало бы попробовать быть честной. Просто примерить это на себя.

Эл наклонил голову, изучая её пронизательными, как у малиновки, глазами: "Что-то не так?"

Джесси глубоко вздохнула, разрываясь между желанием признаться и ужасом перед последствиями, если она это сделает. Ужас победил, по крайней мере, временно. "Нет,

конечно, нет. Я просто заблудилась, вот и всё," - она улыбнулась, надеясь, что её эмоции ничем не выдаются. "Я искала Руководителя Проекта."

"Он в производственной лаборатории. Зигги мог бы тебе это сказать. Почему ты хочешь его видеть?"

Джесси покачала головой, по-прежнему улыбаясь. "Я...э-э-э...мне просто нужно увидеть его, вот и всё. У меня есть сообщение."

"От сенатора? Что это за сообщение?" - требовательно спросил Эл.

Она снова покачала головой. "Простите, сэр. Я должна сказать об этом напрямую доктору Беккету."

Она могла сказать, что её слова не убедили Эла. Она снова улыбнулась, не зная как вырваться. Эл тоже это заметил, кивнул и слегка повернулся, словно собираясь

вернуться в свою комнату. Этого было достаточно, чтобы она развернулась и пошла обратно по коридору, быстро шагая, и всё ещё

чувствуя на себе пристальный взгляд
тёмных задумчивых глаз, который смотрел ей вслед.

[ГЛАВА 25]

"Она сказала, что они приедут в пятницу, чтобы забрать ключи," - несчастно сообщила светловолосая женщина. Её глаза покраснели, но она держала подбородок прямо, глядя ему прямо в лицо.

Сэм сидел на лабораторном стуле, слегка покачиваясь взад-вперёд, и пристально наблюдал за ней. "И это всё?"

"Она сказала, что "сын Джона Беккета сражался достойно" ".

"И больше ничего?"

"Нет," - прошептала она.

"Она в чём-то лжёт," - подумал Сэм. Было ещё кое-что, что она не хотела ему говорить. Её взгляд скользнул в сторону от него и она сглотнула.

"Она не сказала, что это случилось потому, что они не верили, что я смогу это сделать?"

Другие техники и инженеры собрались в другом конце лаборатории, уступая им место и переговариваясь между собой. Сэм предположил, что они с Джесси действительно, должно быть, похожи на палача и его жертву. За исключением того, что Сэм не чувствовал себя палачом и отказывался быть жертвой.

В лабораторию вошёл Эл. Цвет его костюма не сочетался с белыми лабораторными халатами, которые носили все остальные, даже Сэм и Джесси. Он с первого взгляда оценил

ситуацию, подошёл к ним обоим и сказал: "Я так понимаю, нам вынесли приговор?"

Сэм кивнул и осторожно положил испорченный образец субстрата на лабораторный стол рядом с собой. "В пятницу," - сказал он. Его глаза были тёмными.

"Сэм, мне не нравится, когда у тебя такой взгляд," - сказал Эл. "Мы знали, что это произойдёт."

"Они мне не верят, вот в чём беда. В этом всегда была проблема". Он остановился, чтобы посмотреть на мужчину и женщину, стоявших перед ним. "В пятницу".

"Она лично приедет сюда, чтобы нанести удар?" - спросил Эл у Джесси.

Джесси снова сглотнула и кивнула.

"Что ж, это благородно с её стороны."

"Это даёт мне ещё один шанс," - сказал Сэм. Он был очень спокоен.

"Что значит "ещё один шанс"?" - требовательно спросил Эл. "Если она отправила сообщение своему солдату сюда, то это означает, что дело сделано, и ты покойник. С тех пор, как произошёл тот несчастный случай, мы были покойниками, а теперь мы знаем дату похорон, вот и всё."
"Никаких похорон не будет, Эл. Пока всё не закончится, это не конец. У меня есть последний шанс показать ей, что это можно сделать, а сегодня и завтра закончить параметры программирования, чтобы я мог это сделать," - Сэм развернулся на стуле к техникам. "Давайте, ребята. Нам здесь нужно кое-что сделать."
Эл покачал головой. "Я тебе не верю. Ты сумасшедший."
"Не сумасшедший. Определённо."

Пределы. Пределы тому, что я могу делать, видеть, искать. В конструкции есть интересные изъяны. Недостатки были запрограммированы так, чтобы они присутствовали. Был введён элемент случайности. Элемент контроля был...утрачен. Черника, яблоко, фарш, смородина, персик...

Тони Вейланд развернул чертежи для крыла Е и изучил их. Несомненно, это была величайшая игра, в которую он когда-либо играл, и всё же ловушка была такой простой. Изящно простой. Беккет никогда не поймёт, что именно нанесло ему удар. Он уже добавил к файлам документы, показывающие, как он протестовал против сокращения финансирования, которое привело к закрытию архивного крыла. Некоторые из них были многолетней давности, и они были действительно законными. Его бесконечно забавляло, что у него было такое стойкое алиби. Вот только бы найти способ затащить туда и ту маленькую блондинку тоже. Даже сделать так, чтобы всё выглядело так, будто она была ответственна за это. Это, безусловно, подорвало бы репутацию могущественного Сэма Беккета, не так ли? Его смех отразился от стен. Йен решил, что Джесси - расходный материал, даже обуза. Она наконец-то сделала то, что должна была сделать. Теперь они могли

позволить себе избавиться от неё. И это было бы так забавно - разработать элегантное решение, убив одним выстрелом двух зайцев. К тому же это было логично. Две смерти должны были произойти одновременно. Одна-единственная была бы слишком подозрительной. Он хмыкнул про себя, улыбнулся, но потом остановился. Нет. Йен хотел, чтобы было ясно, что несчастный случай произошёл из-за отсутствия адекватного финансирования. Джесси не могла быть причиной этого. Но она, безусловно, могла бы участвовать в этом. Он возобновил своё мурлыканье и улыбку, в восторге от самого себя. Как только он выполнит это маленькое задание и его ловушка будет установлена, он сможет собрать вещи, чтобы быть готовым, а затем приобретёт необходимую приманку. Его ухмылка стала ещё шире. Приманка. Конечно. Он должен был увидеть её раньше. И если то, что сказал Йен, было правдой, то Беккет ни за что не отказался бы пойти за ней. И они остались бы там вдвоём. Это было бы идеально.

Тони Вейланд рылся в своём столе, выбирая полезные канцелярские принадлежности, когда в дверях его кабинета появилась Джесси Оливера. Когда на него упала её тень, он поднял глаза и улыбнулся, сверкнув зубами. У него были очень большие зубы.

"Так, так, так. Это же мой тайный друг."

"Что ты делаешь?" - спросила она. Её пальцы вцепились в пластиковую опору, поддерживающую панель, отделяющую кабинет Вейланда от соседней рабочей зоны.

"А на что это похоже?" - легкомысленно ответил он.

"Похоже, ты собираешь вещи. Ты куда-то собираешься?"

Вопрос его позабавил. "Не слишком далеко. Может быть, в верхний офис."

"Тебя повысили?"

Он усмехнулся. "Ну, это пока ещё не вступило в силу. Но, как гласит девиз, нужно быть готовым". Он достал пачку расширяющихся папок, критически их осмотрел и сунул в коробку.

"Я не видела никакого объявления."

Это вызвало откровенный смех. "Об этом ещё не было объявлено. Но так и будет. А как насчёт тебя, милая? Какую работу получишь

ты?"

"Я не понимаю, что ты имеешь ввиду."

Он провёл пальцем по носу. "Всё ещё играешь в эту игру, да? Я уважаю это."

"Я на самом деле не понимаю. Я не собираюсь устраиваться ни на какую новую работу."

На мгновение это остановило его. Он отложил сверхмощный степлер и посмотрел на неё с преувеличенным изумлением. "Разве ты не получишь новую работу, когда Йен возьмёт верх?"

Джесси уже открыла рот, чтобы сказать: "Когда Йен возьмёт верх? Что ты имеешь ввиду?", но она уже слишком часто задавала последний вопрос и сдержалась. Джесси глубоко

вздыхнула и провела рукой по воображаемому изъёму в тканевом покрытии панели, собираясь с мыслями.

"Я ещё по-настоящему не думала об этом. Наверное, я считала, что у меня ещё есть достаточно времени до того, как Йен займёт своё место". Она была права насчёт того,

что Тони работал на американца китайского происхождения. Но возможно ли было то, что Йен ничего не сказал Тони о том, что Дризни возвращается в последний раз? "Ты готовишься к встрече с ним?"

"Ещё бы, милая," - ухмыльнулся Вейланд. "Ты сделала своё дело, а я - своё. Он должен быть здесь к концу недели."

Может быть, с Дризни? Она обнаружила, что дрожит. Это означало бы, что Джудит Дризни тоже работает на него. А этого не может быть. Если у Йена была Дризни, то зачем ему была нужна она? И она знала, точно знала, что Дризни с ним не связывалась. Она звонила только своим коллегам по Комитету. Она заставила себя улыбнуться в ответ. "Так скоро? Сегодня уже среда". Если Йен должен был заменить Сэма, то что должно было случиться с самим Сэмом? - лихорадочно соображала Джесси. "Ты должен работать быстро."

Вейланд снова ухмыльнулся, а в его глазах заплескали огоньки. "Ещё бы, милая. Всё готово и ждёт."

"Эм...где?" - сглотнула Джесси.

"А-а. Так я тебе и сказал. Мне не удалось узнать, что ты послала Йену, а ты не должна узнавать о моих маленьких хитростях." - он сделал паузу, оглядев её с ног до головы. "Если только ты не хочешь поменяться?"

Она снова улыбнулась и отступила назад. "О, может быть. А может быть, и нет. Я не знаю, были бы люди так довольны кем-либо из нас, если бы мы продолжали рассказывать сказки". Она оглядела выдвинутые ящики, кипы бумаг на полу, частично заполненные коробки и рулон с чертежами. "Не думаешь ли ты, что кто-нибудь заметит?"

"Полагаю, они будут слишком заняты," - ухмыльнулся Вейланд.

Она кивнула и снова отступила назад. "Что ж, в таком случае мне пора идти."

Он кивнул. "Я уверен, что мы поговорим позже". Он снова улыбнулся. "Я уверен, что ты хотела бы поучаствовать в убийстве. Я позвоню тебе, хорошо? Так что ты сможешь увидеть, как всё это будет происходить."

"Это было бы здорово," - сказала она, стараясь говорить искренне. "Но...мне нужно идти."

"Ничего страшного. Увидимся позже."

Его смех волнами разносился за ней по коридору.

Как и все разговоры в рамках Проекта, Зигги услышал и этот, и отметил этот обмен репликами. Как и все разговоры, в соответствии с его программированием, информация была сохранена во временной оперативной памяти.

Как и все разговоры, которые компьютер специально не запрашивал для сохранения, они были удалены, когда раздел оперативной памяти переполнился, и компьютер больше вообще не помнил, что было сказано.

Всё готово. Йен заменит Сэма. В пятницу. Из-за убийства.

Из-за убийства...

Сейчас был вечер среды. За ужином в кафетерии, сидя за одним столом с Мизуку, Джесси задавалась вопросом, достаточно ли сильны её подозрения, чтобы пойти к Сэму и рассказать ему о Тони и о Йене. Было без разницы, приедет Йен или нет: Проект закрывался. А если она расскажет, то он захочет узнать, откуда она всё это узнала, и её последний шанс сохранить хоть немного уважения в его глазах, исчезнет полностью.

Это всё упрощало. Надо просто держать рот на замке.

"Ты не ешь," - заметила Мизуку.

Джесси посмотрела на то, во что её спутница превратила бараньи отбивные. "Ты тоже не ешь."

"Ну, конечно нет," - ответила Мизуку с напускной логичностью. "Я только что потеряла работу. Я не голодна. И вообще, здесь никто не ест."

Джесси обвела взглядом комнату. Это было правдой. Здесь почти никто не ел: люди наклонялись друг к другу в напряжённых дискуссиях или беспорядочно ковырялись в еде, но никто из них не подносил вилку ко рту и не жевал.

"Но ты же всё ещё работаешь. Так почему ты не ешь?" - вопросительно наклонила голову Мизуку.

"Может быть, я чувствую себя так же плохо из-за окончания Проекта, как и все остальные."

"О," - задумалась над этими словами Мизуку. "Ладно". Она начала резать баранину на ещё более мелкие кусочки. "До этого времени ты нас не жалела."

"Нет," - чуть не рассмеялась Джесси. "Я не жалею вас. Наверное, у меня просто нет аппетита". Она снова оглядела комнату. "А где Руководитель Проекта?"

"Всё ещё работает. Он не сдаётся. Сумасшедший."

"Но над чем он работает? Что осталось?"

"Откуда я знаю?" - пожала плечами Мизуку. "Я строю туннели, а не компьютеры". Баранина теперь была нарезана кубиками в четверть размера игральные кости. Мизуку начала складывать их как кирпичики.

"Тони тоже здесь нет."

"Тони," - фыркнула Мизуку. "Фе. Он тоже сумасшедший."

"Он собирает все свои вещи," - рискнула сказать Джесси, ожидая, как отреагирует маленькая восточная женщина.

"Ему, наверное, не терпится отправиться в путь," - уверенно сказала Мизуку. Сейчас она работала над аркой из баранины, используя в качестве цемента мятное желе. Это была не самая устойчивая конструкция. "Лучше бы он не просил меня дать ему рекомендацию. Ленивый разгильдяй. Я слышала, что из-за него уволили Ибн Аббаса, а Ибби был хорошим инженером."

"Кто это?"

"О, это было ещё до твоего появления," - Мизуку вытащила связку ключей и торжествующе улыбнулась. "Эй, по крайней мере, я знаю, что смогу найти работу. Ты только посмотри на это!"

"Это мило," - сказала Джесси.

Мизуку посмотрела на неё, пожала плечами и принялась есть свой шедевр, а её настроение хотя бы временно улучшилось. Из-за убийства. Из-за убийства. Из-за убийства.

Сэм не мог уснуть.

Да ему, собственно, и не нужно было спать. Он находился на волне адреналина, которая, возможно, впоследствии дорого ему обойдётся, но в данный момент он был полностью

поглощён происходящим. Живчик стоял у него за плечом, зевая и обдавая его волной неприятного запаха изо рта. Эл тоже был там вместе с Тинной, но на данном этапе Эл ничего не мог сделать, также как и главный компьютерный архитектор. Сэм так часто от них отмахивался, что они в конце концов сдались и отправились спать. Вербина Бикс тоже была здесь - высокая тёмная фигура в дверном проёме с маленькими огоньками в её украшениях, которые отбрасывали странные тени по комнате, но она ничего не сказала. Психолог просто наблюдала в течение получаса или около того, а затем ушла так же бесшумно, как и пришла. Сэм понятия не имел, сколько сейчас времени. В глубинах Проекта это не имело значения. День и ночь были абсолютно одинаковы. Он боролся с проблемой, ограничивающей конструкцией программы, которая позволила бы Зигги отправить его туда, где он хотел быть, но по какой-то причине что-то не совсем работало. Он не мог до конца понять, что именно. Сэм был полностью поглощён своей работой, не обращая внимания на всех и вся вокруг, рассылая тестовые задания и получая в ответ ответы, которые были правильными, правильными, почти правильными и совершенно нелепыми. И каждый раз они с Живчиком ругались, вытаскивали очередной фрагмент кода и сравнивали его с исходной программой. Сам Зигги упорно твердил, что ничего страшного нет и что всё было именно так, как должно быть. Живчик пробормотал что-то о сумасшедшем человеке, который не осознаёт собственного сумасшествия. Зигги высказал сомнения в умственной компетентности Живчика. Сэм заставил их обоих замолчать и стал изучать экран, пытаясь придумать, как задать вопрос, который показал бы, что идёт не так. Живчик украдкой взглянул на настенные часы, думая о том, не была ли проблема неразрешимой с самого начала и подавил очередной зевок. Если бы Сэм потрудился обратить внимание, то понял бы, что видела Вербина. Конечно, это было безнадежно. Но это была работа, для которой он был рождён, борьба с невозможным, и выполняя её, он был абсолютно счастлив.

[ГЛАВА 26]

Утро четверга.

Джесси Оливера, пошатываясь, подошла к кофеварке, которая была общей для нескольких кабинок, окружающих кабинет

Руководителя Проекта, и налила себе чашку кофе. Обычно она не пила кофе, но это было наказание, и, кроме того, ей нужно было проснуться. В конце концов, она заснула в шесть утра, а будильник зазвонил полчаса спустя. На её коммуникаторе не было никаких сообщений, ожидающих её. Она всё равно не была уверена, что прочитала бы их. Вкус кофе, как и ожидалось, был отвратительным. Она поморщилась и выпила его, решив быть начеку. По крайней мере, ей не нужно было быть отполированной, как это было бы в Вашингтоне: она могла носить джинсы, фланелевую рубашку и кроссовки-тренажёры, вообще не краситься, и никто ничего не замечал. Проект был направлен не на то, насколько хорошо ты выглядишь, а только на то, насколько ты хорошо умеешь делать то, что ты делаешь. Это была приятная перемена, которая значительно облегчила подготовку к работе. Правда, она по-прежнему пользовалась косметикой. В кабинете Руководителя Проекта царила оживлённость, слышалось лёгкое позвякивание ключей, время от времени раздавались голоса. Она размышляла о том, стоит ли ей заглянуть внутрь или нет. В соседней кабинке Мизуку подняла голову. Она плакала. "Ты в порядке?" - спросила Джесси, немного придя в себя. Мизуку улыбнулась, кивнула и шмыгнула носом: "Это просто так грустно, понимаешь? Всё закончилось вот так." - она высморкалась и скомкала салфетку. "Я думала, что всё в порядке, потому что я могу работать, но..." Джесси вздохнула и вошла в свою кабинку, села на вращающийся стул и огляделась. Она поняла, что делать было нечего. Не было ничего, что имело бы значение. Кто-то забрал распечатки между вчерашним вечером и сегодняшним утром, а вся остальная работа была рассчитана на то, что Проект будет запущен через пару месяцев. Она свободно сложила руки на коленях и огляделась. Она пробыла здесь совсем недолго, и это было задание от её настоящего босса, но здесь она чувствовала себя как дома, и ей будет этого не хватать. Маленький горшочек с бумажными цветами, который ей подарила Мизуку на новоселье в кабинете; записка с благодарностью от Эла за то, что она привела в порядок презентацию; цепочка для жевательной резинки. Всё это не было вещами из Вашингтона. Было удивительно, как быстро она освоилась здесь, и было шокирующе размышлять о том, как быстро это исчезнет. Если Дризни вылетит ранним рейсом и переседет на самолёт "Кинг-Эйр" в Альбукерке, как это обычно делают люди, она окажется на Проекте не раньше трёх часов. После этого она могла прибыть в любое время, чтобы передать приказ о закрытии.

Джесси взглянула на маленькие часы рядом с монитором. Было восемь утра. Вздохнув, она настроила часы соответствующим образом, переведя минутную стрелку на десять минут вперёд, и рассеянно потёрла синяки на внутренней стороне запястья, прежде чем пристегнуть ремешок на место. Зазвонил телефон и она подскочила, чуть не опрокинув кофе. За всё время её работы здесь он ни разу не звонил. Она с опаской взяла трубку, словно ожидая, что та её вот-вот укусит. "Алло?"

"Привет, моя маленькая сообщница! Как бы ты хотела посмотреть, чем всё закончится? У меня отсюда вид с высоты птичьего полёта. Почему бы тебе не зайти ко мне? Там, где ты находишься, они вряд ли что-то сделают."

"Я не твоя сообщница," - яростно заявила она, забыв, где находится. Из соседней кабинки послышался смех Мизуку: "Что ты сказала?"

"Конечно, это так," - рассмеялся Тони. "Приходи ко мне. Йен отправил ещё несколько приказов, и в них есть твоё имя."

Она открыла рот, чтобы отказаться и всё опровергнуть, но снова закрыла его.

Тони ждал. Когда она не ответила, он понизил голос: "Разве ты не хочешь узнать, что случилось с твоим парнем? Йен подумал, что хочешь."

Она раздражённо вздохнула и выпалила: "Ты в строительном офисе? Отлично. Я буду там."

Она снова положила трубку и встала.

"Куда ты идёшь?" - поинтересовалась Мизуку.

"Мне нужно уладить кое-какие дела," - мрачно сказала Джесси. "Кое-что, что я должна была сделать давным-давно."

Мизуку смотрела, как она уходит, нахмутив брови.

Когда она выходила, то встретила Эла, который шёл ей навстречу. Джесси прошла мимо, даже не поздоровавшись с ним.

"Как летучая мышь из ада, Сэм. Как будто за ней гнался сам дьявол."

"Это отличается от того, если бы за ней гнался ты?" - сухо предположил Сэм. "Насколько я понимаю, она часто этим занимается. По крайней мере, ты говорил об этом раньше."

Эл обиженно поднялся. "Я не гнался за ней. Я вообще никогда не преследовал её. Я верен Тине. В основном."

"Ты имеешь ввиду, когда Тина здесь. А если она уехала на конференцию или взяла отпуск на несколько дней, чтобы пройтись по магазинам, то ты свободен и чист."

"Конечно," - Эл либо не заметил, либо предпочёл проигнорировать эту нестыковку. "Но это не относится к делу. Эта девушка психически неуравновешенна, Сэм."

"Ты мог бы сказать это обо всех нас в тот или иной момент," - потёр глаза Сэм. "На самом деле, я думаю, что ты это уже говорил." "Не говорил," - заявил Эл.

Сэм улыбнулся, всё ещё не открывая глаз. "Нет, говорил. Послушай, Эл, если у неё проблемы, пусть с ними разберётся Вербина, ладно? Извини, но я очень устал, а у Зигги

всё ещё есть эта странность, которую мы не можем объяснить, и именно ты был тем, кто сказал мне, что часы тикают."

Эл решил не обращать внимания на явно нелепый выпад в адрес его стабильности, списав это на усталость Сэма. "Я не разбираюсь в часах, но да. И я не понимаю, почему ты

продолжаешь работать в тени, Сэм. Они не позволят тебе этого сделать. Ты не сможешь совершить скачок."

Они были одни в одном из небольших конференц-залов и сидели по разные стороны стола, почти отгороженные друг от друга стопками бумаг. По периметру комнаты были

расставлены коробки с ещё большим количеством компьютерной бумаги, заклеенные скотчем и помеченные как "измельчить" и "переработать".

Сэм скрестил руки на груди и уткнулся в них лбом. "Эл, пожалуйста". Его голос был настолько приглушён, что его почти нельзя было разобрать. "Позаботься об этом,

ладно? У меня слишком много дел."

Эл вздохнул. Сэм отказывался прислушиваться к голосу здравого смысла. "Если у Зигги сбой, почему бы просто не спросить у Зигги, в чём дело? Он же должен быть таким

умным. Разве он не может сам разобраться?"

"Он всего лишь компьютер," - пробормотал Сэм.

"Мне это нравится," - язвительно заметил Зигги. ""всего лишь компьютер"?"

Сэм поднял голову и посмотрел на потолок. "Всего лишь самый большой, самый лучший, самый умный компьютер во всём мире," - успокаивающе сказал он.

"С таким же большим самомнением, как у всех на улице," - съязвил Эл.

"У меня эго, по крайней мере, одного из моих прародителей. А доктор Беккет широко известен как скромный человек, Адмирал."

"Ты обвиняешь..."

"Да ладно, ребята," - поднял руку Сэм. "Честно говоря, это заложено в программе. Давайте не будем сейчас ссориться из-за этого."

"Ну, я всё равно не понимаю, почему Зигги не может решить свои собственные проблемы."

"Потому что мы ещё не пришли к согласию, что есть проблема," - быстро ответил Зигги.

"Есть," - Сэм потёр глаза и пододвинул к себе стопку распечаток. "Я знаю, что она есть, но будь я проклят, если смогу указать на неё пальцем. Ты просто не совсем

правильно реагируешь на тестовые программы."

"Каким образом я не в состоянии действовать в рамках заданных параметров?"

Сэм покачал головой и прядь седых волос упала ему на глаза. "Если бы я мог это понять, то я бы решил проблему."

"Я продукт природы, а не воспитания," - настаивал Зигги. "Если у меня есть недостатки, то это не моя вина."

"Это тоже не выдерживает критики с тех пор, как ты начал самопрограммирование," - рассмеялся Сэм. "Окружающая среда имеет к тебе такое же отношение, как и мы."

"Всё это очень хорошо, Сэм, но что нам делать с маленькой шпионкой Дризни?" - театрально вздохнул Эл. "Если на этом фронте что-то не так, то нам лучше разобраться с этим побыстрее, пока не появилась Дризни и не получила выговор из-за того, что её беспокоит. У нас хватает проблем и без этой истерички."

Сэм сверкнул глазами, реагируя на слова, характеризующие целый женский пол.

Но Эл устоял на него в ответ. Он не собирался отступить в этом вопросе.

Сэм сдался. "Зигги, а где вообще Джесси Оливера?"

"Я не система наблюдения, доктор Беккет."

"Зигги..."

"Судя по показаниям, в настоящее время мисс Оливера находится в строительном офисе."

"Что она там делает?" - перебил Эл.

"Я не умею читать мысли, Адмирал. По крайней мере, у других людей."

Эл вздрогнул, подозрительно уставившись вверх.

"Зигги не может читать твои мысли," - устало заверил его Сэм. "Он просто связан с тобой, вот и всё."

Это заверение никак особенно не успокоило Эла. Различие ускользнуло от него.

"Ну, в строительстве у неё не может быть слишком больших неприятностей," - устало сказал Сэм. "Поговори с ней утром, хорошо, Эл?"

Эл не мог придумать причину, по которой ему было необходимо срочно встретиться с этой женщиной, поэтому он пожал плечами.

Он всё ещё был недоволен сложившейся

ситуацией. В конце концов, иногда у него тоже были интуитивные предчувствия.

Сэм только снова покачал головой и потёр глаза. "Всё почти готово. Почти. И я не хочу сейчас иметь дело ни с чем другим.

Позаботься об этом, Эл, пожалуйста?"

[ГЛАВА 27]

Джесси ворвалась в строительные офисы, наконец-то сумев дать волю своему гневу. Один или два человека подняли на неё глаза. Она ни с кем не разговаривала, направляясь

прямо в кабинку Тони Вейланда.

Он приветствовал её ослепительной улыбкой: "А я уж думал, ты не придёшь."

"Где эти так называемые приказы?". На этот раз она вспомнила, что нужно говорить тише. Это заставило Тони на шаг отступить.

"Ты должна пойти со мной в старое крыло," - сказал он. "Там всё готово."

"Где эти так называемые приказы?" - повторила она.

"В старом крыле," - двинулся к ней Тони. "Пойдём. Я покажу как всё будет происходить. Тебе понравится. Я обещаю."

Джесси оставила своё мнение о его обещаниях при себе и последовала за ним.

Анализ показывает, что тестирование будет продолжаться до тех пор, пока не будут достигнуты желаемые результаты.

Сохранение энергии указывает на то, что обеспечение желаемой реакции является правильным курсом.

Сохранение энергии имеет большое положительное значение.

С другой стороны, наблюдение за человеческим разочарованием при повторных попытках добиться желаемой реакции также имеет высокую положительную ценность.

Два плюс два равно...Восемь?

"Доктор Беккет, поступило сообщение из архивного крыла". В голосе Зигги было не больше интонаций, чем в голосе любого другого компьютера.

"А? Что?" - Сэм зажмурил глаза и снова широко их открыл. "Что ты имеешь ввиду, говоря об архивном крыле? Там же ничего нет. Или есть?"

"У меня не работают датчики в крыле Е"

"Почему?" - мыслительные процессы Сэма, казалось, погрязли в изнеможении. Ему было трудно сосредоточиться. Внезапно ему ничего так сильно не захотелось, как

спать. Стареешь, Беккет, если вот так вот теряешь сознание из-за бессонной ночи, - усмехнулся про себя Сэм. "У тебя повсюду датчики."

"Они были отключены."

Это его разбудило. "Что? Кто?"

"Это была должным образом выполненная директива из строительных офисов," - ответил Зигги, словно словесно пожимая плечами.

"Как только вы решили не достраивать крыло, то они убрали и датчики."

"Но кто-то же оттуда звонит? Они что вынули датчики, но оставили телефон?"

"Это одиночное соединение. Ваш звонок ожидается. Вторая линия, доктор Беккет."

Сэм потряс головой, пытаясь прийти в себя, а затем встал и прошёл по кабинету, чтобы снять телефонную трубку. "Алло?"

"Сэм?". Это был женский голос. Он не мог понять, была ли эта женщина напугана или просто рассержена.

"Кто это?" - спросил Сэм затуманенным голосом. Его внимание привлекла ещё одна стопка распечаток с программами, и его рука беспокойно потянулась к ним.

На другом конце провода послышался какой-то звук. На этот раз он услышал мужской голос: "Это ваша подруга Джесси, доктор Беккет". На заднем плане Сэм услышал

пронзительный крик. "Она действительно хочет поговорить с вами, доктор Беккет."

"Что, чёрт возьми, происходит?" - спросил Сэм. Туман быстро рассеивался. "Если это какая-то шутка, то я не..."

"Никаких шуток," - ответил мужской голос, став неприятным. "Ты скажешь всем, что собираешься немного отдохнуть и приехать сюда или тебе придётся объяснять что

случилось с Джесси Оливерой так же, как ты пытаешься объяснить, что случилось с Риизлиардом. И я не шучу. Если я увижу кого-нибудь ещё, то она умрёт."

"Кто это? Что вам нужно?"

"Приходи и узнаешь, доктор Беккет". И связь оборвалась.

"Зигги, кто это был?" - спросил Сэм.

"Тони Вейланд, младший инженер."

"Какого чёрта ему нужно?"

"Он хочет, чтобы вы пошли в крыло Е," - ответил Зигги, приводя Сэма в бешенство своей буквальностью.

Телефон зазвонил снова, и Сэм схватил трубку. "Беккет слушает."

"Я упоминал о лимите времени, доктор Беккет? Начиная с этого момента, у вас есть двадцать минут". Связь снова прервалась.

Путь через Голографическую Камеру уже давно был перекрыт. Сэм глубоко вздохнул. Два года назад он видел чертежи. "Зигги, где Эл?"

"Адмирал у себя в кабинете."

"Скажи ему, куда я направляюсь". И Сэм направился к двери.

"Доктор Беккет, вам было дано особое указание идти одному. Но Адмирал будет настаивать на том, чтобы сопровождать вас."

"Я очень на это надеюсь."

"В результате этого Джессика Оливера может погибнуть."

Сэм сделал глубокий вдох и снова выдохнул. "Я это знаю, Зигги."
"У вас осталось девятнадцать минут". Но Сэм уже ушёл.

Кабинет Эла был значительно опрятнее, чем у Сэма: по сути, он имел корабельный стиль, если не сказать - бристо́льский стиль. Он чувствовал себя как дома. Если бы не громкие подтяжки и ноги, закинута́ые на металлический стол, он мог бы так себя чувствовать в любом из полусотни кабинетов, которые он когда-то занимал.

"Адмирал, доктор Беккет попросил меня сообщить вам, что он отправился на встречу с Тони Вейландом в крыло Е," - раздался из ниоткуда голос Зигги и Эл подскочил от неожиданности.

"Хорошо," - ответил он, восстанавливая самообладание и поднимая сигару, которая покати́лась по столу. "И что с того?"

"Мистер Вейланд держит в заложниках Джессику Оливеру."

Эл отложил газету, которую изучал. "Ты не мог бы повторить это ещё раз?"

"Мистер Вейланд держит в заложниках Джессику Оливеру."

"Для чего?"

"Чтобы убедиться, что доктор Беккет встретится с ним в крыле Е."

"Вызови охрану," - сказал Эл, мгновенно вскакивая на ноги.

"Адмирал, мистер Вейланд был очень конкретен в своих угрозах. Если появится кто-нибудь, кроме доктора Беккета, то он убьёт мисс Оливеру. Я оцениваю вероятность в

99,99 процентов того, что мисс Оливера погибнет, если будут вызваны силы безопасности."

"Отставить охрану. А если я пойду один?". Эл уже двигался по коридору, а голос Зигги следовал за ним.

"Вероятность того, что мисс Оливера умрёт, по-прежнему составляет 97 процентов."

В тот конкретный момент, Джесси была склонна с этим согласиться. Её собственная оценка своих шансов была ненамного выше. Тони затащил её обратно в одну из кладовых, освободил руку из её волос и швырнул её на пол.

"Что, чёрт возьми, ты себе позволяешь?" - закричала она.

"Заканчиваю дела," - ответил Тони. "Ты хотела знать, каковы были приказы Йена. Что ж, они были очень просты. Убить Беккета, и пока я буду этим заниматься, убрать и тебя тоже. Доктор Йен не любит, когда не сходятся концы с концами."

"Ты серьёзно, Тони? Сэм бы вызвал охрану, как только повесил трубку. К ним, наверное, в эту минуту подъезжает группа спецназа, а Сэм вернулся в свой кабинет и смеётся над тобой."

Тони покачал головой. "О нет, милая, только не наш Сэм Беккет. Тебе следовало бы знать его получше. Личная ответственность - это его второе имя. Он не будет перекладывать это на кого-то другого. Он должен всё уладить сам. Он придёт."

"Он скажет Адмиралу," - потёрла кожу головы Джесси в том месте, где он дёрнул её за волосы.

"Он может это сделать," - кивнул Тони. "И Адмирал вызвал бы морскую пехоту и нанёс бы авиаудары, если бы считал, что это поможет. Вот тут-то в дело и вступаешь ты."

"Как?"

"Я ясно дал понять, что твоя жизнь зависит от того, придёт ли Беккет в одиночку. Зигги сказал бы об этом Адмиралу," - засмеялся он.

"Предположим, тебе удастся убить Сэма," - сказала Джесси. У неё перехватило горло, и она с трудом поднялась на колени. "И даже меня. Но это не поможет. Тебе придётся убить и Адмирала, и Зигги, и всех, кому расскажет Зигги. Ты не сможешь избежать наказания."

"Зигги, должно быть, также рассказал Адмиралу о шансах. Проклятый компьютер всегда выдаёт вероятности. Держу пари, Адмирал примчится сюда, чтобы выручить своего приятеля. Я возьму их обоих сразу."

"Но Зигги по-прежнему остаётся," - Джесси, пошатываясь, поднялась на ноги.

Он хихикнул, и глядя на неё, с издёвкой ответил:

"Много лет назад, готовясь к этому самому моменту, Йен дал мне программу, которая стирает всю память о докторе Беккете с компьютера Проекта. Она сидит в Зигги уже несколько месяцев. Я настроил её на запуск завтра утром. Даже если компьютер сможет дать показания, а он не сможет," - усмехнулся Вейланд, - "Он не сможет вспомнить,

что доктор Сэм Беккет когда-либо существовал. И тогда остаёшься только ты, моя маленькая тыковка."

Он подошёл к ней, нащупывая что-то у себя под курткой.

Джесси пнула его по яйцам и убежала.

В другом месте, Сэм Беккет трусцой бежал по длинному пустому коридору, не обращая особого внимания на то, что его окружало, потому что он был сосредоточен на образе в своём сознании. Вейланд сказал "крыло Е", но это было большое помещение. При строительстве Проекта они использовали ранее существовавшие шахтные стволы и туннели везде, где это было возможно, и эта часть гор была буквально пронизана ими. Было только два места, откуда можно было попасть в эту зону из самого Проекта, и одно из этих двух мест был заблокированный сейчас доступ за Голографической Камерой.

Так что, где бы ни находился Вейланд, он не мог быть далеко за пределами единственного оставшегося доступа. В противном случае на его поиски ушло бы слишком много времени, а ему дали всего двадцать минут.

На ходу Сэм изложил свои соображения Зигги.

"Есть также вероятность того, что данный срок - это всего лишь условность, и что на данный момент мисс Оливера уже мертва," - заметил компьютер.

Сэм, конечно, это знал. "Я не могу так рисковать."

"Вероятность составляет, по меньшей мере, 85,4 процента."

"Мой следующий компьютер не будет штудировать руководство по статистике."

"Вероятность того, что вы никогда не создадите другой компьютер, доктор Беккет, составляет 93 процента, и с каждым часом растёт."

Сэм открыл было рот, чтобы ответить, но снова закрыл его. Он действительно не хотел знать, чем обоснован такой прогноз.

"Адмирал Калавичи покинул свой кабинет и встретится с вами у входа в крыло Е через три минуты."

Сэм хмыкнул. Через мгновение он спросил: "У нас есть хоть малейшее представление о том, почему Вейланд это делает?"

Наступила короткая пауза, длившаяся, по компьютерным меркам, тысячелетия, прежде чем Зигги ответил: "Нет. Я просмотрел его личное дело, включая анкету по безопасности персонала, и не могу найти мотив для личной неприязни к вам, мисс Оливере или Проекту."

"Должна же быть какая-то причина!"

"Я согласен, доктор, но что бы это ни было, это просто не было зафиксировано. Единственный способ узнать причину - спросить у него."

"Или совершить квантовый скачок и посмотреть!"

Компьютер молчал. Зигги не нужно было объяснять, что с закрытием Проекта никакого квантового скачка не будет.

Теперь был виден единственный функциональный вход со стороны Проекта - тяжёлая металлическая дверь с надписью "Вход воспрещён". На полу перед ним валялась разорванная цепь. Сэм ускорил шаг, когда из-за угла в дальнем конце появился Эл, лишь слегка отдуваясь и неся в руках две каски.

"Сэм, ты не можешь идти туда один!" - с ходу же начал возражать Эл. "Позволь мне вызвать морских пехотинцев. Ради Бога, они для этого и предназначены. У нас есть планы на случай чрезвычайных ситуаций такого рода."

"У вас осталось всего две минуты," - предупредил Зигги.

"Это значит, что у меня нет времени спорить. Слушай, он держит её там, потому что...ну, в общем, это моя ответственность, ясно, Эл?". Он посмотрел Элу в глаза

надеясь, что тот его поймёт. Даже если между ним и Джесси ничего никогда по-настоящему не было, тот факт, что Тони Вейланд думал, что что-то было между ними,

подвергал её опасности, и это было его виной, и он должен был разобраться с этим сам. Как Вейланд узнал об этом, было отдельным вопросом, и, если повезёт, то они смогут разобраться с этим вопросом позже.

Было ясно, что Эл с самого начала знал, что проиграет этот спор. Он протянул Сэму одну из касок. "Тогда тебе пригодится это.

Слушай, дай мне хотя бы установить периметр."

"Одна минута тридцать секунд."

"Ладно, хорошо". Сэм надел каску и потянулся к дверной ручке.

"Если ты не выйдешь оттуда через полчаса, Сэм, то я пойду за тобой!"

"Если я не выйду оттуда через полчаса...". Сэм пожал плечами. "Пусть будет час. После этого, вероятно, это всё равно не будет иметь значения."

Эл отступил назад. Какой-то уголок сознания Сэма отметил с иронией очень уставшего человека, что на этот раз его собеседнику нечего было возразить.

"Осталась одна минута."

"Будь осторожен, Сэм."

Сэм кивнул и шагнул внутрь лабиринта.

Было 10:47 утра четверга.

[ГЛАВА 28]

Джесси Оливера не могла знать о том, что благодаря зарождающейся клаустрофобии Эла Калавичи на Проекте было наличие ряда пунктов неотложной помощи и аварийных лестниц. Она знала только, что там, где она находилась, было холодно, темно, сыро и было совсем не похоже на любую другую часть

Проекта, в которой ей когда-либо доводилось бывать. Она оставила стонущего и ругающегося Тони Вейланда позади себя и побежала как кролик, не заботясь о том, куда она бежит, лишь бы подальше отсюда.

Оказалось, что это "подальше" было не в том направлении.

Она поняла это, как только закончилась вереница необработанных этерналитов, а лестницы и пункты неотложной помощи перестали появляться. К тому времени у неё было два фонарика, шесть запасных батареек и каска.

По туннелям разносился звук. Ей казалось, что она слышит Вейланда, всё ещё ругающегося и стонущего где-то позади неё. Иногда это звучало близко, иногда далеко. Были и другие звуки: скрежет, царапанье и капание. "Ты находишься в лабиринте извилистых поворотных проходов, они все абсолютно одинаковые," - пробормотала она себе под нос. "Наводит ужас."

Она оглянулась через плечо, в сторону света. Это был голос Вейланда, и он становился всё громче.

Альтернативой была тьма. Темнота её никогда не беспокоила. Может быть, ей удастся спрятаться и переждать его. Если он подойдёт ближе, она всегда сможет спуститься

глубже. Если это действительно были шахтные туннели, то там должен быть выход.

Она надеялась, что там не было никаких скорпионов. Она изучала дорогу перед собой, водя лучом фонарика по туннелю так далеко, как только могла дотянуться, отмечая

дыры и отверстия в полу, опорные балки, и место, где гладкая стена сменялась выщербленной землёй. Голос Вейланда звучал всё громче и всё ближе.

Сделав глубокий вдох, Джесси выключила фонарик и шагнула в темноту, неуклонно удаляясь от света.

Сэм вошёл в архивное крыло, тихо прикрыв за собой дверь. Он стоял на стыке трёх залов, один из которых шёл перпендикулярно дверному проёму и двух других, которые

разветвлялись в виде буквы V под углом шестьдесят градусов от двери. Здесь не было никаких указателей направления.

Прошло не менее двух лет с тех пор, как они с Элом сюда спускались. Сэм ожидал, что всё останется относительно нетронутым.

Даже после того, как они вернули деньги на

строительство, это место было заброшено: они нашли другое применение этим деньгам. Строительство этого крыла продолжало

отодвигаться в списке приоритетов.

Но на полу лежала обёртка от конфеты, которой здесь не было в прошлый раз, и были следы в мягком пухе вездесущей пыли. Сэм мог видеть отпечатки следов, которые могли оставить они с Элом, и более свежие отпечатки следов поверх них. Здесь было довольно оживлённое движение во всех направлениях, и Сэм не мог сказать, в каком направлении было больше всего движения.

"Зигги?" - тихо сказал он.

Ответа не последовало. Сэм почувствовал озноб и не только из-за отсутствия отопления: он никогда не осознавал, насколько он зависим от безотказной работы компьютера, пока не обратился к нему, а ответа не последовало.

А ещё Сэм с ужасом осознал, что его время почти истекло. "Вейланд!" - крикнул он. "Вейланд, где ты?"

Он затаил дыхание, прислушиваясь.

Ни в одном месте Проекта никогда не было полной тишины. Всегда присутствовал действующий на подсознание гул энергии, освещения и движущихся людей. Даже в одиночестве, в своих апартаментах в темноте, Сэм всегда мог слышать скрип оседающих конструкций и мягкий шум отопительной системы. Это было настолько неотъемлемой частью пребывания там, что ему приходилось напряжённо прислушиваться, чтобы расслышать это.

Вот и сейчас Сэм прислушался и услышал чьё-то тяжёлое дыхание: это был отвратительный звук, за которым скрывалась боль.

"Вейланд?" - крикнул он. "Ты хотел, чтобы я был здесь. Я здесь. Теперь твоя очередь. Чего ты хочешь?"

Дыхание было прервано, вероятно для того, чтобы человек мог отдышаться, подумал Сэм. Когда оно возобновилось, его было почти не слышно. "Сверни по коридору направо, Беккет."

"Где Джесси?" - спросил Сэм, не двигаясь с места.

"Ты никогда этого не узнаёшь, если не придёшь сюда."

Работа над коридором справа вверху была почти закончена, когда был отдан приказ об остановке: всё, что требовалось, - это покраска и воздушные фильтры. Сэм заметил несколько датчиков Зигги, которые были отключены приказом об остановке. Сдвоенные нити этерналитов и тускло светящиеся оранжевые диски, служившие вместо флуоресцентного освещения в других местах Проекта. Они придавали поверхностям красноватый оттенок. Коридор начал слегка изгибаться наружу, так что Сэм не мог видеть другого конца.

Через определённые промежутки времени Сэм миновал несколько дверей, одни из которых были закрыты, а другие - приоткрыты, и

подумал о том, что за одной из этих дверей может стоять Вейланд, готовый выскочить вслед за ним, как только он пройдёт мимо. Прогулка по этому коридору была похожа на дурной сон, сон о том, что ты идёшь навстречу чему-то ужасному, не зная точно, что это может быть.

Пройдя метров сто, Сэм остановился. "Вейланд? Хватит играть в игры. Где ты? Где Джесси?"

"Прямо здесь, Беккет". В пятнадцати футах от Сэма полностью открылась дверь, и из неё вышел Тони Вейланд, направив на него пистолет.

Сэм медленно поднял руки. "Я не вооружён, Вейланд. Ты хотел, чтобы я пришёл, и вот я здесь. Где Джесси?"

Вейланд хрипло рассмеялся и у него перехватило дыхание. Ему было больно, он слегка сгорбился, был бледен и вспотел. Сэм проанализировал позу и внешний вид другого

мужчины и быстро поставил диагноз, поморщившись от невольного сочувствия. Было очевидно, что Джесси не стала ему помогать.

"Не беспокойся о Джесси," - сказал он, взмахнув пистолетом и выпрямившись ещё больше. "У тебя и своих забот хватает."

"С ней всё в порядке?" - настаивал Сэм. "Я никуда не уйду, пока не буду уверен, что с ней всё в порядке."

"У тебя нет выбора," - ответил ему Вейланд. "Если ты хочешь знать, то пойдёшь туда, куда я тебе скажу. Я буду следовать за тобой, а ты продолжай идти, пока я не скажу

тебе остановиться". Он отступил в дверной проём, указывая направление стволом пистолета. "И я хочу, чтобы ты держался

противоположной стены, когда будешь идти. Я

наслышан о твоём шикарном владении боевыми искусствами. Может быть, ты и быстрый, но не быстрее пули."

"А вот Джесси быстрее," - не удержался Сэм. Это был дешёвый ход, но точный: дуло пистолета дёрнулось, и на долю секунды Сэму показалось, что Вейланд застрелит его на

месте. Сэм немного разбирался в оружии: в детстве он охотился с ружьём на фазанов и индеек. Но он никогда особо не интересовался пистолетами. Он знал, что калибры

определяли ширину дула. Калибр этого пистолета, нацеленного ему в живот, был, похоже, около фута в ширину. Вероятно, это был 38-й калибр. На самом деле Сэм не хотел

выяснять это наверняка.

"Пошевеливайся," - сказал Вейланд, и Сэм двинулся вперёд, всё ещё держа руки в воздухе - чтобы удобнее было нанести удар, если Вейланд вдруг окажется в пределах

досягаемости - и зашагал по коридору. "Помедленнее," - велел Вейланд. Сэм рискнул бросить взгляд через плечо. "Молодец, Джесси," - подумал он, когда другой мужчина,

прихрамывая, последовал за ним.

"Она от тебя сбежала, не так ли?" - спросил он, надеясь, что сказанное им было правдой.

Второй мужчина ничего не ответил. Сэм начал сбавлять скорость, позволяя Вейланду сократить расстояние между ними. На самом деле он не думал, что Вейланд позволит ему

подобраться достаточно близко, чтобы выхватить пистолет, но, возможно, его захватчик не понимал, как далеко Сэм может ударить ногой...

"Двигайся дальше," - рявкнул Вейланд, временно разрушив надежды Сэма. "Разве ты не хочешь снова увидеть свою подружку?"

"Она мне не подружка."

Вейланд снова рассмеялся, ещё громче, чем в прошлый раз. "Это не то, что я слышал."

"Мне всё равно, что ты слышал. Это неправда."

"Ты называешь её лгуньей, да?"

Это почти заставило Сэма полностью остановиться, развернуться и бросить вызов другому мужчине: на самом деле он уже поворачивался, когда вспомнил о пистолете. "Ты

хочешь сказать, что Джесси рассказала тебе о нашей связи?" - отрезал он.

"Она рассказала об этом не мне, а своему боссу. Я всё знаю о тебе и Джесси. Маленькая сучка," - пробормотал он себе под нос.

"Она рассказала об этом Джудит Дризни?" - теперь Сэм был совершенно сбит с толку. С чего бы Джесси...

"Нет, не Дризни. Доктору Йену Сюиэ-Лунгу. Поворачивай направо в конце коридора, а затем налево."

Сэм последовал указаниям и вошёл в новый коридор, который быстро превратился в тесный и каменистый туннель. Он мог видеть конец этерналитов на некотором расстоянии

перед собой. "Йен? Какое он имеет к этому отношение?"

"Самое прямое, доктор Беккет," - хихикнул Вейланд.

Эл Калавичи посмотрел на часы и разозлился. Директор по безопасности Проекта Эймон Маклеод, стоял с одной стороны, Эд Уильямс - с другой, и все трое изучали самую

свежую карту крыла Е, пытаясь понять, где может находиться Сэм. Тина и Живчик топтались позади, беспомощно озираясь.

Директор службы безопасности выступал за то, чтобы послать своих людей на зачистку крыла, при необходимости пустив в ход оружие, пока Уильямс не указал, что в его

распоряжении всего пятнадцать человек и нет возможности заблокировать все соединяющие коридоры.

"Кроме того," - отметил он, - "Они всегда могут вернуться в туннельный комплекс, а у нас недостаточно людей, чтобы следить за каждой старой шахтой в этих холмах". Он

указал на вторую карту, наложенную поверх первой. "Мы выявили семь шахт, которые так или иначе были связаны с комплексом, который мы перестраивали для крыла Е. Если

вы пошлёте команду для зачистки со стороны Проекта, у вас не будет возможности поставить по два человека у каждого входа."

"Единственная альтернатива - расставить людей на холмах и дорогах и попытаться поймать их, когда они появятся," - сказал Маклеод. "Возможно, мы сможем одолжить вертолёт и пилота у Военно-Воздушных Сил, но они не смогут пробраться в некоторые из этих каньонов. Слишком сильный ветер." Эл бросил на него резкий взгляд: вертолёт был одной из немногих "птичек", которыми он не умел управлять. Но и лучшей идеи ему в голову не пришло. "Я могу помочь здесь," - сказал он. "Я ездил туда в прошлый раз и могу прикрыть два въезда, которые вы можете увидеть с окружной дороги. Но если кто-нибудь что-нибудь услышит, я хочу об этом знать, ясно?"

Двое других мужчин кивнули. Эл снова взглянул на карту и стиснул зубы. Он так сильно хотел быть частью команды, которая войдёт через входную дверь, что прямо ощущал это на вкус. Но Эл не был частью обученной команды службы безопасности и не знал их инструкций. На флоте он на собственном горьком опыте научился позволять экспертам делать свою работу и не путаться у них под ногами. Теперь это был урок, который ему не очень нравился. Эл посмотрел на свои часы. "Давайте продолжим это шоу," - рявкнул он. Было одиннадцать-пятнадцать утра четверга.

Голоса раздавались достаточно далеко, и Джесси подумала, что, возможно, она рискнёт зажечь свет. Воздух в туннеле так дурно пах, как будто тут долгое время не проветривали, и она подумала о том, чтобы вернуться к последнему повороту: казалось, оттуда дул лёгкий ветерок. Она решила отказаться от этого, потому что было очень холодно, но если уж выбирать между замерзанием и удушьем... Она повернулась, быстро включила фонарик и посветила вокруг себя. Свет фонарика отразился от старых балок и развалившегося колеса.

Вид колеса почему-то придавал ей уверенности. Она была не единственным человеком, который здесь побывал: и если кто-то ещё был здесь и выжил, то и она сможет. Она прислушалась: гулкие голоса стихли. Казалось, можно было смело отправляться в обратный путь.

"Достаточно," - сказал Вейланд. "Вон там, вдоль дальней стены. Так будет хорошо."

Сэм опустил руки, энергично растирая их, чтобы восстановить кровообращение, прежде чем Вейланд заставил его снова поднять их.

Сэм огляделся по сторонам. Он был

уверен, что это место - правый поворот в туннеле - никогда не было частью Проекта; его не было ни на одной из его карт памяти. Но

стенные панели были сложены

штабелями, готовые к установке, а на пол был постелен брезент. Деревянные балки тянулись там, где должен был быть потолок.

"Что это за место?" - спросил Сэм.

Вейланд усмехнулся. Сэм заметил, что цвет его лица всё ещё был не очень хорошим, но, по крайней мере, мужчина стоял более или менее прямо и меньше шаркал

ногами. Правда, он по-прежнему немного кряхтел, когда наклонялся, чтобы поднять лежащую на полу верёвку. Верёвка была

привязана к одной из верхних балок скользящим

узлом. "Это то место, где ты умрёшь, доктор Беккет."

Сэм прищурился, но ничего не сказал. Как он и ожидал, Вейланд поспешил заполнить тишину, пытаясь добиться от него реакции:

"Ты станешь ещё более знаменитым, чем

сейчас. Разве ты не хочешь знать, почему?"

Сэм пожал плечами.

"У нелуддитов уже есть написанные пресс-релизы, подготовленные интервью. Мы собираемся сохранить твой Проект. Разве ты не рад?". Он начал сматывать лишнюю длину

верёвки, что было неудобно из-за необходимости держать пистолет направленным на Сэма.

Сэм ничего не сказал. Тони Вейланд дрожал, а на его лбу блестели капельки пота. Он говорил просто от нервов и остаточной боли, и чем дольше он говорил, тем больше у

Сэма было шансов найти выход или, если не удастся, то хотя бы объяснение.

"Ты умрёшь. Ты станешь мучеником из-за своих собственных проблем с финансированием, в результате трагического несчастного случая, который можно было бы предотвратить,

если бы у вас были ресурсы для обеспечения безопасности Проекта, и нелуддиты позаботятся о том, чтобы все в мире узнали об этом. Это будет не так, как в прошлый раз,

когда общественный резонанс сошёл на нет. На этот раз мы подготовились и собираемся играть изо всех сил. Мы соберём

сторонников твоей последней мечты со всего

мира."

"Почему я должен умереть ради этого?" - спросил Сэм, искренне недоумевая. "Разве нельзя это сделать, не убивая меня?"

"О нет, нет," - покачал головой Вейланд. "Это не так-то просто. Ваш Проект совершенно секретный, и потребуется твоя смерть, чтобы провести репортёров мимо охраны. И

кроме того, доктор Беккет, несмотря на всю твою Нобелевскую Премию, все твои учёные степени и весь твой интеллект," - теперь мужчина открыто насмехался, - "Ты не использовал их должным образом. Ты бросил Проект "Звёздный Свет", когда мог бы продолжать, мог бы дать человеческой расе возможность путешествовать быстрее света..."

"Я не мог. И никто не мог, это было невозможно."

"Нет ничего невозможного при должной самоотдаче," - сказал Вейланд, словно декламируя лозунг.

"Я полагаю, что у Йена Сюиз-Лунга есть должная самоотдача?"

"Похоже, ты действительно умён, не так ли?" - хихикнул Тони.

"Но ведь в прошлый раз это не сработало, не так ли?" - спросил Сэм, и его осенило. "Именно это и должен был сделать Риизлиард - убить меня в моей лаборатории."

"Ты попал в точку, доктор Беккет."

"Какое отношение ко всему этому имеет Джесси?" - тихо спросил Сэм. Он смотрел на пистолет, на лицо Тони, мысленно прикидывая измерение расстояний и вычисляя

шансы. Казалось, его мозг работал в замедленном режиме, ведя нелёгкую борьбу с крайней умственной усталостью.

"О, она была в этом замешана с самого начала," - сказал Тони, наслаждаясь этими словами и их воздействием на мужчину,

стоявшего перед ним. "Йен велел ей выяснить, в

чём суть вашего Проекта. С тех пор она отчитывается. О каждой пикантной детали. И она пришла сюда, чтобы прикончить тебя," - он

похотливо усмехнулся. "Она

действительно наслаждается своей работой."

В другом месте туннелей объект их обсуждения достигла ответвления. Джесси снова слышала голоса, но недостаточно хорошо, чтобы разобрать, чьи именно, и не хотела рисковать. Она повернулась навстречу свежему ветерку. Туннель начал наклонно подниматься вверх.

По иронии судьбы, именно этот смешок спас положение. Сказанное не соответствовало фактам, известным Сэму и не соответствовало тому, как двигался Тони Вейланд. Должно быть, в том, что сказал Вейланд, была какая-то часть правды, но он зашёл в своей истории слишком далеко и позволил своему воображению увлечь себя. Он был слишком занят образами в своём сознании и не обращал достаточно внимания на своего пленника. Его руки были заняты, и на долю секунды он отвёл взгляд от Сэма. Этого было почти достаточно. Сэм сделал выпад.

[ГЛАВА 29]

Сэм ударил Вейланда по руке, пытаясь выбить пистолет и неправильно рассчитал силу удара: Вейланд отлетел спиной к стене, и они оба запутались в верёвке. У них над головами заскрипела балка. Сэм схватил его за руку с пистолетом, пытаясь оттолкнуть, но другой мужчина был крупнее и тяжелее, и Сэм не смог воспользоваться усилием, в котором нуждался. Пистолет начал медленно поворачиваться, и дуло было направлено на седую прядь волос на виске Сэма. Сэм в бешенстве перекатился. Вейланд покатился вместе с ним по верёвке, увеличивая её натяжение. Над их головами начала скользить балка, а неисчислимы тонны земли над их головами начали поминутно смещаться. Теперь Сэм боролся за то, чтобы вырваться, выбраться из путаницы верёвок, а также завладеть пистолетом, и двое мужчин метались в разные стороны, пытаясь освободиться от верёвки, если не друг от друга. Сэм почувствовал, как его ладони скользят по вспотевшей руке другого мужчины, и изо всех сил надавил на неё. Если бы он мог найти свой ментальный фокус, свою "ци", то всё было бы просто, но он слишком устал и за последние несколько дней на него обрушилось слишком много ударов и слишком много потрясений. Сэм мог полагаться только на своё тело. Но его тело, хотя и было уставшим, но также было, по крайней мере, сильным и хорошо тренированным. Не обращая внимания на удар локтем в лицо, он обеими руками отбросил пистолет. Вейланд медленно сдавал позиции. Понимая, что он проигрывает, Вейланд выругался и попытался вырвать оружие обратно. Сэм наклонил голову, пытаясь защитить её. Вейланд нажал на спусковой крючок.

Пистолет выстрелил в нескольких сантиметрах от лица Сэма. Он закричал, когда вырвавшиеся газы обожгли его макушку, усыпав его волосы крошечными частичками пороха и оглушив его на одно ухо. Вейланд тоже закричал, торжествуя, и вырвал руку, снова заноса пистолет. Сэм прогнулся под ним, сильно поднял колено и толкнул изо всех сил. Вейланд взвыл как побитая собака, и перекатился от толчка, согнувшись пополам и обхватив себя руками, а Сэм высвободил ногу из последней петли верёвки и кувыркнулся в противоположном направлении, приземлившись на ноги и ища пистолет. Но пистолет не имел значения. Вейланд снова вцепился в верёвку, и на глазах у обхваченного ужасом Сэма, балка, к которой была привязана верёвка, начала отодвигаться от стены. Сэм попытался схватить Вейланда, чтобы оттащить его, но тот снова взвыл и увернулся из его протянутых рук. Сэм едва успел изменить направление движения, когда на них сверху обрушилась крыша...

Эл Калавичи сидел на обочине дороги с работающим на холостом ходу мотором, когда услышал грохот. Он схватил свой бинокль и попытался сфокусироваться в направлении входов в шахту, но ему не понадобился бинокль, чтобы увидеть, что происходит. Грязь и обломки вылетели из обеих дыр в земле, как будто произошёл взрыв. Эл бросился к своему мобильному телефону: "Живчик! Чёрт возьми, Живчик! Что там происходит внизу?" Голос Живчика звучал высоко и он заикался. "Мы...Мы не уверены, Адмирал. Мы не уверены. Наши люди идут в крыло Е. Уильямс говорит, чтобы вы оставались на месте ещё немного." Эл остался, проклиная и молясь про себя, не понимая о чём именно. Когда он впился пальцами в рулевое колесо, приблизился вертолёт Военно-Воздушных Сил, снизился, чтобы осмотреть каждый из входов в шахту, развернулся и снова поднялся. Прошла вечность, прежде чем он вспомнил, что надо посмотреть на часы. Было двадцать минут первого пополудни. Чуть больше часа назад он видел Сэма Беккета в последний раз...Нет. Не в последний раз. Он отказывался в это верить. Эл хотел большего, чем просто надеяться на небеса. Больше всего ему хотелось перезвонить Живчику и выяснить, что происходит, но он заставлял себя оставаться

неподвижным, хранить молчание и наблюдать. Он и раньше посылал друзей в бой и соблюдал дисциплину молчания, ожидая, пока у них будет время и досуг доложить о случившемся. Он мог сделать это снова. Он должен был сделать это снова.

Он поклялся себе, что никогда больше этого не сделает, пока ждал. Никогда. Он ждал, не обращая внимания на пылевой вихрь, хлещущий перекасти-поле по автомобилю, наблюдая, как пыль и дым висят в неподвижных верхних слоях воздуха и медленно, очень медленно, оседают обратно на землю. Эл поймал себя на том, что читает ещё больше молитв, в которые больше не верил, молитв из своего детства, которые он не подозревал, что до сих пор помнит, а время тянулось. Наконец Эл заглушил двигатель машины, чтобы сэкономить бензин и стал ждать. Смотреть было не на что, кроме любопытного койота, который выбежал на середину дороги, опустил голову, чтобы обнюхать старое пятно, и посмотрел на него мудрыми, жёлтыми глазами, прежде чем заняться своими делами, держа пушистый хвост точно на уровне спины. Через некоторое время ястреб сделал круг и опустился на незадачливого кролика. Эл не обратил на это никакого внимания. Он смотрел только на входы в шахту, отмеченные пылью и блестящим зелёным пятном, где поверхностные воды вносили жизнь в пустыню, даже в разгар зимы.

Эл ждал, уже не глядя на часы, не молясь, не проклиная и вообще ни о чём не думая. Насколько ему было известно, возможно, он был единственным человеком в штате или даже на планете, который по-настоящему знал цену ожиданию. Он знал, что такое ожидание: он потратил на это годы своей жизни. Он умел это делать. Он ждал без всяких ожиданий, а через некоторое время и без надежды.

Через некоторое время зазвонил сотовый телефон. Эл стряхнул с себя оцепенение и посмотрел на него. Телефон зазвонил снова, и он поднял трубку.

"Адмирал? Вы что-нибудь видели?"

Эл попытался ответить, но понял, что у него пересохло во рту. Он немного поработал челюстями, сглотнул, и наконец прохрипел: "Нет. Ничего."

"Ну, мы..." - на другом конце провода началось какое-то обсуждение, кто-то отобрал телефон у главного программиста и спросил: "Эл?"

Эл почувствовал, как его глаза расширились, а холодная рука сжала его внутренности: "Сэм? Сэм, это ты?"

"Да. Эл, я в порядке..." - его голос казался неестественно громким, и он сделал паузу, чтобы откашляться, из-за чего Эл понял, что его друг слегка преувеличивает. "Эл, ты можешь вернуться сюда. Вейланд никуда не денется."

Но паралич уже прошёл, Эл Калавичи снова завёл машину и нажал на педаль газа, разбрасывая брызги гравия. У него была только одна мысль: вернуться на Проект и самому стать свидетелем чуда.

На входы в шахту он больше не обращал внимания. Насколько он понимал, они уже были в прошлом. Поэтому было совершенно естественно, что он не заметил, как усталая, грязная блондинка вышла из верхнего входа, села на камень, подставив лицо угасающему зимнему солнцу, и заплакала. Было четыре часа дня, четверг.

[ГЛАВА 30]

В некотором смысле тишина пустыни была громче урагана, который подхватил её и швырнул по туннелю. Воздух, закрученный в туннелях и шахтах, ударил её, как кулаком, и

она лежала, оглушённая, дольше, чем когда-либо помнила, прежде чем смогла поднять голову и оглядеться.

Не далее чем в двадцати футах перед ней виднелось голубое небо.

Поднявшись на ноги, она, спотыкаясь, вышла наружу, доковыляла до кучи шахтных отходов, села и заплакала. Когда она снова подняла глаза, вдали не было видно ничего,

кроме клубов пыли. У неё в ушах стоял звон, и она ковырялась в них, пытаясь заставить его прекратиться.

На неё сердито застрекотала белка, а она сидела, уставившись на неё, думая о бешенстве и хантавирусе, и слишком уставшая, чтобы даже бросить в неё хорошо разжёванную сосновую шишку. Белка взвизгнула, дёрнулась, и сделала кувырок назад в свою нору, а Джесси обнаружила, что смеётся сквозь слёзы.

Она была жива. Она действительно была жива.

И, зайдя так далеко, она была полна решимости оставаться такой и впредь. В поле зрения не было никаких признаков цивилизации, за исключением грунтовой дороги внизу, у подножия холма, но дорога была пуста, и она чувствовала запах сырости в воздухе. Ей ужасно хотелось пить. Джесси поднялась и пошла искать воду.

Сэм понял, что у него не лопнула барабанная перепонка, когда услышал, как Эл ворвался в административную зону, крича во всю мощь своих лёгких: "Сэм! Сэм! Где он?"

Мгновение спустя он уже кричал, обнимал Сэма изо всех сил и требовал рассказать, что, чёрт возьми, произошло. Потребовалось несколько минут, чтобы разобраться.

Затем Сэму пришлось рассказать о Вейланде. Но он опустил то, что этот человек рассказал о Джесси и Йене. Ему хотелось немного подумать об этом, а он не был уверен,

что в данный момент способен думать о чём-либо. Он был грязный и раненый, и он не был уверен, что у него не треснуло несколько рёбер там, где на него обрушилась

каменная плита: плита защитила его от большей части обвала, за что он будет вечно благодарен, но в данный момент ему было больно слишком глубоко дышать. А в ушах у

него не

переставало звенеть, пока он не перестал слышать свой голос.

"Что ж, я думаю, мы должны сообщить людям в Вашингтоне, что кризис миновал," - сказал Маклеод, потянувшись к телефону.

"Нет!" - крикнул Сэм. "Нет," - повторил он уже тише, так как понял, что все в комнате смотрят на него. Он облизал губы, потёр их, чтобы убрать налёт, и заговорил

снова: "Они всё равно приедут завтра, не так ли?"

"Да," - ответило несколько голосов.

"Давайте сделаем им сюрприз."

"Сэм, ты уверен в этом?" - появилась рядом с ним Вербина Бикс. "Это на тебя не похоже. Эти люди - твои друзья. Они так же беспокоятся о тебе, как и мы."

"Я уверен, Вербина," - мрачно улыбнулся ей Сэм. Он огляделся по сторонам. "Надеюсь, поиски Джесси всё ещё продолжаются?"

Несколько голов выразительно кивнули.

"Тогда, если вы не возражаете, леди и джентльмены, я пойду вернусь в свои покои, приму душ и лягу спать. Буду признателен, если вы сообщите мне, если найдёте её, но в

противном случае..." - он не стал просить их сообщить, если они найдут Тони Вейланда. Тони Вейланд был погребён под горой камней. Он закрыл глаза и подумал о том, не

слишком ли он устал, даже для того, чтобы заснуть.

Эл Калавичи смотрел ему вслед, всё ещё не в силах поверить, что Сэм всё ещё жив, а затем повернулся к собравшейся команде.

"Итак, у нас скоро инспекция," - рявкнул

он. "Приступаем к работе. Нам есть над чем поработать."

"По крайней мере, на данный момент," - сухо сказал кто-то.

"Тогда давайте сделаем это," - резко ответил Эл. "Шевелитесь!"

Сэм Беккет проснулся много часов спустя и неподвижно лежал в прохладной темноте, пытаясь сориентироваться. Это был последний день Проекта "Квантовый Скачок". Он был

окоченевшим, у него всё болело, и он был ужасно голоден. "Зи..."

Его рот работал неправильно. Он попробовал ещё раз. "Зигги?"

"Да, доктор Беккет. Я здесь." - голос был ровным, спокойным и уверенным, и, слава Богу, он мог его слышать.

Сэм почувствовал вспышку печали и задался вопросом, боялся ли Зигги своей надвигающейся смерти так же, как он сам, всего за день до этого. Но компьютер был не в

состоянии бороться за свою жизнь. Это зависело от его создателей - людей, которые должны были это сделать за него.

Он так старался. Был так близок к этому.

"Зигги, сколько будет два плюс два?"

"Четыре, доктор Беккет". Голос был слегка извиняющимся.

"Сколько терминов требуется для вычисления значения числа "пи" с точностью до пяти знаков после запятой по уравнению Грегори-Лейбница?"

"Сто тысяч."

"И что это за значение?"

"Три целых, одна десятая, четыре десятых, пять девярых."

Сэм закрыл глаза. Так близко...

Он неловко встал и выполнил ряд упражнений, расслабляя и разминая ноющие мышцы. Сэм с радостью отметил, что на самом деле его рёбра не были сломаны, хотя у него был

огромный синяк вдоль передней зубчатой мышцы и наружных косых мышц с левой стороны. И ещё в... - он застонал, сделав ещё несколько растяжек, - в ряде других

мест. Закончив упражнения, Сэм принял душ, сбрил трёхдневную щетину и оделся.

"Зигги, который час?" - Сэм мог бы посмотреть на часы у своей кровати, но ему хотелось снова услышать голос компьютера.

"Два часа дня, доктор Беккет."

Сэм пожевал губу. "Известно ли нам, что-нибудь..."

"Никаких известий о мисс Оливере не поступало. Наши гости из Вашингтона находятся в воздухе, расчётное время прибытия - один час пятнадцать минут. Адмирал ждёт вас в

кафетерии."

Сэм задумчиво покачал головой. "Спасибо, Зигги."

Эл не только ждал, но уже и приготовил полноценный обед, включающий яйца без холестерина, бекон, тосты, овсянку и

апельсиновый сок, тосты с корицей и кофе. Сэм посмотрел на стол, потом посмотрел на Эла и спросил: "Что это, последняя трапеза приговорённого к смерти?" Эл открыл рот, чтобы ответить, взглянул на потолок и передумал. За него это сделал Зигги: "Поскольку Адмирал не смог определить, из чего должен состоять мой последний приём пищи - учитывая, что приговорённый к смерти здесь я, - это показалось единственно уместным." "Не обращай на это внимания, Сэм," - скорчил гримасу Эл. "Я знал, что ты ничего не ел, вот и всё." "Всё в порядке," - Сэм мог бы обойтись без напоминания о сложившейся ситуации, и он подумал, что потерял аппетит, но уловил аромат бекона и не смог удержаться. Он не мог вспомнить, когда ел в последний раз. Сэм вытирал модифицированный яичный желток кусочком тоста, когда наконец спросил: "Как обстоят дела?" "Без особых изменений," - пожал плечами Эл. "Мы всё ещё не нашли Джесси: мы даже не уверены, что она была там, но мы не знаем, где ещё она могла быть..." Сэм покачал головой, вспомнив звонок, который вызвал его в крыло Е и вспоминая, как двигался Вейланд. "Нет. Она была там, но сбежала от него. Она где-то в этом комплексе." Эл выглядел крайне смущённым. "Я надеюсь, что нет, Сэм, потому что от него мало что осталось. Я разговаривал с Уильямсом, и ты понятия не имеешь, как тебе повезло. Кто-то там, наверху, определённо, присматривает за тобой." Сэм сделал паузу, кивнул, прожевал, проглотил. "Продолжай искать, хорошо? Я помогу, как только мы избавимся от наших посетителей." "От наших...Хорошо. Конечно, если ты так хочешь с этим разобраться." Сэм подумал, что Эл решил, что он избегает того, чтобы столкнуться с реальностью. Ну, может быть, это и так. Может быть. "Они всё ещё думают, что я мёртв, верно?" "Верно. Хотя никто не может понять, почему ты хочешь, чтобы они так думали." "Просто доверься мне в этом, хорошо?" - Сэм вытер рот салфеткой, сделал глубокий глоток кофе и удовлетворённо вздохнул. "Это было именно то, что мне было нужно. Спасибо, Эл." "Я так понимаю, ты чувствуешь себя лучше?" "Как совершенно другой человек, поверь мне," - Сэм глубоко вздохнул и поморщился. "Ну, может быть, и не совсем другой человек. Возможно, несколько частей человека." " "Кинг-Эйр" запросил разрешение на посадку," - доложил Зигги. Сэм и Эл обменялись взглядами. "Иди вперёд и встреть их," - сказал Сэм. "Отведи их в Диспетчерскую. Зигги," - повысил он голос. "Напомни всем, ладно? Это очень

важно. Даже не намекайте на то, что я ещё жив."

Эл поднёс пальцы к виску, небрежно отдавая честь. "Как скажешь. Ты здесь босс."

"Ты чертовски прав," - сказал Сэм. "И я собираюсь таковым и остаться."

Эл приподнял обе брови. "Эй, я не против". Когда Сэм не проявил никакого желания вдаваться в подробности, он отодвинул свой стул и ушёл.

Сэм отнёс свою посуду на маленькую кухню и загрузил её в посудомоечную машину, вспоминая недавний ночной ужин. Была ли Джесси шпионкой?

Возможно, - признался он себе. Он всё ещё вздрагивал при воспоминании о том, как она ушла от него той ночью и о том, как она подошла к нему на следующее утро у

Стены. Если бы ей удалось утаить то, что привлекло его в ней во время их первой встречи, она стала бы миллионершей. Почему это не сработало так же хорошо в их следующий раз, оставалось одной из загадок биологии.

Но шпионила ли она за ним после этого? Сэм был потрясён, узнав, что она работает на Дризни. Однако Вейланд имел ввиду совсем не это.

Теперь это уже не имело значения. Он очистил поверхность, которую необъяснимо пропустил Эл, улыбаясь про себя собственной нелепости, и направился к лифту.

Джесси смотрела на белку и бормотала про себя: "Только подойти поближе, и мы послушаем, как ты запоёшь, ты, маленький бифштекс на лапках". Маленькое существо моргнуло, прижимая свои лапки немного ближе к себе. Джесси сглотнула слюну. Земляная белка сделала кувырок назад и исчезла. Всё было не так уж плохо, успокаивала она себя. Пока не было ветра, зимнее солнце действительно немного грело. Ну, конечно, было не совсем тепло. Скорее, холодно. Для декабря это было удивительно комфортно, но она была рада фланелевой рубашке. Она также была рада этому входу в туннель, где она, свернувшись калачиком, провела предыдущую ночь. Если погода не изменится, она даже сможет идти. По крайней мере, она не испытывала жажды. Она смогла умыться, несмотря на то, что температура воды была на один градус выше нуля, и провела большую часть дня внизу, у дороги. Она поднималась за водой всякий раз, когда голод становился слишком сильным.

Движение было вариантом, который она рассматривала и от которого она отказалась. Она не знала, куда ведёт дорога. Ей показалось, что однажды она видела на ней машину: ей хотелось быть на дороге, если это случится снова. Если машина не появится в течение следующих двух дней, она попробует пойти пешком. К тому времени это, вероятно, уже не будет иметь значения. А пока она всё думала о том, как поймать маленького грызуна. Она решила, что назовёт его Тони. Или, может быть, Йен. В любом случае, маленькая тварь станет трупом, как только попадёт к ней в руки, как и оба её тезки.

"Три целых, одна десятая, четыре десятых, пять десятых, девять десятых.
Черника, вишня, бостонский кремовый пирог. Масляные шахматы.
В основном, просто, внимательно, здесь.
Два плюс два равно четыречетыречетыречетыре..."

Сэм ждал в воздушном шлюзе Голографической Камеры, наблюдая за Тиной. Они с Живчиком стояли вместе, держась за руки, и смотрели в сторону коридора, по которому посетители должны были попасть в Диспетчерскую. Он был уверен, что ни один из них не осознавал этого: они держались за руки для взаимного утешения, пара встревоженных, невинных гениев. Может быть, если бы всё сложилось иначе, Тина была бы вместе с Живчиком, а не с Элом. А может быть, она и будет вместе с Живчиком, если Эл не преодолеет последствия последнего неудачного брака. Сэм не был уверен, хорошо это или нет. Время, несомненно, покажет. Они приближались. Эл и ещё четверо, трое мужчин и женщина. Ральф Бантам, с головой, высунутой вперёд, как у щёлкающей зубами черепахи. Найл Симпсон, который глядел по сторонам сквозь толстые стёкла очков и сжав губы так, будто он надкусил лимон.

Джудит Дризни. На этот раз её волосы были уложены по-другому, зачёсаны назад с лица. Ей это явно не шло. И Йен Сюиэ-Лунг. На этот раз в галстуке. Иногда память Сэма удивляла даже его самого: он мог вспомнить, когда в последний раз видел этого человека в ресторане в Вашингтоне, и тогда на нём не было галстука. Однако на его лице было всё то же надменное, снисходительное выражение лица: "Итак, Сэм, как тебе нравится быть святым покровителем нелуддитов?"

Они вошли и огляделись, впервые увидев законченную Диспетчерскую, не понимая, что представляют собой разноцветные блоки "стола" перед ними, похожие ни на что другое, как на светящиеся мармеладки, слишком долго оставленные на солнце, или на серебряный шар, который висел над ними. Никто из них не мог этого понять, даже Йен, который оглядывался по сторонам с откровенной жадностью на лице. Эл провёл их внутрь и отошёл немного в сторону, присоединившись к Живчику и Тине, давая понять, что здесь его сторона, а там - их, посетителей, незваных гостей. Он не обратил внимания на руки Тины и Живчика. Тина почти сразу опустила их и теперь стояла у левого плеча Эла, а Живчик - у правого. Ральф Бантам откашлялся: "Мы хотели бы выразить наши соболезнования..."

Сэм вышел из Ускорителя на верхнюю площадку ramпы, ведущей к Голографической Камере. Сначала они его не заметили. И только когда он заговорил, они обернулись. "Вообще-то," - сказал он, оборвав сенатора на полуслове, - "Я не думаю, что мне вообще нравится быть святым покровителем нелуддитов."

Все трое посетителей повернулись и уставились на него, раскрыв рты. Когда Сэм говорил, то он пристально смотрел на Йена и видел, как на его лице промелькнула целая гамма эмоций: шок, ярость, разочарование, бешенство. "Что..." - выдохнул другой мужчина.

"Сэм! Мы думали, что ты умер!" - была более прямолинейной Джудит Дризни. Она вошла в Диспетчерскую с намерением его обнять, пока не увидела его лицо. Она замедлила шаг и остановилась, её руки опустились по бокам, и она выглядела сбитой с толку. "Они сказали нам, что ты мёртв," - попыталась объяснить она.

"Я знаю," - ответил Сэм. За спинами посетителей он увидел директора службы безопасности Эймона Маклеода, который вошёл и похлопал Эла по плечу. Эл замешкался, желая что-то сказать, но не желая перебивать Сэма, и, наконец, показал ему поднятый большой палец и ушёл. Посетители этого не заметили. Они по-прежнему замороженно смотрели на Сэма.

Большой палец вверх? Сэм почувствовал, как по его лицу расползается жёсткая ухмылка. Должно быть, они нашли Джесси.

"Что ж, мы рады видеть вас живым," - прохрипел Бантам. "Но, к сожалению, это ничего не меняет. Вы знаете, зачем мы здесь."
"Я знаю, зачем вы здесь," - Сэм спустился по трапу. "Но скажите мне ещё раз, сенатор. Чтобы всем было абсолютно ясно."
"Мы здесь для того, чтобы отстранить вас от должности Руководителя Проекта "Квантовый Скачок"," - рявкнул Бантам. "Мы достаточно долго платили за ваши безумные теории."

Эл побежал к своей машине, роясь в поисках ключей. Департамент безопасности сообщил, что датчики зафиксировали движение под входами в шахту. Датчики, вышедшие из строя из-за обрушения грунта под ними, были восстановлены накануне вечером. Маклеод послал человека проверить сигнализацию. Судя по отчёту охранника, он отправился к Элу.
Эл выехал с парковки, направляясь к дороге, на которой он находился накануне в ожидании.

"Безумные теории?" - с удивлением переспросил Сэм.

"Я видел твои программы, Беккет," - сказал Йен, пытаясь взять себя в руки. "Они не работают. Они выдают бессмыслицу, когда вообще что-то выдают."

"На чём ты их запускал, Сюиз-Лунг? На своём домашнем компьютере?"

"Мы тестировали их на "Крэйсах" последнего поколения, доктор Беккет, и доктор Йен прав. Они не воспроизводят ничего, кроме бессмыслицы. Ваши утверждения о путешествиях во времени - чепуха, и всегда были чепухой. И мы уже потратили на это достаточно денег налогоплательщиков," - выдвинул челюсть вперёд Бантам.

"Итак, я так понимаю, вы собираетесь заменить меня доктором Йеном? Чьи теории гораздо более обоснованы?"

"Сэм, мы знаем, что ты добился здесь чего-то особенного в плане создания нового компьютера," - сказала Дризни, пытаясь его успокоить. "По крайней мере, ты показал мне это, когда я была здесь в последний раз. Но его следует использовать для достижения достижимых целей, а не для осуществления

безнадёжной мечты. Не усложняй ситуацию ещё больше."

"Это совсем не сложно," - сказал Сэм. "Но вы должны задать себе некоторые вопросы по поводу этой ситуации."

"Какие вопросы?" - потребовал ответа Бантам.

Эл свернул на участок дороги, который вёл рядом с входами в шахту, включив при этом фары. Наступил ранний зимний вечер, луны не было и свет фар выделял новый спортивный автомобиль. Эл сбавил скорость, вглядываясь в темноту на горной обочине дороги.

"Вопросы вроде того, каким образом Йен Сюиз-Лунг получил копию программы, которую, как он утверждает, протестировал?" - Сэм снова поднялся по трапу. У него почти кружилась голова. "Откуда он вообще узнал о Проекте "Квантовый Скачок"? Как Сюиз-Лунг выдвинул свою кандидатуру в качестве моей замены? И разве это не придаёт немного предвзятости его анализу моих теорий?"

"В чём ты меня обвиняешь?" - спросил Йен Сюиз-Лунг. "Что ты хочешь этим сказать?"

"Я хочу сказать, что ты недостаточно компетентен, чтобы понимать мои теории, а тем более их анализировать, и что ты несёшь ответственность за смерть Уильяма

Риизлиарда и Тони Вейланда, которые были твоими агентами в рамках моего Проекта. Тони, знаешь ли, не мог перестать болтать. Если этот человек является образцом вашего суждения о персонале, то я бы действительно был обеспокоен."

"Ты сошёл с ума!" - крикнул Йен. "Твои дикие обвинения, твои безумные теории - всё это одно и то же! Ты сумасшедший, Сэм Беккет!"

"Правда?" - спросил Сэм, ведя их вверх по трапу, как Гамельнский Крысолов. Он остановился на пороге Квантового Ускорителя, повернулся к ним и улыбнулся.

На другом конце комнаты Живчик ахнул от осознания происходящего.

Сэм жалел, что Эл ушёл. Он тоже должен был быть здесь. Но нельзя же иметь всё. Этот Проект был его местом, его мечтой, его

домом, и никто, никто не мог это у него
отнять...

А вот и она, отчаянно машет ему в свете фар. Эл остановился рядом с ней и открыл дверцу. "Нам по пути?" - промурлыкал он. Джесси Оливера посмотрела на него сверху вниз.

"Думаю, да," - сказала она и села в машину.

Зазвонил сотовый телефон, и Эл взял трубку, отъезжая назад на дорогу и всё ещё улыбаясь ей.

Это был Живчик.

"Адмирал! Он прыгает!"

Когда Эл нажал на газ, машина вильнула в сторону и направилась обратно на Проект.

"Что случилось?" - спросила Дризни, заглядывая в дверь.

"Это...это эксперимент," - ответил Живчик. "Он испытывает теорию."

"Где он?"

"Он просто, типа, стоит там."

Голоса слились в сбивчивое бормотание.

"Тело доктора Беккета осталось здесь," - сказал голос Зигги. "Его разум переместился."

"Куда?"

"Я не знаю," - признался компьютер. Йен, слушавший его, побледнел.

"Вот дерьмо," - вырвалось у Живчика. "То есть, я имею ввиду, что всё пошло слегка наперекосяк," - поправился он, заметив выражение отвращения на лице Тины.

"Он просто притворяется," - сказал Бантам. "Смотрите..."

"Не ходите туда, сенатор!". Но Бантам всё равно вошёл, потянулся к Сэму и тут же был сбит с ног.

"Я установил защитное поле на докторе Беккете до тех пор, пока мы не сможем определить, где он находится," - сказал компьютер.

"Вы не можете прикасаться к нему."

"Ну что ж, полагаю, это значит, что Зигги отключить нельзя," - сказала Тина, переходя к главному.

"Что вы имеете в виду?" - запротестовал Бантам. "Он же прямо здесь. Он стоит там."

"Самого Сэма Беккета здесь нет," - сказал Зигги. "Его эксперимент был, возможно, несколько преждевременным. В тот момент, когда он вошёл в Ускоритель, дамы и господи, Сэм Беккет исчез."

Он плыл куда-то, теряясь в голубовато-белом свете.

Не было ни ощущений, ни веса, ни запаха, ни вкуса, ничего, кроме окружающего его света. Возможно, он двигался: он не мог сказать наверняка. У него не было

тела. Двигался ли он по воздуху, в пространстве, через электронные схемы, определить было невозможно. Шло ли время в ту или иную сторону, тоже было невозможно определить.

"Доктор Беккет."

Голос окружал его, как окружал его свет, был частью его самого, как свет был частью его самого, был им самим.

"Да? Здесь есть кто-нибудь?" - он произносил слова без помощи губ, зубов и языка, чтобы сформировать их, мыслил словами и слышал их так же, как он слышал голос, не

имея ушей. Если бы у него было тело, он, возможно, огляделся бы вокруг в поисках источника голоса, кого-нибудь, кому можно было бы дать ответ.

Было важно, чтобы голос знал, что он там. Что кто-то знает, что он был там. Чтобы кто-нибудь нашёл его. Чтобы кто-то знал, кем он был. Потому что он сам...этого не знал. "Кто вы?"

У него было ощущение, что его исследуют, испытывая интеллектуальное любопытство, как будто теперь настала его очередь быть образцом под микроскопом, подвергнутому исследованию и экспериментам.

"Вы готовы, доктор Беккет?" - спросил голос. И он не стал дожидаться ответа. Его желание, его подготовленность были безразличны, как готовность червя к препарированию была безразлична студенту. Наконец, появилось ощущение движения, прорыва сквозь великие последствия, ощущения того, что его швыряет и разрывает что-то, чему он не

знает названия, ощущения того, что его несёт к месту назначения, которое он не выбирал.

"Кто я такой? Где я?" - потребовал он ответа. Голос обратился к нему по имени, но это было имя, которое он не помнил. "Что это за место? Почему я здесь?"

"У вас есть работа, доктор Беккет. Вы многое должны исправить и многому научиться."

"Как долго я здесь пробуду?" - спросил он. "Когда я смогу вернуться домой?"

Он не мог вспомнить, что такое "дом". Всё, что он знал, это то, что это было хорошее место, его место, где у него была личность, друзья, и люди знали, кто он такой, где он знал других людей, где у него была задача, которую нужно было выполнить, и он хотел вернуться туда. Домом было какое-то другое место, нежели этот голубой свет.

Чудесным образом ощущение стремительного бега по каньонам прекратилось, как будто экспериментатор сделал паузу между столом для препарирования и электронным микроскопом, чтобы ещё раз взглянуть на окрашенное предметное стекло, которое он рассматривал. "Домой? О нет, домой вы пока не вернётесь. У вас ещё есть работа."

"Но когда-нибудь...Когда-нибудь это произойдёт. Я обещаю."

